

С А Г А

ОДЕССКАЯ САГА

ЮЛИЯ ВЕРБА

НОЕВ КОВЧЕГ

Annotation

«Ноев ковчег» – вторая книга «Одесской саги». События ее разворачиваются с зенита НЭПа до беспросветного 1942-го. Пять повзрослевших, таких разных детей Фиры и Вани Беззуб строят, рушат и складывают заново свои судьбы. Женьку, Котьку, Аню, Ксению, Лиду расплескает с двора на Молдаванке до Хабаровска и до польской границы. Как они будут выплывать из исторического цунами? Поможет ли им выжить и сохранить себя хваленое одесское жизнелюбие? Каждый из Беззубов будет выживать по-своему – цепляясь за любовь, плывя против течения или вылавливая прибыль в мутной воде. Но двор на Молдаванке – как Ноев ковчег – до последнего будет оберегать своих жителей...

- [Юлия Верба](#)
  -
  -
  - [1925](#)
    -
    - [Дорога в облаках](#)
    - [Аварийная Аня](#)
    - [Преступление и наказание](#)
    - [В профиль](#)
    - [Гром не грянул](#)
    - [Мама приедет](#)
    - [Красная нить](#)
    - [Юсуф](#)
    - [Не судьба](#)
    - [С того света](#)
  - [1926](#)
    - [Новенький-готовенький](#)
    - [Страсбург](#)
    - [Слон на веревочке](#)
  - [1927](#)

- [1928](#)
  - [Цыплят по осени считают](#)
  - [Как знак](#)
  - [На бис](#)
- [1929](#)
  - [«Великий перелом»](#)
  - [Осоавиахим с ним](#)
  - [Рабочая няня](#)
  - [Фрунзенский Николай](#)
  - [Не понос – так золотуха](#)
- [1930](#)
  - [«Алягер ком алягер»](#)
  - [Джутовая революция](#)
  - [Развлечения на пленэре](#)
  - [Оружейный пикник](#)
  - [Возвращение в Одессу](#)
- [1931](#)
  - [Крупная рыба](#)
  - [Котька](#)
- [1932](#)
- [1933](#)
  - [Ксюша](#)
  - [Золотое дно](#)
  - [А вас я попрошу остаться](#)
  - [Лучшие друзья девушек](#)
  - [Ну вот опять](#)
  - [Штормовое предупреждение](#)
- [1934](#)
  - [Московский гость](#)
  - [Не оглядываясь](#)
  - [На посошок](#)
  - [Отрада](#)
  - [Сюрприз](#)
  - [Гешефты](#)

- [Иван Беззуб второй](#)
- [1935](#)
  - [Наша кровь](#)
  - [Куплетный конфуз](#)
  - [Фенечка и Сенечка](#)
- [1936](#)
  - [Перевод](#)
  - [Крест и молот](#)
  - [Оперативный душ](#)
  - [Без защиты](#)
  - [Начеку](#)
  - [С глаз долой](#)
- [1937](#)
- [1938](#)
  - [Каменец-Подольский](#)
- [1939](#)
  - [Убить дракона](#)
  - [Новый поворот](#)
- [1940](#)
  - [Отпуск](#)
- [1941](#)
  - [Как в последний раз](#)
  - [Кому война – кому мать родна](#)
  - [Оборона](#)
  - [Эвакуация](#)
  - [Никому!](#)
  - [Гедаля](#)
  - [За что?](#)
  - [Бенефис](#)
  - [Путь на восток](#)
  - [При румынах](#)
- [1942](#)
  - [Пропал](#)
  - [Мельницкая, 8](#)

- [«Бег козы»](#)
- [Жидлан](#)
- [Со всех сторон](#)
- [Хабаровск](#)

- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
-

Юлия Верба

Одесская сага. Ноев ковчег

Книга 2

© Ю. А. Верба, 2020

© М. С. Мендор, художественное оформление, 2020

© Издательство «Фолио», марка серии, 2019

* * *

*Моей
бесконечно
любимой и родной
молдаванской
семье. Вы всегда со
мной!*

*Саша Крылов,
спасибо за
Гордееву*

1925

– Не-ет! – Фира заорала так, что Ксюша чуть не выпала из окна. Она качнулась в сторону улицы и вцепилась в тяжелую набивную гардину.

– Мам, ты чего?

Фира, не соображая, в ужасе сгребла Ксюшу вместе с занавеской и рванула вниз. Сначала Ксения Ивановна получила оглушительную затрепину, а потом мамины же поцелуи пополам со слезами.

– Не смей меня так пугать! – Фира снова замахнулась, но запуталась рукой в оборванной шторе. – Ты, мишигинер^[1], куда ты выдряпалась? Убилась бы сейчас! В лучшем случае ноги бы поломала!

Ксюша, которая больше испугалась маминых воплей, чем возможного падения, всхлипнула и потерла макушку:

– У-у-у-у! Мама, больно!

Фира прижимала к себе вырывающуюся дочь и не могла понять, что с ней самой происходит. Ноги свело судорогой, руки онемели, в горле комом застряло и не давало дышать слово «смерть». Это оно только что бумажной ласточкой осязаемо и страшно порхнуло возле ее семьи, коснувшись гардины. Оно, это страшное непроизносимое слово, металось, царапало коготками грудь и глотку, билось перепуганной летучей мышью, влетевшей в их с Ваней спальню.

Если бы Фира продолжала общаться со своей бывшей заклятой подругой и уже свахой – Еленой Фердинандовной Гордеевой, то наверняка узнала бы, что это «сердечный невроз», который через шестьдесят четыре года будет квалифицирован в «паническую атаку».

Ксюша вынырнула из-под Фириной руки:

– Мама, ты чего такая? Мам, водички?

Дорога в облаках

Иван Несторович с ухающим сердцем сел в кабину.

– Что-то я волнуюсь, как гимназистка...

– Давай, Ванька, сейчас руки сами все вспомнят! – радовался, как мальчишка, главный конструктор бывшего одесского авиазавода Анатры Василий Хиони. – Давай, заводи шарманку!

Шарманка была после ремонта – знаменитый бомбардировщик «Анадва», он же «Двуххвостка Хиони», – двухфюзеляжный трехстоечный биплан с крыльями большого размаха и двумя двигателями «Самсон» мощностью 140 л. с. С семнадцатого года он уже был на вооружении военных летчиков.

– Ну что – прогуляем лошадку?

Иван Беззуб неожиданно легко и уверенно поднял машину в небо, сделал круг над летным полем.

– Давай! – орал Хиони. – Давай! Он до ста тридцати разгоняется! Ванька! Ванька?!

Ваня сидел задохнувшись, вцепившись в руль – резкая загрудинная боль осиновым колом пробила сердце. Он практически не дышал, не слышал, только сжимал штурвал...

«Слушай!» – В Ваниной голове внезапно зазвучал голос деда Ивана Несторовича, казацкого полковника-пластуна. Этот навык выплыл откуда-то из глубин детской памяти, вколоченный намертво затрещинами деда. И Беззуб переключился с пронизывающей боли на слабый звук – так, на одной ноте, бесконечно долго выла Ира, когда убили их сына. Боль не отпускала, но в ней начали появляться просветы, которые словно прорывал, просверливал этот монотонный гул. В просветы он увидел небо и приближающееся поле.

– Ирочка, ну что ты, я же обещал, что не брошу тебя.

Биплан, задыхаясь, с ревом, подломив обе стойки шасси, рухнул брюхом на поляну возле авиазавода.

– Ваня, да что с тобой! Что ж ты воешь волком так, что кровь в жилах стынет! Машину швыряешь, как мамзель сумочку?!

– Ванечка... – Хиони осекся.

Ваня судорожно вздохнул и, отлепив руку от штурвала, потрогал лацкан: – Дай...

– Ванька, да как же?

Василий Хиони залез в нагрудный карман Беззуба, вытряхнул все таблетки, трясущимися руками сунул в сухие Ванины губы половину. Потом взял пару и затолкал себе в рот.

– Да ну тебя, Ванька, чуть в штаны не наложил! Я ж тоже сердечник!

Аварийная Аня

Аня открыла глаза – перед ней стоял живой, невредимый и совершенно обескураженный Борька Вайнштейн. Заросший практически по глаза курчавой бородой с проседью, в татарском малахае на нечесаной голове. Чумазый, воняющий костром, бараньим салом и еще бог весть чем не очень приятным, но все равно узнаваемый.

– Боря?.. Тебя же расстреляли... – прошептала Аня и снова потеряла сознание.

Боря, подбираясь к разбитой машине, успел подумать о чем угодно – о хорошем оружии, нормальной одежде и новых документах, если повезет с трупом или раненым пассажиром... Машина-то шикарная. Была. Не иначе – какая-то партийная шишка. Водитель ясно – не жилец, а пассажир... Он провел по карману, проверяя, на месте ли нож, и рванул дверь...

В машине, в залитой кровью блузке, сидела Анька Беззуб, его соседка, малая с их двора. В прошлой жизни он вообще ее не замечал – Женька, черноглазая оторва, ее младшая сестра, будоражила и манила, а эта белокурая чахоточная революционерка просто жила рядом.

Но теперь, когда Борька, загнанный в угол, потерявший всё и всех, выживающий диким зверем по глухим татарским поселкам, увидел обломок своей прошлой жизни, его прошиб ужас: «Не умирай! Только не умирай!» Он сильным, но бережным рывком выдернул Аньку из машины и перенес в тень ближайшего куста.

Что было дальше, она так никогда и не вспомнила. Сознание подкидывало ей только какие-то обрывки – спуск с горы еле заметными тропами, ветки, хлеставшие ее по телу и лицу, несколько падений, достаточно болезненных, вкус чего-то очень кислого и прохладного на губах и вода, несколько раз вода – холодная и желанная, усмиряющая нестерпимую боль и жажду, колючая жесткая ткань, трущая по разбитому лицу, и острый, тяжелый запах мужского немытого тела.

Как потом ей рассказали сотрудники санатория «Красный Шахтер», какой-то глухонемой татарин в замызганном халате принес

ее на руках к проходной санатория и знаками показал, что была авария выше в горах на шоссе и ей нужна помощь. На все вопросы отвечал непонятым мычанием, а когда послали за директором санатория, вообще сбежал.

Директор сразу узнал Анну Ивановну, грозу всего Южного побережья, проверяющую агитационно-культурное содержание досуга и оформления санаторно-курортных госучреждений. Своей должностью он косвенно был обязан ей. Именно Анна Беззуб накатала телегу и разгромное письмо на его предшественника и начальника. Ну и правильно, нафиг было подкатывать к такой одержимой. По ней же видно – сумасшедшая идейная коммунистка. А за спасение такой можно не только индульгенцию получить, но и повышение. К проходной моментально был вызван санаторский фельдшер, и под его причитания на машине директора Аню экстренно доставили в военный госпиталь в Симферополь.

Сломанный тазобедренный сустав, множественные переломы обеих ног, треснувшие ребра и чудовищная кровопотеря. Как она выжила и продержалась до госпиталя, вообще не понятно. Три операции, остановка сердца, гипсовый корсет...

Лежа на вытяжке, Анька напряженно вспоминала, и сильнее боли в ногах ее мучили вопросы: Борька Вайнштейн, официально расстрелянный и оплаканный всем двором, это был плод ее угасающего сознания или все-таки реальный человек? Но как?

И кто же все-таки нес ее несколько километров по склону на себе, спасая от неминуемой смерти? Кто наложил жгут и сделал подобие шины из ветки, а еще и повязки со странно пахнущей густой и черной мазью? Куда делся тот немой татарин-спаситель?

А еще она ждала. Ждала, что сейчас скрипнет дверь палаты и, не поворачивая головы, не открывая глаз, она узнает посетителя. По неповторимому звериному запаху. Ее первую и единственную любовь, Макса – (Менделя) – Дейча, бывшего председателя одесского Губчека. Он порвал с ней так же уверенно и аккуратно, как и лишил невинности. Но она верила. Однажды Дейч почти вернулся к ней, в ее сад, в ее дом. Она почуяла и боялась шелохнуться, чтобы не спугнуть, но Макс так и не решился подойти к ней... Может, сейчас, узнав о ее практически гибели, человек победит зверя? Или все же дикий зверь,

живущий внутри него, победит чекистскую стальную клетку и он рванет к ней? Но нет. Прошел месяц, потом второй...

Преступление и наказание

Мадам Голомбиевская, она же Нюся-полячка, так и не догнала свою пропащую дочь Полину. Шутка ли – в тринадцать лет целоваться среди бела дня и во втором ряду иллюзиона! Она! Ее надежда! Ученица лучшей балетной школы Одессы! Да еще и с кем! С Котькой Беззубом! С этим кошмаром! Нос флюгером! Ноги – как руки, руки – как спички, соплей перешибить можно! Недоразумение, а не мужик! И ни одной юбки не пропускает! Ты что, ослепла, дура малолетняя? Ты мне в подоле принести хочешь?!

Это и многое другое об анатомии младшего Беззуба, венерических заболеваниях и тяготах жизни падших женщин узнала Полиночка, когда в сумерках зареванная прокралась домой.

Ривка вышла снимать белье и подняла голову в небо:

– Ой, Анюта, оставь дите в покое! Вот кто бы говорил!

– Ривка, ты сейчас тоже получишь! – рявкнула Нюся. В ее комнате что-то громко погибло насильственной смертью об стену.

– Ах ты шалава малолетняя! – снова заорала она.

Мадам Полонская встала рядом с Ривой.

– Нет хуже моралисток, чем бывшие бляди... – философски заметила она.

– Почему бывшие? – удивилась Ривка. – Она ж до сих пор в профессии.

– Тем более. Как думаешь, может, ее отвлечь?

– Оно тебе надо? Мама всегда права.

– А что Фиры не слышно? Ни Котьки битого, ни Нюськи заткнутой. Не похоже на нее совсем.

А Фире было не до того. Она сидела рядом с Ваней и обцеловывала его руки:

– Адиёт! Адиёт! Как же ты меня напугал! Никаких самолетов! Никаких рэволюционеров! Ты поедешь в санаторий! Я все устрою!

– Ирочка...

– И никаких возражений! Ты меня знаешь!

– А что там Котька учудил, что мадам Голомбиевская через слово его поминает? – улыбнулся Ваня.

– Вот еще этим ты не беспокоился! Что Котька? Целовался с Полиночкой.

– С ума сошел! У нас в семье что, дальше двора пару искать лень? Ты посмотри, они через одного здесь себе все нашли! Что Лидка, что Женя...

– Вот только этим ты не волновался! Как говорила моя бабушка: целоваться – не отдаваться...

– Я с ним поговорю, – вздохнул Ваня.

– Я сама, любимый, не волнуйся, – прервала его Фира.

Полину посадили под домашний арест. А пока она страдала, соседский Котька упивался своей новой страстью, которая затмила всех девчонок, вместе взятых.

Никаких отцовских инженерно-технических изысканий, никаких полетов! В двадцатые все одесские мальчишки от пяти до пятидесяти бредили футболом.

Не только и не столько дворовые пацаны гоняли мяч на пустырях. «Канатчики» с завода «Стальканат», «январцы», «петровцы» с табачной фабрики имени Петровского, «пищевики», команда милиции «Олимп» и даже «Спартак», состоявший из сотрудников ГПУ, сражались до темноты на полянах и площадях. Но все же главной футбольной звездой Одессы были портовики. Еще в двадцать втором они собрали команду «Местран» и регулярно становились чемпионами Одессы.

Главной базой для игр и тренировок стало Куликово поле возле железнодорожного вокзала. И если Ваня, возвращаясь из депо, относился к этим баталиям со снисходительной улыбкой, то Котька пропадал там с утра до ночи. Мало того, что площадок и импровизированных полей хватало и для взрослых, и для пацанов, так здесь совершенно бесплатно можно было посмотреть на грандиозные баталии! Шутка ли – «Местран» встречается со сборной СССР!

Шестого мая среди пяти тысяч зрителей, удобно разместившихся на камнях Куликового поля, сидел возбужденный и дрожащий от нетерпения Котька, который занял место еще на рассвете. Он, как и все Беззубы, к бесконечному счастью Фиры, тоже нашел свою главную страсть. Какие девчонки, когда тут такая игра?!

А еще рядом с ним подпрыгивает от нетерпения и становится на цыпочки, чтобы увидеть все поле, и этот забавный, сам похожий на мяч, Исаак Гросман, уже в возрасте – лет двадцати пяти, главный одесский болельщик. Исаак здоровался со старшими, приветственно махал рукой футболистам и бурно комментировал всю игру. Котька уже однажды сидел с ним рядом и ловил его оглушительные эмоциональные комментарии. Это было даже увлекательнее самого матча.

Драматизм зашкаливал – игра закончилась со счетом 0:0. Следующий матч – через три дня.

Помимо сборной поиграть с портовиками регулярно приезжали команды из Москвы, Киева, Харькова, Донбасса и Северного Кавказа.

После очередного возвращения потного, чумазого и возбужденного Котьки Фиры громко огорчалась: – Котя, я понимаю, что твое призвание – стать врачом по-женски или мастером куафюр, но ты можешь уже определиться, что конкретно? Потому что этот мяч тебя не прокормит. А если ты порвешь еще одни штаны, то гулять будешь в зимних кальсонах!

– Мам, дай тряпочку, – Котька терся своим орлиным клювом о Фирино плечо.

– Шморкаться?

– Нет, побольше – мячик набить.

– По-моему, ты в доле со старьевщиком Яшей. Если собрать все, что ты вынес, – можно было уже набить дачу Анатры под крышу! Вы что, едите эти тряпки?!

– Мамочка, ну ты что, набиваем.

– Чем?

– Ну как чем? Ногой!

Ваня, подбрасывая на ладони очередную модификацию имени Котьки – увесистый гибрид мяча и кистеня, набитый песком, задумчиво сообщил:

– А протопоп Аваакум предлагал тех, кто мяч гоняет, на кострах жечь.

– Ой, папа, ваша религия уже не модно, смотри, как я могу!

Котька был чемпионом «хутора» и мог чеканить свою песчаную битку часами не роняя.

– А руками, сыночка, ты работать совсем не хочешь? – смотрел поверх очков Ванька.

Котька действительно не очень любил руками. Как все молдаванские пацаны, он был ловким, но не мастеровым.

Несмотря на пророчества Фиры, он, тяжело вздыхая, все же пошел на завод. И хотя она радовалась, что ребенок все-таки решил продолжить дело отца, причина такого странного выбора была, честно сказать, очень далекой от трудовых династий: новоиспеченная «Январка», завод имени Январского восстания, возникший на базе кустарных артелей и железнодорожных мастерских, тоже имел свою футбольную команду. Но игроков в ней не хватало...

В профиль

Женька крутилась перед зеркалом – ну не видно ничего! Зато ее практически плоская грудь внезапно налилась и припухла.

– Ого! – восхищался Петька. – Вот это премиальные к лучшей новости в городе! Маме сказала уже?

– Еще нет. Хочу, чтобы сама заметила.

– Ну ты кремень! А ты как себя чувствуешь? Я знаю, что там недомогания всякие дамские... Тошноты...

– Какие тошноты? Ты явно у своей мамы клиенток наслушался, – Женька победоносно улыбалась. – Я только жрать хочу, как биндюжник. Мяса хочу... Хотя, может, я у тебя просто обжора? Может, это еще показалось...

– Что-то тебе второй месяц кажется. Ты посмотри, какая ты красивая. Там точно пацан! Мяса просит!

Петька нежно поцеловал Женькин плоский живот.

– Эй, гражданин! Вам курочку или вырезку? Кстати, может, к маме моей сходишь? Она же лучшая по родам. Вон тебя у Ирины Ивановны принимала...

Женька насупилась:

– Смерти моей хочешь? Ты забыл, что она даже на свадьбу не пришла? Я сдохну, а к ней не пойду!

Гром не грянул

Гедаля сидел посреди двора, вытянув свои длиннющие ноги. Между ног стоял табурет, на нем – бутылка водки и полный стакан. Гедаля задумчиво смотрел, как греется на солнце водка.

– Гедаля, ты что, тренируешь силу воли? – выплыла из двери мадам Полонская. – Давай я буду принимать ставки: через сколько минут ты не выдержишь?

– Они... они закрыли синагогу, – выдохнул Гедаля. – Они ее отдали еврейскому рабочему клубу...

– Ой, можно подумать, – махнула рукой мадам Полонская, – иначе называется! Главное – есть повод и место, где собраться.

– Ты не понимаешь, – чуть не со слезами продолжал он, – не понимаешь! Теперь Бродская синагога – это клуб Розы Люксембург по просьбе молодых еврейских безбожников! И в этом клубе мой Макс! Мой старший!

– Гедаля, – мадам Полонская оперлась на его плечо, – ну что ты сокрушаешься? Можно подумать, ты был сильно набожным или сильно чтил субботу! Или ходил в Бродскую синагогу! Ну что помимо мезузы на двери и мацы на Песах у тебя было?

– Они все забрали! Они забирают веру, они забирают детей... – рыдал Гедаля.

– Если это твои дети, так они вернутся. Пей уже, хватит греть, – вздохнула мадам Полонская.

Здание Бродской синагоги после торжественной передачи еврейской молодежи на основании постановления Всеукраинского Центрального исполнительного комитета УССР и Одесского губисполкома, а также решений общих собраний рабочих и служащих предприятий Одессы, собрались лишить последних религиозных признаков. На входе стояли белоснежные мраморные скрижали с золотыми буквами заповедей. Но даже нанятые русские рабочие не осмеливались осквернить святыню, опасаясь кары Божьей.

Но пришла на помощь отважная безбожница из Евсекции – Еврейской коммунистической секции, созданной при компартии.

В задачи этой организации входило подавление проявлений религиозности и «буржуазного национализма» в еврейской среде.

Пролетарская культура и диктатура пролетариата вместо еврейской местечковости. Евсекция была создана еще 1918 году, но в Одессе популярность набирала относительно медленно. Тем не менее, ярая сторонница прогресса выхватила молот и сделала первый удар. По скрижали с грохотом пробежала огромная трещина.

– Вот видите, ничего не случилось! Гром не грянул! Можете продолжать! – улыбнулась революционерка.

Гедаля допил, аккуратно поставил стакан и посмотрел на Софу Полонскую:

– Вы же будете следующие. Ваши храмы тоже закроют.

Мама приедет

– Анна Ивановна, феникс вы мой сизокрылый, – похлопал Аньку по гипсу заведением хирургии и травматологии. – Танцуйте! К вам гости!

Анька повернула голову – на пороге стояла мама, Ирина Ивановна Беззуб, и внезапно вытянувшийся еще больше, худой и нескладный Котька.

– Доченька... Доченька моя, – прошептала Фира, делая шаг к кровати.

Анька стиснула зубы и отвернулась.

– Анечка, ты можешь говорить?

– Владимир Львович, можно, я посплю? Что-то я устала.

– Ничего, еще отоспишься, давай, не смущайся. А вы чего оробели – обнимайте! Только на гипс не садитесь.

Фира дрожащей рукой погладила Анину щеку, потом загипсованную ногу на вытяжке и улыбнулась:

– Ты ж моя негибкая...

– Скорее ненужная.

– Анечка, ты что? Я приехала, как только узнала.

– Через два месяца? Вы пешком из Одессы шли?

Анька зажмурилась, чтобы скрыть слезы, и отвернула голову:

– Не хочу вас видеть! И разговаривать не хочу!

Фира присела на край кровати и погладила ее по коротко стриженной светлой голове.

– Ну и не говори. А я рядом посижу. И вообще, придется тебе, девочка, мучиться моим обществом, пока гипс не снимут. Так что давай, выздоравливай.

Аня отвернулась. Фира просидела минут пять молча, поглаживая одеялко, а потом слизала проступившую кровь с прокушенной губы и поднялась.

– Пойду пищеблок ваш проверю, а то как ты тут выжила без нормального бульона, даже не представляю.

Котька плюхнулся рядом с Аней и потрогал ее за плечо:

– Ань, Анечка, ну открой глаза, ну поговори со мной... А? Ну я все понимаю, ну нельзя так, ты ж не знаешь, что дома случилось. Ну

не могли мы раньше...

Аня повернула голову к Коте и прошипела:

– А что такое могло случиться, чтобы к родной дочери, которая при смерти, вся переломанная, приехать два месяца нельзя было? Вам что, не сообщили?! Не верю! Забыл, кем я работаю?!

– Анька, ты не понимаешь...

– Да все я понимаю! Задолбались вы меня спасать, видимо...

– Дура ты! – вспыхнул Костик. – Дура! Папа умер!

Анька остекленела: – Как? Когда?!

– 11 июня. Сердце. Сначала в аэроплане удар случился.

– В каком аэроплане?

– Ты ж дома сколько не была? Он с железной дороги ушел, точнее, его ушли. Его удар хватил, но Лелька откачала. А потом он пошел в авиамастерские устраиваться. Взлетел, и второй удар случился. Но он машину удержал, и сел. И домой доехал... Он сказал, что не мог умереть, не попрощавшись с мамой. А потом... потом, через два дня, во сне... Гордеева на вскрытии была, сказала, что в сердце там половина умерла еще в самолете. И как он столько протянул, непонятно...

Анька запрокинула голову в потолок и ладошкой оттирала льющиеся слезы.

– Прекрати! Слышишь, прекрати, мама меня убьет, она запретила тебе рассказывать, – плакал рядом Котька. – Он во сне ушел. Без боли. Заснул и не проснулся. Мама рядом спала... даже не услышала. Ты, ты не представляешь что с ней было... Она, когда гроб опустили, в могилу за ним спрыгнула. Трое мужиков еле вытащили. А ты на нее кидаешься. Мы думали, она не выживет. Ты же знаешь, как она папу любит... Мы с Петькой держали, а Гордеева колола что-то, чтоб спала. Две недели такого кошмара. А тут как раз на девять дней телеграмма из твоего госпиталя. Лидка забрала. Собрала всех и сказала маме пока не говорить, что она точно не переживет. Мама случайно узнала. И выехала через два часа. Господи, что она нам дома устроила, а потом на вокзале в кассах! Меня взяла только потому, что я поклялся, что ничего не знал про тебя... Анька, слышишь?

– Па-аапочкааа...

– Ах ты ж засранец! – Фира подняла Котю за ухо с кровати. И Анька посреди слез непроизвольно хихикнула. Котя был выше мамы

на две головы и склонился вопросительным знаком к ее поднятой руке.

– Ну все, Константин Иванович! Вон пошел из палаты!

– Мамочка родная! Мама, наклонись ко мне, – попросила Анька.

Фира, не отпуская уха Котьки, наклонилась к ней:

– Девочка моя любимая! Не надо было тебе говорить! Не сейчас!

Ира целовала ее мокрые щеки, колючую, пахнущую больницей и стирочным мылом макушку.

– Надо! Надо! Мамочка, любимая, держись, пожалуйста!

– Да куда я денусь! С вами ни сдохнуть, ни даже поскорбеть нормально нельзя! Уже по двадцать лет коровам, а не видать мне покоя!

Через три дня Фира смешила целый этаж госпиталя.

– Не! Ну вы это видели! – орала она на все отделение. – Вот скажите мне, гражданка Беззуб, ну неужели нельзя было хоть одно лето вести себя прилично и не ломать ноги? У нас же Лидка по театральным спецэффектам. Тебя чего угораздило? Что за упаднический декаданс? Олени, серпантины, переломы – как в дешевой фильме, ей-богу! Давай, красная командирша, ложечку за маму! В вашем Крыму просто беговые куры – я ничего пристойного на бульон не нашла. Спасибо Коте с его мужскими чарами: пошел по дворам – вернулся с трофеями. И заметь, я даже не спрашиваю, на что он выменял эту синюю птицу!

Фира успела вовремя. – точно к самому тяжелому восстановительному этапу.

Гипс заменили тугими повязками и начали восстановление атрофированных и порванных мышц. И Аня в голос сокрушалась, что не умерла сразу в машине. Бесчувственные ступни, спичечные икры и дикая боль в каждой кости.

Но Фиру это не волновало. Все ее нереализованные медицинские мечты и приобретенные навыки многолетней матери обрушились на дочь. Она начинала с массажа, потом таскала Анькины ноги в примитивной гимнастике. А когда та отворачивалась к стене – читала вслух вынесенные из местной библиотеки «Вопросы жизни» Николая Пирогова. После обеда и сна все повторялось по кругу.

– Котя, я тебя умоляю, забери маму! Она меня замучила... Замучила совсем. Своим бодром голосом, этими хиханьками,

вычиткой врачебной, бульонами бесконечными... Ну не помру я уже. Честно. Не в этот год. Дайте покоя. Дайте мне время...

– Как тогда в санатории? – с готовностью переспросил Котька.

Анька помрачнела, но Котька этого заметил.

– Точно. Как тогда в санатории. Но как тогда – больше не будет...

Именно там, в закрытом номенклатурном санатории для политкаторжан она познакомилась со своей первой и единственной любовью – Максом Дейчем. Тот злополучный аборт и его сегодняшнее равнодушие не давали ей ни дышать, ни жить обычной жизнью. Она горела неугасимым синим пламенем обиды и ярости – на него, на себя. Бесконечно перебирая в голове варианты – где не то сказала, где недожала, что пошло не так, а что было бы, если... И это «если» болело сильнее сломанных костей.

Фира пришла как обычно – после утреннего обхода. С привычным одесским радушием, подарками и шуточками она влюбила в себя все смены и врачей, и младшего персонала. За эти пару недель она стала своей в этом проклятом госпитале.

Вытащила чугунок:

– Я принесла тепленькой картошечки! Со сливочным маслом, как ты любишь!

– Не хочу «картошечки»! Мама, ну пойми!

– Ну тогда эклер с заварным кремом. Я не видела еще баб, которые бы отказались от моих эклеров. Ты не представляешь, как их сложно готовить в печке!

И тут Анька взорвалась:

– Мама, ты так и не выросла! Где ты застряла? В детстве? В переезде в Одессу?! В куклы недоигралась – вот сейчас мы больному мишутке дадим конфетку, и он сразу выздоровеет!.. Мама, ноги не ходят, все срослось углами, я – инвалид! К тому же чахоточный! Смирись уже, что торт не поможет! Ну судьба у меня такая!

Фира отставила корзинку с едой. И развернулась к Ане:

– А по-моему, это ты не выросла. И думаешь, что будет, как в детстве: заболела – и все хороводы вокруг водят. Можешь не рассчитывать. На судьбу так точно. Второй раз не сработает. Несчастной и больной ты ему точно не нужна. Да, я пытаюсь тебя отвлечь, я стараюсь тебя раздражать, потому что в эти моменты ты

злишься и сражаешься – хоть со мной, а не упиваешься персональным горем. Мужик ее бросил! Делов-то! Сколько уже прошло? Год? Другого найдешь!

– Не найду я такого! Не нужен мне никто!

– Это я не найду. И не нужен. А твой живой-здоровый, да еще и на таком посту. Хочешь вернуть? Стань, как он. Удиви его своей силой. Стань художницей, чиновником, да все равно кем. Ему доложат, не сомневайся. А там и встретишься, и докажешь, и тогда ты, ты, а не он, будешь решать, нужны эти отношения или уже нет. И я надеюсь, что ты скажешь: нет. А потом встретишь, полюбишь нормального человека, достойного. Детей родишь!

– Да не будет у меня никаких детей!

Фира хмыкнула:

– Надо же, поверь, деточка, я тоже когда-то точно так же считала.

– Да выскоблила меня твоя Гордеева! И авария! Ты думаешь, там что-то осталось?!

– Что значит Гордеева выскоблила?! Лелька?! Когда?! Тогда? И не сказала... Он знал?

– Он отправил.

– Ах сука какая... Лелька – сука! Девочка, Анечка, что ж ты ко мне не пришла?

– А что бы ты сделала?

Фира помрачнела.

– Убила бы его. Лелька тварь. Не прощу никогда.

– Ей приказали. Как и мне. Что ты так? Все равно уже.

Фира поднялась с кровати, расправила, разгладила одеяло на Аньке.

– Ладно, достала я тебя, пойду собираться, пока мне твой брат гарем крымский не привел. Ты уже дважды от смерти ушла, там, где другие давно в земле гниют. Захочешь сделать ему больно – сделаешь. Захочешь встать – встанешь. Ты одна в Беззубов пошла. А они клятые. Жду тебя в Одессе.

Красная нить

Женька вышла на солнышко и зажмурилась. В обеденный перерыв она с подружками по бухгалтерским курсам выходила на крыльцо подышать и посплетничать.

– Я уже присматриваю работу в конторе по закупке золота, – важно заметила ее подружка Ида.

– Присматривает она! Тебе папа все присмотрит и к себе под крыло возьмет, – фыркнула Лизка. – Или лучше мужа присмотри. Из нэпманов.

– А я бы в госконтору пошла, так надежнее, – насупила брови Женька. – А то эти частники – сегодня есть, завтра нет.

– А у тебя вообще муж – помощник машиниста! Зачем тебе работать? – удивилась Ида.

– А платья новые куда носить? На Привоз?

– Да ну вас! Я во дворе насмотрелась на тех, кто дома «не работает». Вот это вот с утра до ночи намывать и стряпать? Лучше карьера.

– Ой, у тебя нитка висит! – Лизка чуть наклонилась и прищурилась: – Длинная. Вон, на лодыжке.

Женька опустила голову и посмотрела.

– Что за ерунда?! – Она попыталась снять с чулка красную нитку, которая вдруг размазалась под ру-кой, – ...Ой... девочки, я домой...

– Что? «Соседи затопили»? – подмигнула Ида.

Женя забежала в уборную и запихнула в панталоны батистовый платок с обвязанным шелковым краем – темный кровавый след. Что делать? Куда бежать?

Юсуф

Ее звериному одержимому упорству удивлялись и пациенты, и врачи. Анька падала, ползла, отбивалась от санитарок, обвисая на костылях. А еще сосредоточилась на поисках информации о немом татарине. Она нашла наконец-то новую цель. Это не мечь Максусу – ей нужно было разобраться со своим мистическим спасением.

Поиски ничего не дали, они и не могли дать, потому как были неофициальными, да и много ли может послеоперационный больной сделать неофициально, находясь в госпитале?

Но за день до выписки, проходя мимо пищеблока, Анька снова уловила тот странный запах, что исходил от татарина-спасителя. В этот раз запах был не сильный, но очень характерный. Она искала глазами источник и увидела возницу-татарина, который грузил на арбу остатки с пищеблока.

Шагнула к нему и резко остановилась – прямо на нее смотрел Борис.

С бородой до самых глаз, в татарской тубетейке, в халате и с остроконечной палкой в руке... Аня уже знала, что эта палка со странным названием стимул предназначена для управления ослом.

Борис еле заметно отрицательно мотнул головой – не подходи и не говори ничего, – затем порылся в карманах и, неразборчиво бормоча, достал какой-то сухарь, сунул его в рот и незаметно выронил засаленный газетный комок.

Аня отпрянула, развернулась и почти побежала в сторону своего корпуса.

Остановилась она только в палате, разжала руку и положила на стол пузырек темного стекла. Судорожно высыпала содержимое пузырька на стол. В нем, кроме какой-то сухой травы с пряным запахом, – ничего. Затем рассмотрела обрывок газеты, в который он был завернут. На одной стороне был крупно заголовок «Джанкой» и внизу написано карандашом «Юсуф», с другой чернильной ручкой как бы случайно – «бричка»...

«Так себе конспирация», – мелькнула мысль у Ани, и она стала собирать вещи, хотя и собирать-то было практически нечего. Все ее добро из разбитой машины было украдено в тот же день

проезжающим народом, а то немного, что нашел посланный директором охранник санатория, уместилось в небольшую коробочку, так что сборы не заняли много времени.

В канцелярии госпиталя очень быстро оформили проездные документы, выдали деньги на дорогу и на госпитальной машине, с сопровождающим, отправили на вокзал.

Анну усадили в поезд, и провожающий не уходил с перрона вплоть до самого отправления, хотя она несколько раз предлагала ему не ждать отправления, а вернуться на рабочее место, но тот отказывался сразу и безапелляционно, произнося одно и то же: «Не положено!»

Сойдя в Джанкое, Анна без труда нашла и Юсуфа, и бричку, потому как других бричек поблизости не наблюдалось.

Молчаливый Юсуф усадил ее на пассажирское сиденье, поднял верх и коротко произнес:

– Вещи?

– Это все, – ответила Анна, показав маленький сверток.

Юсуф окинул ее цепким, оценивающим взглядом – короткая стрижка, бледность лица, запах лекарств и обвисшая одежда добавили ему всю остальную недостающую информацию.

– Стесняюсь спросить: и где мы едем? – произнесла где-то через час Анька, потирая затекшие ноги.

Юсуф покосился на нее через плечо и не проронил ни слова.

– Это Борька тебя послал?

Юсуф молчал. Анька пыталась задавать вопросы, даже спела громко пару куплетов из «Бубличков», потом из «Интернационала».

– Так, значит? Мой репертуар тебя не трогает? Публика неблагодарная! А я, между прочим, агитатор с десятилетним стажем, – хмыкнула она, – и меня уже растрясло – вези аккуратнее, а то опять все треснет!

Оставив бесполезные попытки разговорить возчика, она крепко уснула.

Поздней ночью ее разбудил Юсуф. Спала она, как оказалась, с максимально возможным комфортом – под головой была свернутая попона, и он укрыл ее своей буркой.

Юсуф молча указал ей на открытую дверь двухэтажного дома. Анька, прихрамывая, зашла.

В большой комнате за накрытым столом она увидела Бориса и какого-то старика-татарина – возможно, хозяина дома.

«Это ж две большие разницы», – усмехнулась про себя Аня: – Боря был одет совершенно по-другому, исчезло загнанное выражение его лица, взгляд поменялся на фирменный изучающе-масляный. Перед ней снова сидел хозяин жизни.

Она поздоровалась, Борис молча кивнул, а старик никак не отреагировал, встал, что-то сказал по-татарски Борису и молча вышел.

– Садись, дорогая Аннушка, угощайся, не сердись на хозяина, у них свои порядки, – согласно им, не пристало женщине сидеть за одним столом с мужчинами, но отказать он мне не может, поэтому решил оставить нас наедине.

Аня не заставила себя долго упрашивать, присела к столу и молча накинулась на еду. После госпитальной кухни и долгой дороги накрытый дастархан одним своим видом вызывал дикое желание съесть все и сразу.

– Ну, давай, рассказывай, – наконец через время обратилась она к Борьке.

– Ты прожуй сначала. Это я тебя буду спрашивать, – хмыкнул он. – Совсем одичала в своем госпитале. Не спеши, не отберут.

Анька демонстративно отодвинула тарелку:

– Хватит, пожалуй.

– Что у меня дома случилось? – спросил сразу он.

– А ты что, вообще ничего не знаешь? – удивилась она.

– Ты можешь объяснить?

Из его наводящих вопросов стало понятно, что Боря вообще ничего не знает о судьбе своей семьи: почему и за что, за какие именно дела расстреляли отца и брата.

Когда Аня рассказала все, что знала, он надолго погрузился в угрюмое молчание и будто бы окаменел.

– Сдали, суки... узнаю кто – убью...

– Что сдали-то? – удивилась Аня. – Ну крутил твой папаша гешефты, мутит что-то из армии налево, вся Молдаванка знала. Но чтоб так зачистили – удивительно... Сильно надо было навредить. Ты сам хоть знаешь, что это могло быть?

Но Боря не отвечал на вопросы Ани, не реагировал ни на старика-хозяина, который несколько раз заглядывал в комнату, ни на женщин,

что прибрали стол и принесли новую порцию чая.

Аня поняла – сейчас его лучше не трогать, надо просто ждать.

В ожидании она, осоловев от жирной еды, задремала на подушках, валявшихся здесь повсюду.

Разбудил ее Борис. В руках у него было два стакана, оба почти полные:

– Помянем моих, – не то попросил, не то приказал он.

Аня хотела что-то сказать или спросить, но он пресек эту попытку властным: – Молча!

Что было в стаканах – крепчайший самогон или слабо разбавленный спирт, – непонятно. Аня задохнулась и закашлялась. Борис подал ей воды и скомандовал:

– А теперь – спать. Все разговоры завтра. Тебе приготовили комнату. Можно не запирается, никто не войдет... А впрочем – как хочешь. Здесь спокойно.

Развернулся и ушел в глубь дома.

Тут же появились две женщины и отвели уже плохо стоящую на ногах Аню в комнату на женской половине.

Она в изнеможении рухнула на постель. Заснула моментально, не раздеваясь, – ей было не до того.

Не судьба

Женька выскочила из трамвая и влетела в Еврейскую больницу. Здесь уже лет сорок наводила священный ужас на все родовспомогательное отделение ее свекровь Елена Фердинандовна Гордеева.

Задыхаясь, Женька рухнула на стул возле ее стерильно белого стола с тремя аккуратными стопками бумаг и стеклянной банкой.

– Помоги... те... – она сунула на стол окровавленный платок.

Фердинадовна подслеповато прищурилась и брезгливо отодвинула ее руку.

– Надо же... Что, только сейчас менархе случилось? И как это ты замуж успела выйти несформированной?

– Это не месячные! У меня второй месяц их нет. Я беременная. Была... Наверное... Или что это?

– На кресло! Живо! – Гордеева, несмотря на клятый характер и всепожирающую ненависть к этому молдаванскому отродью, чуть не убившему ее сына, была врачом от Бога.

– Так, – она закурила папиросу прямо в кабинете. – Сейчас я тебе сделаю укол. Идешь домой и ложишься и не встаешь. По нужде – только на ведро, не дальше. И молишься. Кому хочешь – Господу Богу, компартии, Чарльзу Дарвину. Не прекратится – снимешь корону и придешь. Я после семи дома.

Женька всхлипнула и благодарственным тычком то ли кивнула, то ли поклонилась.

Рано утром Гордеева прикоснулась к маленькому распятию возле кровати и перекрестилась: – Спасибо, Господи, приклеилось.

А в обед прямо во время приема в ее кабинет ввалилась рыдающая Женья.

Гордеева выгнала всех и заперла дверь. Осмотрела. Прощупала живот. Положила руку на лоб.

– Чиститься будем. Нет беременности.

Женька рывком села на кресле и заорала:

– Не буду! Не трожь меня! Врешь! Ты все врешь! Ты меня ненавидишь! Ты хочешь, чтоб я не родила!

Гордеева вкатила ей такую оплеуху, что Женька треснулась головой о спинку.

– Идиотка!

Фердинандовна ткнула ей в лицо ее же панталоны:

– Вон сгустки! Все оборвалось уже! Не почистишься – сдохнешь от сепсиса. Уже температура под сорок! Мне все равно, но сын мой тебя, придурочную, любит! Он мне всех дороже. И ребенок его тоже!

Гордеева неожиданно всхлипнула.

– Не перенес он Ванькину смерть. Сильно горе большое для всех. Он все твои нервы на себя принял.

– Это папин... папин... я хотела Ванечку для папы... в честь папы. Ну почему так?! Папа умер, а внук должен был его продолжить... я молчала... я только папе сказала... Что у него внук будет... Я папу обманула... я виновата... – завывала Женька.

Гордеева неуклюже погладила ее по голове и по-мужицки ладонью отерла глаза:

– Хватит уже. Потом поплачешь. Времени будет много...

С того света

Аньку разбудили птицы, солнце, заливающее комнату, и густой горячий запах. На низком столе стояла глубокая пиала с крепким бульоном, который благоухал на всю комнату. Она знала – это хаш, лучшее утреннее средство от похмелья.

Выпила это варево залпом, обжигаясь и захлебываясь, с наслаждением. Оттерла ладонью жирный подбородок. В голове окончательно прояснилось.

«Ну, Борис Семенович, держись! Выпотрошу я тебя сегодня, расстрелянный, оплаканный и так нежданно воскресший, до доньшка».

И, горько улыбнувшись, добавила уже вслух:

– Раскатаю в лучших традициях Дейча... Не зря ж с ним столько было говорено-переговорено.

Рывком открыла дверь в мужскую половину дома и резко шагнула в комнату, где вчера пиновала.

Старик-татарин гневно что-то крикнул, но Борис положил ему руку на локоть и тот сразу сник, молча поднялся и вышел из комнаты.

Борис произнес веско, разделяя слова долгими паузами:

– Спрашивай. Твоя очередь.

Аня слегка оторопела, – это было неожиданно, потому как прежний Борька никогда бы не сказал таких слов, – на прямые вопросы никогда не отвечал и всегда юлил, что-то выгадывал, говорил что угодно, только не то, о чем спрашивали.

Она не стала тянуть и заходить издалека:

– За что Сему расстреляли?

– А я знаю? Папа половины своих дел не договаривал, боялся, что мы с Мойшей в долю заходим. Меня вообще в Крым сослал – от Женьки с этим ее мишигинером немецким подальше. Ты что, не знаешь, что любого могут к стенке поставить – всегда найдут за что.

– Ладно. Как ты выжил? Тебя же должны были расстрелять за папашины гешефты.

– Выжил, – криво усмехнулся Борис. – Кто бы рассказал мне такое – не поверил бы... А это все мои прошлогодние мансы. Я тогда к скифскому золоту подходы искал, к черным копателям, как их тут

кличут, никак не мог нащупать первоисточник, поил тут всех, кого надо и не надо, не поверишь, даже милиционеров, от участкового до начальника отделения... ничего – только посредники, которые молчат как рыбы. Но помог случай... уж не знаю сейчас, как определить его – счастливый он или нет. Ты присаживайся, это долгая история.

– Случилась у местной татарвы закупать большую партию скифского рыжья, меняли мы его на контрабандный жемчуг и изумруды – не хотели татары бумажные деньги брать. Я предложил золотыми червонцами расчет – на смех подняли, дескать, у нас того золота поболее будет... да и кто золото на золото менять будет-то???. Вот если камешки разные – в них есть нужда. Я к папаше в Одессу, а у него аккурат жемчуга приличная партия зависла, вот и сложилась картинка как надо.

И все бы ничего, да в момент обмена на хазу, где мы с продавцами встретились, ввалились какие-то джигиты с кинжалами, винтовками, в папах, да еще морды у них башлыками обмотаны по самые глаза, и ну своими самопалами тыкать всем в рыло. Татарва местная сразу на пол, верещат что-то на своем, на нас пальцами показывают, ну почти плакать начинают... и смех и грех... нас же в два раза больше в комнате, да еще пятеро наших вокруг хаты по кустам. Я не знал тогда, что двоих моих на улице эти уже зарезали по пути в дом...

Так вот – мои ребятки труса не стали праздновать и в лучших традициях Одессы-мамы прямо через карманы своих клифтов шмалять начали. Ну и положили за полминуты всех пятерых, я даже шпалер свой достать не успел, потому что саквояж с камешками на стол ставил в момент налета.

Анька брезгливо поморщилась:

– Значит, пока дома революция, голод, ты золото на жемчуг менял?! Да уж... Вот никогда бы не подумала что ты такой... отчаянный. Я думала, ты просто что-то с продуктами мутишь.

– На них много не намутишь, – огрызнулся Боря, – да и папа серьезный человек был. Масштабы даже не представляешь.

– Так что там в твоём детективе дальше-то было?

– Короче – татары очень испугались. Вот этот дед, что по дому бегаёт и грозно на всех орёт, стал срывать с трупов башлыки и пинать их гневно, плевать на каждого, но на четвертом джигите он вдруг

снова запричитал, сел на пол и начал что-то вопить на своем тарабарском, каким-то противным бабским голосом.

Как потом оказалось, мой Мишка-моряк пристрелил главного наследника враждебного клана и теперь, по закону кровной мести, бойцы этого клана будут резать или самого деда, или его старшего сына.

А все из-за того, что этот дед-татарин нарушил все их внутренние договоры и решил напрямую продать золото гяурам-неверным, то есть нам. Вот и постановили старейшины примерно наказать деда и нас завалить, отобрав рыжье и камушки. Но не сложилось у них так, как планировали. Да плевать мне на их разборки, на деда этого наплевать... Забрали мы свое рыжье, отдали их цацки и свалили быстренько...

А через пару месяцев разыскал меня один из родственников этого жадного татарина и сказал, что соседи хотят выдать его отца соседнему клану на расправу за того убитого татарчонка, что Мишка завалил. Спрашиваю: – Что ты хочешь от меня? – Отвечает:

– Помоги отца выручить, иди со мной, скажи им, кто на самом деле застрелил того пацана-наследника.

– Да никуда я не пойду, – говорю, – сам можешь передать, что Мишка-моряк его пристрелил, на нем этот жмурик, а вот наказать Мишку у них не получится, потому как его самого через неделю после перестрелки той случайно завалили местные чекисты, когда брали какого-то белогвардейца на «малине» в Ялте. Я еще спросил тогда: что ж вы откупиться не попробовали? Оказалось, пробовали трижды, огромные деньги давали – ничего не вышло. Кровный обычай. Только кровь за кровь.

– Как-то ты сильно издалека, Боря, начал, – Аня явно тяготилась этими бандитскими разборками. – Ты уверен, что мне нужны эти подробности? Я спросила напрямую: как ты выжил? Ты же не в бегах, а официально мертвый?

– А ты не перебивай! Без этого не поймешь. Короче, поставил я ему условие: я тяну мазу за старика перед кровожадным соседом, а они меня выводят напрямую на черных копателей и уступают ровно половину своего копательского дела. Без всяких условий. Два дня я ждал ответа, утром третьего дня приехал старший сын, ты его видела уже, это Юсуф, что тебя сюда привез. Сказал, что ночью люди

соседнего клана схватили отца, что получено согласие на передачу половины, но к старейшинам надо ехать немедленно, иначе отца казнят. Впрягся я за старого, отмазал как мог, пришлось татарве в виде отступного оружия подбросить, да и грузовик патронов батя прислал, чтоб мне башку не отрезали как-нибудь по случаю местные кровники. Должок-то за Мишку они на меня пытались повесить – дескать, ты главный, с тебя и спрос... Вот так, неожиданно и по воле случая я и стал золотодобытчиком. Ну, собственно, и все, – закончил свой рассказ Борис.

– Да ты издеваешься! – не сдержалась Анька. – Зачем мне твои воровские исповеди? Как ты жив остался?! Чекисты зачищали всех, кто был хоть как-то связан с твоим отцом. Мы тебя всем двором оплакивали!

– Что, правда? – оживился Борька. – А Женька сильно плакала? Ну ладно, интересно же... – Он откинулся на стуле и продолжил:

– Так меня как бы и расстреляли. Официально, в день ареста. За сопротивление при конвоировании к следователю на допрос.

– Ну – и? Вайнштейн, я тебя сейчас сама добыю!

– Да все просто. Арестовали меня тут же, в Джанкое. Да я и не скрывался тогда. Чего мне бояться-то было? Сидел в ресторации, на центральной площади, аккуратно напротив отдела милиции. Пришел дежурный, сказал, что начальник увидел меня на веранде ресторана и просит заглянуть к нему ненадолго. Необычно, конечно, это было, мне б насторожиться, уже потом я вспомнил, что мильтон все глаза отводил в сторону, и шпалер у него был в кармане, а не в кобуре, как обычно. Ну да что уж теперь-то махать кулаками после драки... Как только сделал первый шаг внутрь мильтоновского дома, сразу оглушили, куда-то потащили вниз. Больше ничего не помню... Очнулся от тряски и воя двигателя автозака. Кто-то вылил мне на голову кружку воды. Смотрю, через решетку на меня зырит знакомая рожа, только в мильтоновском прикиде, голова ж чугунная после удара, с трудом вспомнил имя, и глазам не верю, говорю: – Юсуф??? Что за дела?.. ты что творишь??? – Он в ответ: – Сейчас будет тягун...

– Что? Кто будет? – не поняла Аня.

– Молчи! Тягун – длинный подъем, по нему машина еле-еле движется. – Юсуф дальше: – Я открою дверь на повороте, прыгаешь как можно дальше и катишься по склону вниз. Услышишь выстрелы –

не бойся. До темноты сиди в ущелье, там родник есть, мелкий, но одному напиться хватит. Двигайся ночью. Постарайся добраться до аула моего отца, он поможет. Мы добро помним.

Тут я не выдержал, кричу:

– Да на хрена мне все эти ковбойские приключения? Да отец мой вас всех тут по стенке размажет!!!

Он и отвечает:

– Отца твоего и брата взяли сегодня утром. Деша с Одессы пришла. На тебя и еще с десятков твоих ордера выписаны и есть приказ арестовать, а на словах сказали, что если живыми не сдадитесь или окажете сопротивление и погибнете случайно, то никого наказывать не будут, даже премию обещали. За тебя особенно. В общем, некогда говорить – скоро тягун. Переодевайся.

И кивнул головой мне за спину. Оборачиваюсь – лежат четверо вповалку, связаны, окровавленные мешки на головах.

– Раздевай этого, что в халате, – скомандовал Юсуф. – Свою одежду на него натягивай, и быстро, времени в обрез.

– В общем, как переодевался – не помню, все плыло перед глазами после удара по голове. Перед прыжком из машины спросил татарина своего:

– А как же ты?

– Все будет нормально, – отвечает, – мне поручено доставить четырех человек живыми или мертвыми – вот четырех и доставлю... Я ж как знал, – одного запасного прихватил, – и ощерился совсем не по-доброму...

Короче, спрыгнул я на ближайшем повороте, покатился по склону, да неудачно как-то. Ударился о какой-то камень и пролежал без памяти почти до ночи. Очнулся от холода и сырости. Как и куда шел, помню плохо, но, видно, не пришло мое время – вышел я к татарскому поселению, правда, не к тому, куда надо, но меня мои татары уже искали по-тихому, так что накормили, чуток отмыли от крови и доставили той же ночью куда надо.

– И что ты теперь тут делаешь?

– Что делаю?... Да так... то то то се... Промышляю по мелочи... – Тут Аня поняла, что в разговор включился прежний одесский Борис.

– Не морочь голову! – вспыхнула. – Что у тебя теперь с золотом и раскопками курганов?

– А шо такое? Мадам желает получить что-то с меня за свое спасение?

– Я не знаю, из какой ямы ты выбрался, но отправляйся обратно. – Анька встала. – Мне в Одессу пора.

У дверей она остановится:

– Кстати, спасибо, что спас. Если что-то надо из Одессы – скажи. Я часто в Крыму бываю. И в долгу перед тобой. Все, чем могу, – помогу.

Боря улыбнулся и махнул рукой:

– Иди уже, Ханка! Поцелуй сестричку за меня.

1926

Новенький-готовенький

В квартире Семена Вайнштейна по кличке Циклоп после знаменитой зачистки, как на карусели в Александровском парке, менялись жильцы – то командировочные чекисты, то подающие надежды молодые партийные работники. Дружелюбные, как запертая на замок дверь, и такие же разговорчивые. Запертая дверь летом на Молдаванке при хозяине в доме – просто нонсенс. И дело даже не в безопасности, а просто в невыносимой духоте. Но, похоже, новые соседи, как знаменитые дореволюционные галоши «красный треугольник», были неприхотливы к любым бытовым и погодным условиям и совершенно одинаковы внешне.

Но даже такое тесное соприкосновение с представителями карающих органов не мешало Мельницкой, 8 жить своим привычным укладом. Мадам Полонская, несмотря на то что сильно сдала за последние полгода, по-прежнему нарушала женские дворовые понятия, развешивая кружевные панталоны и льняные простыни по своим и чужим веревкам. Так же, как двадцать лет назад, биндюжник Гедаля возвращался домой сильно выпимши, но всегда с букетом, правда, теперь его подводу загонял во двор старший сын Марик.

Безликие жильцы Семиной квартиры воспринимались философски отрешенно – как неизбежное зло навроде суховея или зимней слякоти.

Этот конвейер продолжался, пока ордер на квартиру Семы не получили Ижикевичи. Местные, с Пересыпи. Точнее, Пересыпской была Ася, жена перспективного комсомольца, болгарина из Татарбунар Васи Ижикевича. Она немедленно поломала спартанский быт нехорошей квартиры – отмыла окна, распахнула двери и повесила на вход нарядный «тюль».

Однако ее громкое появление было смазано эффектным возвращением в родную обитель Ритки Гордеевой, средней дочери легендарной Елены Фердинандовны.

Рита зашла в родной двор, дыша «духами и туманами», в роскошном платье на грани приличия и громко огласила: – Мальчики! Заносите!

Два здоровенных биндюжника, пыхтя, потащили на второй этаж десяток чемоданов, шляпных коробок и огромный инкрустированный перламутром комод из карельской березы.

На пороге появилась заспанная мадам Гордеева и уставилась на дочь:

– Это что за исход евреев?!

– Мамочка, я вернулась! Ты рада?! – расхохоталась Ритка.

– Дар речи от счастья потеряла, – буркнула Гордеева и пошла в квартиру. Но тут же обернулась: – Так, вот это, – Елена преградила своим могучим бедром дорогу грузчикам с комодом, – вот это дуробало волоките назад! Ритка, ты что, спала с директором музея или с прошлым градоначальником? Зачем мне эта историческая рухлядь больше моей комнаты?! Вот тут на коридоре ставьте. Оно в дом не войдет!

– О, – мадам Полонская бесшумно выплыла и в три секунды оказалась за спиной грузчиков, – кто-то будет с шиком вечерять на коридоре?

– Идите с богом до ветру или куда вы там шли, мадам Полонская, – огрызнулась Лелька. – Для вашего возраста вы не по годам любознательны!

– Так, что случилось? – отпихивая ногой шляпную коробку, легшую посреди кухни, спросила наконец Гордеева, когда ее дочь дошла до квартиры.

– Я ушла от Феди, он – старый козел.

– Можно подумать – открытие. Он таким был последние лет семь. Что стряслось?

– Надоел!

– Не ври! Он тебя и не увлекал особо. Вус трапылось?

– Он меня выгнал, – призналась Ритка. – Я поживу у тебя. Обещаю, что недолго. Поверь, было бы куда идти – уже бы ушла.

– Боюсь даже представить, чем ты вызвала такую немилость. Он же разве что на коленях за тобой не ползал.

– И опять приползет! Даю слово!

Котя закатился во двор и спрыгнул с велосипеда.

– Дратути, мадам Гордеева, – протарабанил он, пытаясь подхватить велосипед на тощие плечи. За спиной Гордеевой показалась рыжая голова.

– О, кого слышу! Костя Беззуб! Неужели!

Котька не донес велосипед до груди и от неожиданности грохнул его на землю.

– А вырос-то как! А возмужал! Дай же тебя рассмотреть получше!

Котька по-детски стыдливо прикрыл ладошкой порванную на колене штанину. И почувствовал, что гадко и неконтролируемо густо краснеет по самые уши... Его первая женщина, недостижимая наставница, предмет практически всех юношеских грез, уже спускалась по лестнице и заливисто смеялась:

– Что ж ты так оробел, соседка? Дай я тебя потискаю, пацан!

Она смачно чмокнула его в щеку и крепко обняла. Котька не знал, что важнее скрыть – порванную штанину или еще более позорную спонтанную эрекцию. Он вывернулся из объятий Риты и схватился за руль.

– Я... я поеду! Мне тут надо срочно!

– Вижу! Рад! Очень рад меня видеть! – хохотала Рита. – Возвращайся, Котька!

Ася с полным тазом отодвинула бедром Ритку: – Подвинься от моей веревки!

– А ты кто вообще? – округлила та глаза.

– Живу я тут. А ты, как я вижу, в гости? Надолго?

– Тебе дело?

– Ну мне до всего есть дело. Работа такая, понимаешь? – многозначительно подмигнула Ася. – И это... если комод в хату не влазит, то я могу принять, чтоб не рассохся.

– Я думаю, у кого-то слипнется до того, как у меня рассохнется, – фыркнула Ритка и пошла наверх.

Софа Полонская улыбнулась Асе:

– О, наш человек! Заходи, деточка глазастая, поболтаем.

Страсбург

– Пойдем! – уговаривали Фиру Нюся и Ривка. – Ну что ты совсем от коллектива оторвалась? Ну давай, помнишь, как в старые времена?

– Я не хочу никуда ходить. Нет уже старых времен! Мне работать надо! – буркнула Фира.

– Не, вы это видели?! – зашлась Нюся. – Ей одной надо работать! Ишь ты! Давай, отключай сироту – у тебя вон Лидка как сыр в масле, Анька – шишка партийная, Женя при муже. Что, тебе зять рюмку супа не нальет? А Котька, лоб здоровый, должен уже мать содержать, а не мелочь кланчить!

– Да он подрабатывает! И учится. Вы же сами все знаете. Я детей обременять не хочу. И Ксеню поднять надо.

Ривка фыркнула:

– Она что у тебя, упала? По-моему, павшая тут Нюська, и ничего, с голоду не померла. Так, одевайся, а то мы тебе заплатим за три часа. Какой там тариф у тебя в джутовой фабрике?

– У меня выходной сегодня. Стирка. Я только выварку поставила.

– Вот и чудно. Как раз все выварится. Нарожала кучу детей – теперь отдыхай. Котька твой, значит, будет мяч у выварки набивать. Все равно Макар на смене, стучи не хочу.

Окружная Выставка сельского хозяйства двадцать шестого года была в разы меньше знаменитой Всероссийской 1910 года, но после долгих лет войн и разрухи она стала для Одессы первой ласточкой и надеждой. Аншлаг полнейший. Правда, что публика, что экспонаты разительно отличались от мировых достижений пятнадцатилетней давности. В женскую компанию внезапно затесался Гедаля, он сильно хотел посмотреть на племенных лошадей, узнать цены на зерно и вообще проветриться. Похоже, выставка радовала его одного.

– А где Моёт? И духи? – сморщила носик Нюся. – Ни тебе рестораций, не дегустаций, как в прошлое время, одна скотина кругом. Что безмолвная, что мужчинская. Даже приличных кавалеров нет.

Ривка хихикнула:

– Женщина, тебе уже полвека – ты не устала от кавалеров?

– Знаешь что, Рива Ароновна, ты сильно умная. Как ты спишь с такими математическими способностями? Мне до полвека, между

прочим, еще два месяца, это во-первых, а во-вторых, надо марку держать и квалификацию повышать. Мне еще Поленьку в университет надо отправить.

– Отправь ее лучше замуж. Вон, за Котьку Беззуба, – внезапно предложил Гедаля.

Фира и Нюська синхронно взвизгнули:

– Не надо!

Фира заметила:

– Мы их тогда будем до конца жизни содержать.

– А жить будут по четным у Беззубов, по нечетным – у меня, – мрачно добавила Нюся. – Одни убытки кругом. И ко́нями воняет. Я если б хотела ко́ней смотреть – погладила бы твоих першеронов за даром.

– Дамы, можно я вас оставлю? – Гедаля погладил Ривку по плечу. – Можно?

– Та иди уже до своих коней!

Нюся, посмотрев, как длинный Гедаля рванул в конный ряд, шепнула:

– Ой зря, там, за углом, Облплодвин, между прочим.

– Кто?!

– Винарка! Достижения виноградарей.

Фиру не волновала ни узкая специализация выставки, ни соблазны для Гедали. Она ходила по аллеям, скрестив руки и вцепившись под рукавом пальцами в запястье до синяков. В таком далеком десятом году она гуляла здесь с детьми и думала: какой кошмар! Рассыпающиеся, как бусины, по территории дети. Хныкающий Нестор (живой Нестор!), счастливая бойкая Анька, крошечная Женька и главный помощник Уточкина, ее любимый Ванечка, которого встречали и пускали везде без билетов и пропусков... Как же она, оказывается, была счастлива тогда. И ничего не понимала.

– Не, ну как это? – возмущалась Нюся. – Кому пришло в голову назвать племенного быка Апостолом? Он, конечно, взял первое место, но что так плохо с именами? Накличут они беду на всю свою ферму!

Ривка ее толкнула: – Так, ты потише. Сейчас религия под запретом.

– Лучше бы глупость под запрет поставили! Вот почему-то с серебряной медалью бык по кличке Лютик из еврейского колхоза. Хотя я бы поняла, если б Апостолом назвали они. Но они – приличные люди, несмотря что с колхоза. Кстати, что за название такое Сельхозар? Это от хазар? Или от хозеров?^[2]

– Ну и кому глупость лечить? – не выдержала Нюсиного потока Фира. – Может, и вправду в винодельческий ряд пойдем, может, что нового про наливки узнаем.

Но и там подруг ждало разочарование – помимо диковинных виноградных гроздей в колбах самими напитками их не порадовали даже за деньги. Дегустацию 38 сортов белого и красного проводили исключительно для экспертной комиссии.

– Очень здорово! Людей не жалеете! – возмущалась Нюся. – Тут даже пригубить столько раз уже почки откажут.

Ривка с трудом увела из ветеринарного уголка Гедалю, который был в восторге от пользы и перспектив выставки, и повезла огорченных подруг домой.

Накормив семьи, они снова собрались во дворе. Сентябрь был такой теплый, золотой и тягучий, как мед из чабреца, которым дамы мазали сухарики, заедая холодное домашнее вино.

Нюся хохотала: – Вы представляете! Пока вы там Гедалю ловили, я в винном ряду увидела симпатичного мужчину под вывеской «Страсбург»! Решила – иностранец! Но оказывается, что Страсбург теперь в Бессарабии! Вот умора! Цирк!

– Цирк у мора – это, Нюсичка, твои клиенты, – выступила с темной галереи Гордеева, напугав всех отдыхающих своим бесшумным появлением. – Дура ты дремучая! Тот Страсбург – немецкая колония. Скажу больше: там еще рядом Баден, Зельц и Эльзас. Хотя думаю – скоро их переименуют. Нынче это модно.

Слон на веревочке

Лидия Ивановна Ланге болтала в гостиной с Василием Петровичем по кличке Ирод. Тихим, безликим, бессменным и предупредительным королем доносов и пыток одесского НКВД.

– Лидочка, а устройте здесь встречу жены и любовницы заведующего импортным отделом Внешторга?

– Эдика Овадиса?! Василий Петрович... у меня приличный салон. Вы хотите дворовых разборок?

– Лидочка, нам ли не знать, что может в сердцах выпалить обиженная женщина!

– Можно подумать, вы без нее чего-то не знаете об этом паскуднике.

– Мне нужны мелкие подробности и публичный позор. Этот человек решительно не хочет сотрудничать.

– Да вы же воплощение главы иезуитского ордена. Как там? Псы Господни? Это же буквально про вас. Стережете стадо... Конечно, устрою, но...

Ирод недоуменно приподнял бровь:

– Лидия Ивановна, голубушка, что вы уже, прелестница моя, хотите взамен?

Лида вздохнула, отпила глоток крыжовенной наливки из серебряной стопки и довольно улыбнулась:

– Вы читаете меня как открытую книгу... Он опять приезжает в Одессу. И я хочу его видеть у себя в салоне.

– Да кто ж там опять приезжает, что вы сами не можете заполучить?

– Маяковский...

– Ну и вкусы у вас, Лидия Ивановна!

Лида откинулась на кресле:

– А я считаю, что это идеально. Идеально, когда наши с вами вкусы не совпадают.

Ирод по-змеиному чуть раздвинул губы в улыбке и приподнял чайную чашку:

– Ваше здоровье.

Лида была, наверное, первым живым существом после Дейча, которое Ирод ценил и не презирал. Дружить он не умел априори. В базовой комплектации этого божьего создания таких устаревших опций как любовь, дружба или сострадание не было. Но то, что происходило между виртуозом пыток и светской львицей, было очень похоже на нежную дружбу. Ирод ненавидел людей за слабость, за эмоции и истерики, за недалёковидность и неумение видеть выгоду, за страсть гнаться только за ею, за предательство тех, кто рядом, и алогичную любовь вопреки инстинкту самосохранения. Но больше всего, до мурашек по коже, до дрожи омерзения его раздражали новые строители коммунизма – вонь невымытого тела, неряшливость в одежде, низкий интеллект, инстинкты толпы, стада. Его, выросшего в приличной семье, воспитанного в пажеском корпусе и там же умело растленного, вырвали из рая, растоптали буквально и переносно.

Ирод не просто выжил, а стал машиной, исследователем. И даже его врожденный и выпестованный до мании садизм стал инструментом познания. Лида была такой же холодной и железной. Она также презирала людей за их нелепые слабости. И была изощренно жестока и к ним, и к себе. Старшая Беззуб, пардон, мадам Ланге была почти безупречной, за исключением женского рода. Но если Ирод исследовал, то Лида коллекционировала. Всё – антиквариат, живопись, напитки, впечатления, забавных людишек. Она играла. Сама и другими. Создавала роли и проживала их в своем шикарном салоне. Она сводила и разводила, подбрасывала в огонь сплетен, сама их создавала, потом пресекала и любовалась, как кругами на воде, силой умело вброшенного в нужной компании слова.

А теперь ей нужен Маяковский. На здоровье. Благодаря ей Ирод познакомился в том году с Сереженькой. Сереженькой Эйзенштейном. Гением и очень чутким любовником.

– Да будет вам этот зверь. На веревочке. С бантиком.

1927

25 октября возле русского театра был аншлаг. Первую пятилетку революции решили отметить премьерой. Шутка ли, одесский автор, на одесской сцене. Да и пьеса-то совсем свежая – «Закат». Говорят, режиссер постоянно консультировался с Бабелем!

– Мне та-ак интересно! – раскланиваясь в партере со знакомыми, продолжала Лидочка. – Ты себе, Николая, не представляешь!

– Никогда не думал, что тебя интересуется жизнь биндюжников. Или ты хочешь сравнить достоверность?

Лида метнула короткий не взгляд – булыжник во внезапно расшалившегося супруга:

– Ты мне хочешь напомнить мое происхождение, товарищ Ланге? Так я его отлично помню. И только благодаря ему тебя и твоего папу не поставили к стенке как буржуев. Наша пролетарская Мельницкая и папино железнодорожное депо стали единственным аргументом.

Несчастный Николенька поперхнулся:

– Ну Лидочка, ну что ты! Ты же знаешь! Такой цветок, в таких ужасных условиях рос. У вас же были биндюжники во дворе. Ты сама говорила. Пьяницы ка- кие-то. Так что тебе интересно?

– Уже ничего! – отрезала Лида и вышла в фойе.

А интересовал ее один тонкий нюанс – как обойдут так называемую «одесскую тему» в постановке. Она точно знала – постановление уже принято.

Новоиспеченная главная репертуарная комиссия издала специальное распоряжение о запрете акцентированных куплетов и песен. Акцент подразумевался... национальный. В опалу попали популярные кавказские, цыганские, еврейские и... даже одесские песни. В том числе «блатные» и «приблатненные». В театрах должна звучать классика, а не песни толпы. Борьба с «мещанскими» и простонародными вкусами велась еще с 1923 года, когда в Петрограде было издано строжайшее предписание запретить к исполнению «акцентированные» (читай, в первую очередь – еврейские) куплеты, в результате чего многим эстрадникам срочно пришлось менять репертуар. Нарушать партийные циркуляры могли, как всегда, только последние и первые – или отребье из портовых

кабаков, которых некуда было увольнять, или звезды первой величины. Русскому театру эта роскошь свободы была недоступна. Тем не менее режиссеру удалось найти грань между ожиданиями публики и запретами партии.

В фойе шло бурное обсуждение после спектакля.

– Бабель – это одесский рубщик! Его тексты – это истекающая соком и кровью туша в пять утра на Привозе. Он до безобразия витален, ну и красочен на грани – как жизнь под кокаином, – захлебывался местный поэт и по совместительству заведующий заготконторой «Союзмясо».

– Ох уж мне ваши производственные образы, – скривила носик Лидка. – Тогда уже не рубщик, а резник. Так кошерно пустить кровь мифу о свержении отца! Загнать Древнюю Грецию в одесский двор! А вот Алеша – гений! – Она театрально похлопала в ладоши. – Такая судьба! Такая воля! И талант! Талант несомненный!

Алеша – Алексей Львович Грипич – был действительно выдающимся молодым театральным режиссером. Оставшись в пять лет круглым сиротой, он воспитывался в Гатчинском сиротском институте. А потом получал второе образование в политехническом, где увлекся театром. В двадцать два Алешенька поступил в студию Мейерхольда и после перерыва на участие в Первой мировой продолжил обучение и работу. В Одессе московский гость поставит пять спектаклей. И самым обсуждаемым и популярным станет «Закат».

– Лидочка, я так понимаю, он сегодня тоже у нас? – Николя все пытался заглядить оплошность, допущенную им в начале спектакля.

– Господи, Николя, ты хоть что-нибудь дальше своего фужера видишь? Он же у нас был на прошлой неделе! Ты хоть понимаешь, откуда такие места? И не думаю, что стоит его еще раз приглашать, – Лидочка обладала чутьем не только на сокровища и дамские моды, но и на тренды в политической жизни. «Закат» очень холодно приняли в Москве. Да и в Одессе через полгода убрали из репертуара. Тогда же в немилость впал Бабель. А вот Грипич благополучно ставил спектакли от Москвы до Баку еще лет пятьдесят.

1928

– Опять наша Одесса впереди планеты всей! – возмущалась Нюська Голомбиевская на весь двор. – Не! Как вам это нравится! Они ввели у нас хлебные карточки! Теперь хлеба за деньги купить нельзя! Я шо, теперь за еду буду работать?!

Макар – Павел Иванович Макаров, в прошлом запойный пьяница-камнетес, в нынешнем не менее запойный профсоюзный деятель – выплыл, пошатываясь, из-под лестницы:

– Слышишь ты, лишенка! Погавкай там! Мы враз управу найдем!

– Кто лишенка? Я – лишенка?! – взорвалась Нюся. – И кто я, по-твоему, – дворянка, нэпманша или священник? Ах ты гнида синяя! – распалаялась она. – Я вот припомню, как ты за царя-батюшку тут песни пел и слезы на кулич ронял! И напишу куда следует! Или просто расскажу при случае. Прямо в постели!

– Ой, да кому ты нужна, лахудра старая!

Макар зря упомянул возраст Нюси. Потому что на галерею со всем пылким максимализмом юности вылетела тонконогая, трепетная, полупрозрачная Полиночка. Шестнадцатилетняя восходящая звезда одесской балетной школы одним взмахом грациозных сильных рук выплеснула с галереи на макаровский лоб, плавно переходящий в затылок, кастрюлю борща вместе с тарой.

– Эй, шмок^[3], вали, откуда выполз! Мы на твоих похоронах спляшем!

Борщ уже остывал на коридоре, поэтому обошлось без ожогов, но цветом лица Макар сравнялся со знаменем коммунизма.

– Ты что сделала?! – охнула Нюся. – Что мы жрать будем?! Это ж на три дня... Ой горе! За что мне это горе?!

Фира хохотала:

– Ну что ты орешь, как потерпевшая? Полька – молодец! Я ей супа даже с хлебом дам. Сама так давно хотела.

– Мне хлеб нельзя! У меня экзамены скоро, – выглянула из-за Нюсиного плеча Полина. – А?..

– А Котьки дома нет. У него вторая смена. Тоже за карточки теперь трудится.

Хлеб и другие продукты выдавали по трем категориям. Высшая категория А – ценные работники армии и флота, оборонки, транспорта и связи, командный состав и, конечно, руководство госконтор. Категория Б – рабочие и простые служащие, живущие теперь официально впроголодь, и, наконец, оставленные за бортом «лишенцы» – те, кто был лишен избирательного права – офицеры, священники, предприниматели, буржуа и оставшиеся уцелевшие аристократы. Им еда была не положена. Хлеб можно было купить только в частных лавках или за валюту или золото. Следом за хлебом в «заборные карточки» пошли другие дефицитные продукты: сахар, мясо и рыба, мука и картошка, макаронны и крупа, коровье масло, леденцы, чай, мыло, щелок и даже нитки.

Женька вечером прижималась к Петьке:

– Петенька, как страшно! Ну хорошо, ты с пайком. А если я в декрет уйду – мне карточки не дадут! Маме сколько там на ее «Джутарке» положено? Хорошо, хоть сама поела там же. А на детей вообще не выписывают! А у нас Ксения! И Ванечка будет...

Петька целовал ее округлившийся живот:

– Не бойся. Такую войну с революцией пережили – прокормим вас. Еще Котька за голову взялся, тоже карточки в семью. А вот как Лидка твоя выживет? Она же из вражеского лагеря – там же полный набор: дворяне, нэпманы, тунеядцы... Ты съезди узнай – может, надо чего?

– Петя, ты в кого такой добрый? Она сильно про нас вспоминала, пока там деньжищами со своим Николенькой крутила? Ты ей сколько идей для гешефтов предлагал? И что, купила хоть что-то? А когда папа умер? Сильно она помогала? Маму мы кормим, Ксюху мы кормим, Котьке тоже ты помогаешь... Может, хватит мою родню содержать? Эта змея и без нас устроится. И поверь мне – неплохо. Придет, попросит – накормим. А сама я к ее величеству не пойду. Сильно много чести.

Цыплят по осени считают

Двадцать восьмой стал началом конца. Нэп стремительно заканчивался, а вместе с ним все вольницы, свободы и дополнительные заработки. Все процветающие частные промышленные предприятия обложили новыми налогами. Профсоюзы почти одновременно потребовали на порядок увеличить зарплату.

Петька пахал на железной дороге, подбирая все смены, подменяя всех, кого можно, чтобы собрать денег к рождению первенца. Женька с этой беременностью так плохо соображала, что на работе в конторе ее постоянно ругали за ошибки. Живот мешал сидеть за машинкой, ноги под вечер отекали так, что колени и щиколотки были одинаковой толщины.

– Уходи уже оттуда! – не выдержал наконец Петька. – Моя жена должна родить здорового ребенка, а не сдохнуть в той конторе! Что ты там получаешь? 400 грамм хлеба? Я тебе его принесу! Дома лежи. В парке гуляй. Обед стряпай с мамой. Носи, не скинь нашего Ванечку, – взмолился он.

Женька послушалась и ушла с работы. Потом она, как и положено беременным, начнет неистово гнездоваться в своих девяти квадратных метрах и вышивать картины крестом из Фириных дореволюционных запасов и схем. С ее зрением она даже при керосинке высчитывала число крестиков в ряду и для нарядности вышивала не простым, а болгарским крестом^[4]. Соседки-белошвейки, Муся и Даша, увидев ее с животом и с очередной заготовкой для подушки, начали причитать:

– Да что ж ты творишь! Кто же шьет беременной! Ребенка обмотаешь!

– Я вам сейчас рот обмотаю! А лучше зашью! – огрызнулась Женька. Муся пообижалась пару дней, а потом пришла рассматривать красочную панскую вышивку.

– Ой, зачем же столько работы! Болгарский крест! И зачем столько ниток изводить!

– Для красоты. И для надежности – моль в два раза дольше будет жрать, – задумчиво процедила Женька. – Значит, моим правнукам останется. И белье твое шитое переживет.

Как знак

– Как? Как – девочка?! Мне не нужна девочка! Мне нужен сын!
Сын, Ванечка!

Женя трясла головой и растирала ладонью слезы.

– Я что, так мучилась из-за девочки?!

Старенькая акушерка, которая пришла на вызов и провозилась в дальней комнате на Мельницкой часов восемь, обескураженно обернулась. Она такого не видела за сорок лет повивальных трудов. Узкие мальчишечьи бедра, неполное раскрытие, крупный ребенок, а эта девчонка даже не вскрикнула. Набила в рот подушку и рычала в нее, извиваясь, как одержимая.

– Покричи, милая, покричи, легче будет, – увещевала ее повитуха. Но роженица трясла головой и скрипела:

– Не буду! А то эта сука придет! Не будет она моего ребенка принимать! Не хочу, чтоб знала!

Так и родила – с подушкой во рту. Акушерка ловко обтерла младенчика и, развернув на ладони, поставила его крошечными розовыми пятками Женьке на грудь:

– Да ты посмотри, какая чудесная! А крупная какая!

– У-у-у... жирная... порвала меня всю...

– Да ты что, деточка? Измаялась? Ничего, через час прижмешь к себе и растаешь от любви... Как назовешь?

– Мне все равно, – буркнула Женя.

– Да как же это – все равно!

– Я сына ждала. Ванечку. В честь папы. Для папы моего... Нет у меня женских имен! Я не знаю, как ее назвать... Вот вас как зовут?

– Меня – Неонилой. И день ангела у меня сегодня, 30 октября...
Прям знак...

– Дурацкое имя какое-то... Но раз совпало, то так и назовем. Как знак.

– А муж хоть есть у тебя?

– Есть. На смене, слава богу. А то мамашу бы свою припер!

Фира изнывала под дверью – Женька была упрямой, как осел:

– Никакой Гордеевой! Или уйду рожать прямо сейчас в сорочке в больницу! И ты жди! За дверью! Рожу сама – все рожают. Я позову,

когда закончится. – И ни звука, ни вскрика...

Как только распахнулась дверь, Фира ввалилась в комнату.

Рядом с Женькой сопела малышка в вышитом Женькой конверте.

Фира бросилась целовать внучку и дочку, заливая обеих слезами:

– Счастье! Счастье какое!

– Какое счастье?! Это девка! – Женька отвернулась.

А Фира подхватила ребенка на руки.

– Она улыбается! Смотри! Улыбается во сне! Я такого не видела! Нилочка! Херцале мое! Чему ты улыбаешься? Чему радуешься? Счастливая будешь! Обязательно будешь! Спи, дочечка, отдыхай, намаялась. Я присмотрю.

Фира с Нилочкой на руках вышла из комнаты и достала из кармана юбки николаевский червонец.

– Спасибо вам! Чаю хотите?

– Это очень много, – засмушалась акушерка.

– Это моя первая внучка. Такая радость дорого стоит, – сияла Фима.

Петька приедет из рейса на следующий день усталый, пропахший машиной, маслом, гарью, пóтом.

– Мам Ира, а Женька дома?

– Дома-дома. Дрыхнет еще. Но у меня до вас разговор серьезный, Петр Иванович. – Фира преградила ему дорогу в темном коридоре. – Значит, так, я требую, даже настаиваю, чтоб больше от тебя не слышала этого плебейского Мама Ира. Надоело! Понятно?!

Уставший Петька приподнимет бровь:

– И как же вас величать нынче, Ирина Ивановна?

– Только бабкой! Бабой Ирой, и никак иначе! – расцвела Фира, но Петька уже не слышал, влетая в комнату. Там, в контровом свете, подсвеченная слабым осенним солнцем, как на полотнах Возрождения, в тонетовском бархатном кресле сидела Женька и кормила грудью Нилочку.

– На, держи! – устало выдохнет она.

– А мама чего не заходит? – спросит к вечеру счастливый Петька.

– А я ей не сказала еще. Акушерка запретила вставать, – с олимпийским спокойствием ответит Женька. Фира за ее спиной пожмет плечами, мол, что я могу?

– Пойду... пожалуй... порадую... – приподнимется Петька и поплетется по дворовой галерее, пытаясь предположить масштаб и силу гнева и кар египетских от Фердинандовны. Ее строптивая невестка точно подгадала момент, дождалась и таки отомстила и за проклятья их любви, и за проигнорированную свадьбу.

– Ишь ты, харáкерная! – милостиво хмыкнет Гордеева и поцелует сына. – Поздравляю, мой мужчина! Ты стал отцом! Пойдем, покажешь мою внучку.

– Отличная девочка, – развернет Нилочку из пеленок, не глядя на Женьку, Фердинандовна. Прощупает родничок на голове и животик, хлопнет у каждого ушка, заглянет в глаза и покрутит суставы.

– Я вам не мешаю? – поинтересуется из кровати Женя.

– Нисколько, – так же спокойно, не оглядываясь, ответит Гордеева и, расплывшись в улыбке, прогудит:

– Уважил сынок, молодец! Моя! – хмыкнет и поправится: – Наша порода, немецкая, Гордеевская. Кровь с молоком. Ладная девка! И глаза мои! Све-е-етлые! И волосы мои – све-е-тлые, – с садистским удовольствием продолжит. – Ирка, чего стоишь, наливай! Выпьем – нам, бабкам, положено!

Она допьет графин, потянет за мочки и снимет с себя крошечные темные серьги с осколками бриллиантов, подойдет к кроватке и сунет под матрасик:

– Полвека их не снимала. Дождалась. И не вздумайте продать – проклянущу. Это моей внучке на приданое.

На бис

Борщ, который Польша выплеснула в гнев на башку матерщинника-Макара, неожиданно потянул за собой цепочку событий разного характера... В общем, тот почти остывший борщ сработал как выстрел стартового пистолета для спортсмена.

Прошло почти полгода после принятия «крещения борщом», события и катаклизмы сотрясали Одессу и, конечно, не обходили стороной молдаванский двор.

В один из ненастных ветреных вечеров Макар задержался на очередной профсоюзной сходке, где такие же истинные пролетарии решали перед завтрашней зарплатой, сколько и у кого следует отнять денег на всякие займы и как быстро отрапортовать наверх о перевыполнении плана по сбору денег.

Как и все подобные сборища активистов, это совещание завершилось хорошей пьянкой, где каждый из профсоюзных вождей районного разлива рассказывал, насколько он всевластен и как может скрутить в бараний рог любого, кто не понимает значимости профсоюза в его жизни.

Поэтому Макар возвращался в воодушевленном состоянии и развлекал себя неоднократно громким исполнением революционного гимна и песен идеологически выдержанных и очень злободневных.

Войдя в ворота, он добавил «Религия – яд – береги ребят!» и всхлипнул.

Будучи в приличном подпитии, сбиваясь неоднократно на простой мат, снова стал орать: – «Смело, товарищи, в ногу», отбивая такт по стойке галереи могучим кулаком каменотеса...

Исторические сведения и мнения жителей Молдаванки разошлись в показаниях, что же на самом деле явилось причиной последующей цепочки событий – то ли порывистый штормовой ветер, то ли сам Макар, то ли старая галерея...

Свою победную песню Макар завершил громким крещендо и словами «кто был ничем, тот станет всем!» и, в последний раз саданув кулачищем по стойке галереи, громко заорал:

– Я вас всех к ногтю!!!... Всех! Всех!! Всех!!!

И сделал шаг в сторону двери своей каморки.

В ту же секунду с перил второго этажа галереи сорвалась огромная, ведерная кастрюля с киселем и, перевернувшись в полете, согласно всем законам физики и земного притяжения, со скоростью mg^2 , спланировала точнехонько на башку профсоюзного со странным звуком «хлюп».

Озадаченные случившимся, со всех сторон на галерею вышли несколько женщин и увидели сидящего прямо под ней, плюющего киселем и матерящего Макара, который сучил ногами, отпихивая подальше от себя кастрюлю, и пытался стереть с лица и с головы остатки киселя, брезгливо стряхивая их с рук на землю...

Через несколько секунд, при помощи громких многоэтажных проклятий в адрес пострадавшего, выяснилось, что на голову пьянчуги-каменотеса нечаянно свалилась кастрюля свежесваренного овсяного киселя, который Нюся поставила остудиться на широкие перила галереи, на ветерок...

За недолгое время, перебирая отборные матерные выражения в адрес Макара, его родителей и всех родственников, Нюся рассказала, какого труда ей стоило достать эту мерку овса, сколько времени она растирала его в порошок, сколько стоил сахарин, как она боялась покупать его у барыг на рынке – обманут же, как долго варила, перемешивала, чтоб не подгорел, и как мечтала накормить семью... А теперь из-за этого профсоюзного недоноска они будут голодать.

На ответный вялый мат Макара Нюся ответила, что сегодня она, конечно, борщ не варила, а только кисель, но у нее еще есть ведро отборных ароматных помоев, и если уважаемый сосед не заткнется и не компенсирует потери, то голову исполнителю революционных песен прям сию секунду еще и они украсят... И, резво развернувшись, двинулась к себе на кухню...

Макар счел за благо быстренько ретироваться в свою каморку...

Кисель все ж таки не успел остыть, посему следующие две недели Макар ходил с красной рожей, как говорили соседи – с мордой цвета пролетарского флага...

Поначалу он пытался извлечь некую выгоду для себя – представить данный инцидент как теракт по время исполнения гимна, а себя – пострадавшим за дело революции и подал в связи с этим несколько заявлений в разные инстанции – на террористов-соседей, на

лечение в санатории с усиленным питанием, на спецмедобслуживание, на усиленный паек и повышение в должности.

Получая раз за разом отказ в цензурной и не очень форме, Макар совсем расстроился, но решил держать марку до конца, не сдаваться и, зайдя к Гордеевой, потребовал неотложного лечения, иначе грозился всех, кто живет на втором этаже, а особенно ее соседку Нюсю, сдать в ЧК...

Видно, он забыл, с кем имеет дело... Старуха разъяренной медведицей встала во весь свой немалый рост, и плюгавый Макар получил несколько оплеух с обеих рук, с напутствием: – От советской медицины, от благодарных соседей... Потом получил затрещину с пояснением: Лично от Гордеевой – и был спущен с лестницы самым позорным образом с соответствующими матерными напутствиями.

А Нюся, в лучших молдавских традициях, несколько дней подряд стоя на галерее с помойным ведром, встречала Макара вечером с язвительной улыбкой и вопросом: не забыл ли он ее?..

Каким образом и в каком объеме Макар компенсировал Нюсе ведро киселя и смятую кастрюлю, соседи так и не узнали... Но, судя по всему, он-таки отработал потери, потому как Нюся и помойное ведро перестали ждать его с работы.

Но с тех самых пор Макар, единственный со всего двора, в любом состоянии опьянения и в любую погоду добирался в свою каморку по большой плавной дуге, никогда не приближаясь ближе чем на метр к галереям по обе стороны двора... Ну мало ли что...

1929

«Великий перелом»

– Самый молодой машинист Одессы приветствует вас! – В дверях Гордеевой стоял ее обожаемый сыночек, ее зеленоглазое чудо, Питер, Петенька Косько. Вот это карьера!

Питер геройски молчал, что ровно за месяц до этого события, 3 декабря 1928 года на заседании бюро партийной ячейки Одесса-Товарная он был единогласно принят в кандидаты КП(б)У – Коммунистической партии большевиков Украины. Секретарь ячейки, товарищ Жеребецкий, лично взялся рекомендовать молодого сотрудника в члены партии. Такой непопулярный среди товарищей ход позволил получить главное – вождевленную должность машиниста, практически полубога в таблице о рангах и продовольственной карточной системе по высшему разряду А. Теперь он легко прокормит и Женьку, и Нилочку, и родственников с обеих сторон. Дядя Ваня мог бы им гордиться. Никаких сентиментальных соплей – его наследственная немецкая прагматичность подсказала: если для обеспечения семьи нужно выучить методичку и прицепить красный бант, то цель оправдывает средства, и победителей не судят.

Петька, как всегда, почуял правильный путь. Золотая эпоха нэпа и патефонных пружин стремительно завершалась. Управленцев, околосударственных посреднических контор и фиктивных фирм было в разы больше производства. Коррупция, махинации, спекуляции – все это было далеко и непонятно Петьке и совершенно чуждо очередной политике партии, которая провозгласила «новую революцию». Эксперимент по превращению крестьян в рабочих на поле не удался. Работать без своей земли на новой «панщине» почему-то не хотели. Чтобы отвести внимание недовольных трудовых масс и отвлечь от краха сельского хозяйства, был найден очередной враг. Не далекий, западный, а близкий, осязаемый и почти домашний – хитрый буржуй-нэпман. Это он снова жировал на бедных рабочих, прятал прибыль от государства, не давал развиваться промышленности и угнетал только-только освободившихся пролетариев. Пропаганда сработала блестяще, фокус внимания, как в ярмарочном иллюзионе, моментально сместился. Правда, ненадолго. Но этого времени хватило, чтобы создать из желающих «легкую кавалерию» с ударными

бригадами. Проще говоря – отряды стукачей, которые собирали информацию и докладывали, у кого жизнь чуть слаще, чем у остальных, ну а ударные бригады принимали участие и в изъятии «не- доимок».

Осоавиахим с ним

К сожалению, расчет Петьки на то, что партийный билет и должность машиниста – гарантия хорошего продуктового пайка и относительно спокойной жизни, не оправдался.

Выяснилось это совершенно неожиданным способом. В то время Осоавиахим в добровольно-принудительном порядке постоянно набирал на курсы обучения как можно больше людей.

Осоавиахим – Объединенный Союз обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства – многомиллионная общественная организация проводила работу в деле развития политической активности масс и вовлечения их в общественную жизнь страны. Помимо вступления с последующим отчислением оцутимых членских взносов, издания просветительской литературы и строительства самолетов и химических лабораторий, Осоавиахим обучал своих членов всему – стрельбе, минному делу, химической защите, рукопашному бою, маршированию и т. д. Но самое массовое движение было связано со стрелковой подготовкой.

Не имели значения возраст, специальность, пол – все должны были уметь стрелять, страна готовилась к войне, и все, как один, должны были быть готовы дать достойный отпор врагу.

Железнодорожное депо не осталось в стороне, и после рейса Петьку направили на стрелковые курсы. Как самому последнему из пришедших, ему досталось место за первым столом, прямо перед трибуной лектора.

Рейс был тяжелый, и уставший, засыпающий Петька даже не сразу услышал, как его стыдит за невнимание к предмету лектор – отставник, желчный дядька чахоточного вида.

Петька встал:

– Вы не сердайте – смена тяжелая. Даже помыться не успел. Устал как собака... – Он повторил еще раз: – Извиняйте, – и сел на стул.

– Встать!!! – неожиданно зло и громко почти прокричал отставник. Он уже не мог остановиться и, брызгая слюной, стал повторять, повышая голос на каждой фразе, что родина в опасности, враг не дремлет, каждый сознательный гражданин должен и обязан

знать устройство винтовки, чтобы в нужный момент выступить на защиту советской родины и дать достойный отпор врагу...

Петька опешил и молча слушал эти выкрики. Лектор, в запале, стал орать ему в лицо, потрясая кулаками перед носом, что он – Петька – предатель и контрреволюционер, что таких, как он, на фронте враз к стенке ставили... что он заявит, куда надо...

Вот тут-то молчаливый Петька и не выдержал, вдруг тяжело и громко произнес:

– Не знаю, как и когда вы научились стрелять, кого и где расстреливали, а я стреляю с одиннадцати лет. Устройство винтовки, говорите, я должен выучить? Да я ее прямо сейчас с завязанными глазами соберу и разберу!!! Чего мне ее изучать? Когда ближайшие стрельбы? Вот там и посмотрим, кто из нас готов к защите родины, а кто только горлопанить умеет.

Лектор задохнулся от негодования – всегда послушные вялые слушатели, беспрекословно выполняющие все его команды, сейчас открыто ухмылялись, и их симпатии были явно на стороне этого высокого белобрысого парня...

– Никто не будет допущен до стрельб без сдачи зачета по материальной части – устройству винтовки!!! А ты, – он с бешенством в глазах уставился на Петьку, – никогда его не сдашь!!! Слышишь???

Никогда!!!

Петька снова встал. Проклятое воспитание... Тогда он еще не мог сидя разговаривать со старшими. Вперил свой немигающий взгляд в отставника, долго молча смотрел на него, страшным усилием давя в себе уже закипающий гнев, и прогудел, перейдя на ты, потому что был уже не в силах сдерживаться:

– Давай сюда винтовку и завяжи мне глаза. Я разберу и соберу ее трижды. Потом, если сможешь сделать то же самое, – поставишь мне незачет по материальной части и не допустишь в тир.

Это было слишком даже для деповских, среди которых, чего греха таить, всегда было много желающих поскандалить по любому поводу или просто позубоскалить, не особенно выбирая слова.

Но сейчас был особый случай, и в комнате стало очень тихо. В тишине хихикнул женский голос:

– Оп-па, кто-то решил, что он хитрей одесского раввина. – Правда, кому из дуэлянтов адресовалась реплика, было непонятно. Класс

заржал.

Петька оглянулся, и в наступившей тишине снова уставился на лектора. Тот принес к столу мосинскую трехлинейку и дрогнувшим голосом сказал, тоже перейдя на ты: – Давай, вылазь на сцену, покажи себя, защитник... А вот глаза мне завязать тебе нечем – я не баба, платков не ношу.

Аудитория оживилась, загалдела, все обступили Петьку и стол на сцене, та самая языкатая девка из депо передала кумачовую косынку, и, пока ему ее завязывали, он успел один раз разобрать и собрать винтовку.

– Не считается, не считается, нечестно!!! – завопили активисты. – Тебе еще глаза не завязали, ты подглядываешь!

– Да чего вы так... Конечно не считается... Это пробный, чтоб руки вспомнили, я ж с двадцать второго года оружие в руки не брал... Вспомнить надо было... – оправдывался Петька. Он уже почти успокоился, руки помнили все, пришла уверенность, что не опозорится...

Лектор с трудом согнал народ со сцены. Петька, как и обещал, трижды быстро собрал-разобрал трехлинейку, потом еще дважды повторил, но только очень медленно, по просьбе сослуживцев, поясняя некоторые мелкие хитрости при сборке – там всегда было неудобно вставлять затвор, и все это с завязанными глазами. Потом он, потный и взъерошенный, снял повязку с глаз и, держа ее в полуопущенной руке, посмотрел на лектора, не зная, как поступить дальше – отдать ему, пусть продемонстрирует свое умение, или вернуть косынку хозяйке.

Лектор, стараясь не встречаться взглядом с Петькой, громко сказал:

– Товарищи, давайте поприветствуем вашего сотрудника за хороший доклад и демонстрацию приемов по сборке-разборке оружия вслепую.

И первый зааплодировал. Народ рванул со своих мест и ринулся к трибуне, кто-то даже сделал попытку покачать Петьку на руках, но не случилось – тот дернулся и буркнул: – Не трожь, а то руки вырву!

В общей суматохе лектор тихонечко собрал свои бумаги в папку, забрал наглядное пособие – винтовку – и покинул аудиторию. Он понимал, что занятия сорваны, что все его запланированные на

полгода лекции в этом депо теперь под вопросом, как и обещанный паек и выторгованные им две тонны угля для печки.

Но сдаваться просто так он не собирался, и назавтра, в законный выходной машиниста после рейса, на Молдаванку прибежал нарочный с запиской из партячейки – срочно явиться для разговора.

В кабинете начальника депо Косько уже ждали обиженный лектор, секретарь партячейки, начальник депо и военком – огромный дядька с запорожскими усами.

Судя по обрывкам слов, что услышал Петька, пока поднимался по лестнице на второй этаж, лектор всю боролся за свой паек и обвинял его во всех тяжких грехах.

Вынужденно помолчав несколько минут, пока начальник депо познакомил военкома и Петьку, лектор снова включил пламенного борца и просветителя и стал повторять вчерашние обвинения и лозунги, пока избегая обещаний расстрелять и не переходя границ дозволенного, но сменил тактику и теперь: узнав, что Косько член партии, давил именно на то, что было сорвано занятие, что это политическая незрелость, что это диверсия и вредительство, и он снимает с себя всякую ответственность за подготовку рабочих депо к сдаче нормативов и т. д.

В то время это было очень серьезной проблемой – за плохую подготовку сотрудников по линии Осоавиахима любой руководитель хоть завода, хоть депо мог быть снят со своей должности на раз-два, а секретарь партячейки запросто лишался партбилета вместе с пайком и карьерой. Поэтому, несмотря на полную абсурдность и надуманность обвинений, во время этой обвинительной речи начальник депо не поднимал глаз от стола, секретарь рассматривал что-то очень интересное в блокноте, а военком только покашливал в свои роскошные усы а-ля Буденный, при каждом новом витке обвинений чахоточного инструктора.

Петька сидел подавленный этим валом абсурда и нелепостей и поначалу не знал, что сказать в свое оправдание, но постепенно стал закипать, и неизвестно откуда на смену обычному немцу-флегмату из глубины души стал подниматься яростный тевтонец, воин, боец... да и уроки Женькиного отца, Ивана Беззуба, еще не канули в Лету. Так что постепенно он нашел нужные слова и, не дожидаясь, пока ему

дадут или не дадут слово, поднялся и, прервав на полуслове монолог инструктора, спросил:

– Я что-то нарушил? Я не сдал зачет по устройству винтовки?

– Да!!! Вы нарушили и не сдали, потому что зачет сдается в письменной форме!!! – завопил лектор, не дав кому-либо из присутствующих вставить слово. – Ваше преступление в том, что вы своими безответственными и преступными действиями, пререканием с лектором сорвали занятия, и теперь 30 человек не смогут сдать из-за вас зачет! А это значит, что Родина недосчиталась тридцати бойцов, которые могли бы уничтожать врагов! Вы лишили Родину целого взвода ее защитников, вы их уничтожили!! Это гнусное преступление, и я доложу куда следует об этом, вас должны судить по законам военного времени и расстрелять!!

Лектор совсем не владел собой, у него перехватило горло и он зашелся в кашле.

Начальник депо рванулся к нему, подхватил его под руку и потащил вон из кабинета, на свежий воздух.

– Шоб ты вправся, де ты взявся на мою больную голову? – вздохнул военком, посмотрев вслед чахоточному невротнику. – М-да... Ну и наворотил ты, парень!

– Ничего я не наворотил!!! – перебил военкома Петька. – Он первый начал. За такие обвинения на Молдаванке вообще морду сразу бьют, а я выслушал вчера три ведра и просто сказал, что готов сдать экзамен по матчасти прямо сейчас и прошу дать возможность подтвердить мою готовность путем досрочной сдачи нормативов по стрельбе из боевой винтовки. А мое место в группе может занять кто-то, кто еще не знает ничего и не умеет. Это правильно и это по-партийному! Нельзя в такое трудное время не видеть явной выгоды от моего предложения. Это же еще один обученный боец, защитник нашей родины, – последнюю фразу он произнес с надрывными интонациями лектора.

Военком стрельнул глазами:

– Ты смотри, какой цикавый! Ты, парень, его не передразнивай, ни к чему это... Этот инструктор Перекоп брал через Сиваш – там и заболел, комиссовали его... Чахотка. А когда кровью харкаешь и дни до могилы считаешь, людей не особо любишь. Особенно таких хитросделанных.

– Да кто хитросделанный!

– Ша, я сказал! – рявкнул военком. – Как бабы дворовые! Мне тут и начальник твой, и товарищи по партии много хорошего за тебя сказали, поэтому поможем.

Он помолчал.

– Завтра явишься ко мне, получишь направление во Фрунзенский район. Будешь тамошним инструктором по стрелковой подготовке, минимум на полгода, пока твои товарищи не закончат обучение и не сдадут зачеты. Вот и эта карусель забудется. Шибко товарищ злопамятный и дотошный. Да и то сказать – нет там у меня грамотного инструктора и тем паче – партийца. Вот, кстати, заодно и местных подкуешь, растолкуешь им политику партии и правительства, расскажешь о международном положении.

– Да как же так? – воскликнул Петька, не сдержавшись. – Я, машинист паровоза, и каких-то лапотников неграмотных обучать? Это же смешно!!! – Его негодованию не было предела.

– Ну, кому смешно, а кому, дурья твоя башка, задницу свою спасать надо, – как-то очень устало произнес военком. – Вот посиди и подумай, пока лектор воздухом дышит, как извиниться перед ним, чтоб этот сукин сын не жаловался больше на тебя никому. Он же много пакостей тебе может сделать... Извинись, не буди лихо, не разочаруй меня, я ж тебя за разумного человека держу...

– А как же жена... У меня ж дочка маленькая, мать-старуха... дом... – уже смиряясь и сдаваясь, произнес Петька.

– А ты, Петр Иванович, не сомневайся, – наконец подал голос секретарь партячейки. – Семью твою не оставим, подмогнем, чем сможем. Да, а паек твой литературный за тобой сохраняется – ты ж не увольняешься, ты по партийной линии командируешься на инструкторскую работу в глубинку.

– И от военкомата кое-чего подкинем, – подал голос военком. – Да и Осоавиахим неплохо платит, сильно не зажируешь, но там же сельская местность – прокормишься, еще и нам гостинцы будешь слать...

– Да не поеду я ни в какую Фрунзовку! – Женя стояла, как обычно, фирменно – с рукой на бедре. – Где это вообще?

– Каких-то восемьдесят верст от Одессы. Почти рядом, – нерешительно произнес Петька.

– Не морочь мне голову, Косько! Я шла замуж за машиниста, а не за – кто ты там теперь? Фрунзенского командира!

– Поздно, Женечка, – уже смеялся Петька. – Куда иголочка – туда ниточка.

Женька прикусила губу и вздохнула:

– Давай-ка ты, иголочка, разведай там все сначала. Где жить, что есть. А там и мы подтянемся... Попозже...

Военком оказался деловым и очень обязательным – наутро следующего дня Петр Косько принял присягу, и ему был вручен военный билет. Вот так, 20 сентября 1929 года стал Петька-машинист целым инструктором по стрелковой подготовке во Фрунзенском районе Одесской области, а заодно и лектором-просветителем.

Поселили его в бывшем доме местного помещика, который рачительные селяне сохранили в целости, там же разместились сельсовет, комсомольцы и партячейка из шести человек, ну а в библиотеке, где стоял чудом уцелевший рояль, «пока не отремонтируем для вас комнату», поселили Петьку.

Он был не против, жизнь пошла веселая и насыщенная событиями – комсомольцы и партийцы сразу взяли над ним опеку, потому что именно он помог им организовать нормальную просветительскую работу и собрал для них простенький детекторный приемник. Кузнец и местный механик-умелец с помощью Петьки осуществил свою мечту – наладил электрическое освещение у сельсовета, используя генератор с трофейной бронемашины. Ну а опасения Косько, что ему придется обучать тупое и ленивое поколение, не оправдались – народ был молодой, жадный до любых знаний и буквально впитывал всё, что он рассказывал.

Ну а когда местное общество узнало, что он самый молодой машинист паровоза в Одессе, тут обожание его вознесло Петьку на небывалую высоту.

Как потом выяснилось, именно этот момент имел самое интересное и... доходное значение для Петьки и его семьи.

Первым делом колхозное руководство упало в ноги: помоги-спаси, молотилка паровая совсем не хочет работать, что с ней только

ни делали, ничего не получается. Помоги, мы в долгу не останемся!

В речи председателя сельсовета Петька вдруг услышал вайнштейновские нотки, вздрогнул внутренне и моментально отказался, сославшись на большую занятость с молодежью. Местные начальники настаивали, уговаривали – ничего не получалось.

Но жизнь распорядилась иначе. Из-за большого дефицита с топливом и разными горюче-смазочными материалами электростанция – давняя мечта местного умельца-кузнеца Антохи, что была запущена с помощью Петьки, проработала ровно три дня, вернее – 2,5 вечера, потому что кончился запас топлива, а пополнить его было неоткуда – всё на строгом учете, по разнарядкам и ордерам – для государственных нужд. Основным видом транспорта в то время был гужевой – кони, ишаки, волы, а иной раз и ко- ровы.

Увидев, что кузнец так горюет, часами просиживает рядом с генератором и бесконечно протирает его ветошью, что-то подтягивая, а иногда просто поглаживая, Петька долго не выдержал и за два вечера сделал расчеты и чертежи небольшого парового двигателя для привода генератора.

Местный Левша-Антоха будто заново родился – работал без отдыха, но все, что он делал, отправлялось на свалку: да и что мог изготовить молодой пацан, без должного опыта и оборудования, имея примитивный кузнечный инструмент? Видя столько старания и отрицательный результат, Петька невольно включился в процесс. Под его патронатом дело сдвинулось с мертвой точки и за четыре недели бумажные чертежи обрели форму и массу. Кузнец-самоучка, увидев результат, наворачивал бесконечные круги вокруг станины двигателя и называл его на французский лад – локобилем. Петька снисходительно улыбался, но в душе тоже был горд – давненько уже он ничего такого крупного не делал своими руками, да и родное паровозное депо не подвело – помогло с некоторыми дефицитными в селе клапанами, вентилями, манометрами и трубками для котла... А двигатель получился красивый... как большой приплюснутый самовар. Выглядел очень фантастично, потому что станией ему служила рама трактора «Фордзон», неизвестно какими путями попавшая во двор кузницы. Но грех было не использовать ее – мощная, с металлическими колесами, а передние еще и поворотные были, так что умельцы добавили к нему простейшее дышло, чем

придали дополнительную маневренность агрегату. Правда, куда и чем транспортировать это чудо техники, они еще не придумали, но тем не менее... Да и азарт, и стремление к совершенству их уже захлестнули с головой, и о таких мелочах изобретатели пока не задумывались. Хотя все-таки однажды Петька, верный своей немецкой натуре, задал мимоходом вопрос: – А зачем устройству дышло? – На что кузнец, погруженный в какие-то свои мысли, глубокомысленно изрек:

– Было бы что возить, а куда, зачем и кто будет возить – всегда придумаем...

И Петька не мог не согласиться с таким справедливым выводом.

Ну и ударом под дых была высоченная дымовая труба, снабженная четырьмя растяжками, которые не только придавали нужную жесткость всей конструкции, но и добавили ей какой-то морской лихости.

– Пиратский фрегат, да и только – произнес, не сдержавшись Косько. – «Веселого Роджера» только не хватает.

– Кого не хватает? – не понял Левша.

– Да флага пиратского, черного, с черепом, он так называется – «Веселый Роджер».

– Не надо нам махновского флага, никакого веселого роджера и черепов не надо – я ж крещеный... православный... а флаг у нас завсегда – красный, вот его и повесим! – воинственно выпалил Левша...

Петька расхохотался:

– Слышь, парень, ты определись уж, с крестом или с флагом будем нынче запускать двигатель...

Пробный пуск двигателя привел в детский восторг кузнеца – Антоху и всех, кто пришел «на посмотреть». Таких было так много, что Петька грубовато пошутил:

– Эх, надо нам было билеты продавать, озолотились бы...

– Да откуда у них деньги-то? Это ж беднота, ты посмотри – они все почти босиком, – парировал кузнец.

– Да ладно, не надо денег, пусть дрова тогда приносят для двигателя... Их много надо будет, это я тебе как машинист говорю! – не сдавался Петька.

– Какие дрова? Где ж мы их возьмем? – огорченно спросил Антоха.

– Любые... Все, что горит, – дерево, сучья, сено, солома, торф, уголь, кизяки на крайняк, все пойдет в дело. Мы вон какую трубу высокую сделали, да и поперечное сечение у нее что у паровоза – тяга будет всем на зависть, в такой топке все сгорит.

Несмотря на то что пробный пуск двигателя прошел удачно, много времени отняло грамотное сопряжение его с генератором. Памятуя обоюдный опыт работы с ременными приводами, зная не понаслышке о травматизме и ненадежности такого способа, Косько принял такое решение – делаем шестереночный редуктор. Для этого они использовали шестеренки неизвестного происхождения, валявшиеся там и сям вокруг кузни. Дополнительные работы заняли еще четыре дня, но результат того стоил: локомобиль, или парогенератор, на чем настаивал Петька, получился простым и очень живучим. Его пуск в эксплуатацию прошел как-то буднично, не то что первый пробный запуск. Но с тех пор в селе Фрунзовка появилось новое место для массовых ежевечерних гуляний. Три стосвечовых лампочки у сельсовета отныне стали центром притяжения и ярко обозначили уровень цивилизации местного общества.

Рабочая няня

Фира уже год работала на «Джутарке» – джутовой фабрике, где ткали натуральное техническое волокно, из которого делали мешки и канаты и которую до революции держали англичане. Что там идти до работы? Вниз по Мельницкой до упора, за заводом Шустова на бывший хутор Родоканаки.

Продукция «Товарищества бумаго-джутовой фабрики в Российской империи» была популярна далеко за пределами Одессы. Когда Фира с Ваней в 1900-м переехали в Одессу, на «Джутовой» уже трудилось больше тысячи человек. Разоренной и пустой после интервенции и войны «Джутарка» простояла недолго. В двадцатом ее снова запустили, а шесть лет назад открыли первые в Одессе ясли на пятьдесят душ детей – для работниц фабрики. Фабричная столовая, библиотека... Когда Фира пришла устраиваться на работу, здесь уже было сто мест в детском саду и... ночной санаторий с грязелечебницей. Конечно, в цех ее, сорокадвухлетнюю пожилую женщину да еще и такой субтильной наружности, не взяли. Зато, несмотря на популярность «Джутарки», дефицит нянечек в детском саду был катастрофическим. Зарплата мизерная. Детей и работы много. Воспитатели не успевают. Фиру, вырастившую своих шестерых, не смущали ни описанные простыни, ни грязные попы... Больше всего на свете она боялась стать обузой для своих выросших детей. Боялась не прокормить младшую. Да и просто оставаться дома, где, даже через три года, в шкафу пахло Ванечкой, было невыносимо. Всю свою боль, любовь и кипучую энергию она принесла в фабричный детский сад. И моментально поломала все новые постулаты юного строителя коммунизма. Воспитательная работа пошла псу под хвост. После публичного порицания юных воспитательниц:

– Что ты ссышься в штаны, как маленький?! – подключалась Фира. Обнимала, целовала, шептала: – Не стыдно, не страшно, ты мне только сразу говори. Мы эту беду враз исправим.

У ее группы за три дня пропали опрелости. Дворовые бабы смеялись: – Нормальные люди с работы несут, а ты, Фира, на работу!

– Ну не могу я! Ну у ребенка уже рана между ног. А крахмалом припудришь, и все заживает. Они ж признаться боятся, и ходят записанные по полдня. Герои! Жалко же.

Малышня полюбила Фиру моментально. Только она появлялась с ведром и тряпкой – они гроздьями висли у нее на ногах, руках, прижимались лицом к юбке, несли свои сокровища из листьев и гусениц, шептали секреты и обидки и... наотрез отказывались уходить домой. Ткачихи к «мамке Ире» поначалу сильно ревновали. Обижались. Они тут целый день упираются, а дети за няньку цепляются и домой идти не хотят. Но постепенно привыкли. А Фира стала оставаться и на ночную смену – сад же работал круглосуточно. Работницам удобно – детей покормят, и на ночь, и с утра. И ночью досмотрят – не надо оставлять абы с кем, да и старшие не объедят. У Фиры же было два мотива – корыстный и боевой.

Корыстный был простым – она тоже ела в столовой вместе с детьми фабрики. Поэтому всю пайку могла отдать в семью, на круг, для Ксени. А боевой был еще более инстинктивным – воспитатели ночью оставаться не особо хотели, а если дежурили, то тоже спали. Малыши плакали, ходили под себя, спали в мокром, простужались и кашляли. Но главное – еда. На вечер и завтрак тоже готовили. Детей оставалось меньше, и сторожа тоже приходили харчеваться. И ладно просто поесть – так они отбирали кашу домой ведрами. И Фира стала проситься в ночные смены. Дома и так полно народу, да и Ксения про себя не постесняется Женьке с Петей напомнить.

Что она только ни выдумывала, чтобы сохранить детскую пайку, – и дверь запирала, и кастрюли в спальне прятала. Но дошло и до открытых конфликтов.

Мартовская ночь. Холодная и промозглая. Спит-сопит малышня. В комнату-столовую по-хозяйски заходит мордатый сторож Дмитрий Михайлович. С бидоном. Не спеша начерпывает себе кашу, выбирая края с остатками масла.

И тут из темной спальни выползает растрепанная Фира со шваброй в руке.

– Михалыч, а ты не слыхал, что на ночь жрать вредно?

– Так я на утро, – усмехнулся сторож. Фира ему была чуть выше пояса.

– Ты что ж это, детей обожрать решил? Морда не треснет?

– А ты что, совсем страх потеряла, жидовка старая? Сейчас я сам тебя тресну, – оторопел Дмитрий Михайлович, – да шею сверну!

– Подохнешь ты от детской каши. Подавишься, и не спасут.

– Вон пошла! – Сторож демонстративно отвернулся и продолжил перекладывать кашу в свою тару.

– Сука-сука, что это?!!!! – вдруг заорал он. А это Фира просто выплеснула на шинель и на его жирные, давно не мытые волосы керосин из банки.

Она успела отскочить к столу и взять в руки горящую керосиновую лампу:

– Вот сейчас об башку твою разобью, и будешь гореть, гад, заживо! Если раз к детям сунешься!..

Сторож по-бабьи завизжал и рванул из детского сада:

– Дура бесноватая! Убью!

– Сам выживи! – кричала Фира ему вслед. – Я тебе еще хрен отрежу, когда заснешь, и в рот засуну, чтоб нажрался наконец!

Воспитательница спала так крепко, что ничего не слышала. Но про сторожа в керосине на следующий день знали все бабы «Джутарки». Фира стала не просто авторитетом, а неофициальной хозяйкой детсада.

– Завтра принесете по яйцу. Все, – сурово заявила она мамашам, забирающим малышей.

– Это чо ж за праздник? Яйца трескать?! Не Пасха! – возмутились ткачихи. – Где мы их тебе возьмем?

– Да хоть снесите! У вас дети вторую неделю кашляют навыворот. Не знаю, где они у тебя дома спят и в чем. Но ты так до туберкулеза доиграешься. Я не себе – проверишь. Но чтоб яйца завтра все принесли!

К яйцам Фира припрет из дома бутылку абрикосовой самогонки из своего старинного золотого запаса – из прошлой жизни.

Перед обеденным сном принесет в спальню чудо – волшебное молоко по секретному рецепту. Объявит: – Выпить всем залпом, и под одеяло!

Это был гоголь-моголь. Взбитый в крутую сладкую пену с разбавленным синеватым горячим молоком и чайной ложкой самогонки в каждую чашку. Фира растирала яйца не с сахаром – его уже на малышей не выдавали, а с сахарином и полученными по

карточкам вместо сахара толчеными конфетами-«подушечками». От ложки и усердия на половину ее ладони вылез водяной пузырь, но Фира, лизнув ноющую рабочую руку, улыбнулась:

– Сладких снов!

– Давай им на ночь такое сделаем! – предложила воспитательница, когда после тихого часа не могла добудиться всю среднюю группу.

– Не дури. Прогрелись дети до самых легких. Кашлять перестали. Вот и заснули. Я так свою Аньку вытаскивала...

– Ирина Ивановна, я тоже кашляю! – смеялись работницы. – Давай нам такого накалапуцай! Можно даже без яйца и сахарина. Мы тебя в санаторий переведем! Будешь ткачихам нервную систему поправлять и легкие им согревать! А то нам завидно, да и дети все волшебного молока дома требуют!

Фрунзенский Николай

Петька не смог остановиться и на одном из занятий предложил своим деревенским курсантам принять участие в восстановлении разной сельхозтехники – сеялки, веялки-плуги и бороны в изобилии были разбросаны на двух пустырях за кузней. Авторитет Петра Ивановича был велик, так что никто не посмел отказать, и назавтра был назначен сбор всех желающих. Конечно, пришло меньше половины слушателей, да и не рассчитывал Петька на большее – честно сказать, он уже знал цену всем этим пламенным крикунам. А работы с сеялками и плугами было немного. Часть украденных железяк нашли у кузнеца, недостающие рычаги и тяги выковали тут же. Главной проблемой оказалось полное отсутствие решеток на веялках и сеялках. Как пояснили местные комсомольцы, во время крестьянских волнений все решетки с агрегатов – а они делались из свинца – были переплавлены на пули для патронов повстанцев. Именно пули оказались самым большим дефицитом, и для их изготовления использовали все, что можно, иной раз и церковная утварь шла в дело, если состояла из легкоплавкого металла.

Найдя в библиотеке панского дома несколько брошюр с подробным описанием сельхозмашин и агрегатов, Петька смог наладить изготовление примитивных решеток. Они, конечно, были несовершенны, но дело свое делали, и восторгу комсомольцев и курсантов не было предела. Но испытать достойно их уже было невозможно – декабрь, зима, морозы, да и 19 декабря – Святой Николай был близко, а семья в Одессе, и соскучился он по своим девочкам невероятно.

А тут машина попутная прям до Одессы подвернулась, ОРС за продуктами в город отрядил, и Петька, набрав всевозможных гостинцев и закупив невероятное количество продовольствия на все деньги, что были, погрузился в кузов полуторки. Было холодно, поэтому ОРСовцы обрядили его в необъятный «сторожевой» овчинный тулуп, папаху и валенки такие огромные, что он их надел просто поверх своих сапог, а через четыре часа уже стучал в родные двери на Молдаванке.

Женька открыла и, взвизгнув, повисла на нем, а маленькая Нила подбежала, увидела огромного заиндевелого дядьку с мешками в снегу, ахнула и, развернувшись, с криком: – Бабушка, Святой Николай пришел, подарки принес, – побежала в глубь квартиры...

Когда все нацеловали друг друга, наохались и наобнимались, Женя накрыла на стол, поставила чайник и громко позвала всех. Петька вышел в новой рубаше, искусно расшитой красными орнаментами. Женька моментально сделала стойку и спросила: – А откуда такая красота, позвольте спросить вас, Петр Иванович? Я вам такой рубашки с собой не давала вроде.

Петька несколько самодовольно ответил:

– Да то мои ученицы, девчата с курсов Осоавиахима. В благодарность. Толковые, даже с размером-то угадали... Они так радовались, что их учиться допустили. Больше мужиков стараются. 50 из 50 выбивают, винтовку вдоль и поперек изучили, отвечали на зачете так, что аж от зубов отскакивало...

Вот зря он употребил это выражение про зубы – это была любимая поговорка Фердинандовны, его мамы, которая всю жизнь была в контрах с невесткой... Да и вообще еще большей ошибкой было все, что он сказал в этот раз за столом. Женька, заледенев лицом и взглядом еще на слове «девчата», процедила:

– А что они еще вам расшили, уважаемый Петр Иванович? Нижнюю рубаху, трусы? Кальсоны? Портяночки мережаные под дни недели?!

– Женечка, ну что ты? – испугался Петька. – Зачем так? Девчата от чистого сердца подарок сделали... – Он попытался сгладить ситуацию, но было поздно. Под немигающим взглядом Женьки Фира подхватила Нилочку и со словами: – Пойдем, деточка, я тебе сказку расскажу, – в секунду исчезла за дверью своей комнаты.

А Женька снова уставилась на Петьку. Все так же, не мигая, тяжелым угольно-черным взглядом. После такого сельские бабы слизывали детей и причитали, что сглазили.

Петька внезапно ощутил их дремучую народную правоту, потому что на секунду почувствовал себя дичью на мушке у охотника... Но только на секунду, а дальше где-то внутри снова заворочался «тевтонский рыцарь» – мамкин немецкий бронбойный характер. Он медленно, не отводя взгляда, поднялся из-за стола во весь свой

немалый рост и так же, не мигая, вперился своими виноградно-зелеными глазами в переносицу Жени.

Игра в гляделки не могла продолжаться бесконечно, кто-то должен был уступить. Женька вильнула взглядом.

– Ну то-то... – тяжелым голосом тихо сказал Петька и продолжил шепотом, тяжело сопя и снова, как в детстве, покрываясь красными пятнами, но уж не от робости, а от негодования: – Не веришь, есть подозрения, есть претензии – говори прямо и сразу, не кричи, не скандаль, не на базаре! Я отвечу честно, без утайки.

– Ну что ты, что ты, Петенька, – почти беззвучно выдохнула Женя и примирительно улыбнулась: – Прости бабу, истосковалась, соскучилась неимоверно, чер-те что в голову лезет – ты ж меня письмами вообще не баловал. Одно письмо, и то из пяти слов, одно из которых имя. Ну не могу я ничего с собой поделывать, люблю и ревную безумно тебя... И очень боюсь...

– Ладно, – Петька, пытаясь подавить улыбку триумфатора, чмокнул ее в кудри. – Давай ужинать, все ж таки мужик приехал с дальней командировки. Давай уже скорее ужин закончим... Прилечь хочется, – подмигнул он Женьке.

– Мама, Нилочка, идите за стол, скорее! – неожиданно громогласно прокричал он, разбудив половину соседей.

Дальше ужин протекал в мирной и очень теплой обстановке. Всем вручили подарки, счастливая Нилочка, объевшись заветных недоступно-прекрасных леденцовых петушков на палочке, заснула счастливая у Петьки на руках с оставшимся безголовым трофеем в обнимку.

Тут пришел после смены замурзанный Котька, и начались новые расспросы и рассказы. Периодически косясь на дверь их комнаты, куда улизнула Женя, Петька обстоятельно вещал о жизни в селе, перечислял все достоинства нынешней должности, рассказывал о местных ценах на продукты. Фира с Ксеной подробно обсудили, как распорядиться привезенными харчами, что, как и в чем будут хранить, что можно выменять. Разошлись уже за полночь.

А в это время в комнате на кровати, сцепив кулаки и раздувая ноздри, сидела Женька в одной спальной сорочке. Хорошо, что Петька задержался за столом – это была его победа нокаутом. Если раньше Женька осознавала всю свою женскую власть над тихим, родным

и покладистым Петькой, то сегодня она чисто женским дремучим чутьем в каждом стежке этой проклятой вышиванки почувяла угрозу ее личному счастью. Муж далеко. Красивый, непьющий, на высокой должности, еще и так воркующий. Чем заканчиваются индивидуальные уроки стрельбы, она по себе прекрасно помнила. А она? А что она? У Петьки конкурентов больше нет – Борька погиб, Женька сейчас привязана к маленькому ребенку – ни работы, ни самостоятельности. Все на довольстве у кормильца. И новый, хозяйский, властный тон мужа ее абсолютно не устраивал.

– Осмелел на свежем воздухе? Наслушался коров дойных? Я тебе этот домострой вместе с сельской идиллией пообломаю! Вьются тут вокруг моего мужика какие-то шиксы немытые! – шипела она в подушку.

Женька знала, что шикса – это смягченный аналог русского мата, где из пяти букв только одна гласная. Падшая женщина. И даже не задумывалась о происхождении любимого Ривкиного ругательства, которое повторяло полдвора, потому что «шикса» – это не еврейка. А для иудея женщина не его веры – чужая, предвестница смерти рода. Секс с ней – потеря драгоценного семени не по назначению. И вообще «шикуц» – это мерзость. Но Женя-Шейна не знала о своей материнской линии ничего. Да и не особо интересовалась.

К Петькиному появлению в спальне она успела успокоиться. Потому что составила план военных действий.

Утром, за столом, после того, как был съеден завтрак, Женька ровным тоном, как об уже давно решенном, ответила Петьке, на его: – Девочки, я только до обеда! – А мы едем с тобой в твою Фрунзовку. – И добавила тут же: – Я уже и вещи начала собирать.

– Как????? Куда со мной? Там же жить негде! Готовить негде, я живу в библиотеке...

– Значит, пусть дают комнату! Специалистам, тем более семейным, положено, я узнавала. Или пусть скорее отремонтируют ту комнату, что ты рассказывал! Требууй! Сколько можно мыкаться по койкам и углам!

– Ну Женечка, ну подумай... Там же нет работы для тебя, там нет никаких развлечений, там волки воют по вечерам и бандиты еще не все перевелись в округе...

– Милый... – Женя расплылась в хищной улыбке, и Петя понял: процесс необратимый, она не отступит. – Милый, – пропела Женька медовым голосом, – как ты мне говорил, помнишь? Куда иголочка, туда ниточка, – и точно как тогда, в тринадцать лет, положила ему ладошку прямо на сердце – Не могу я больше в холодной постели спать.

Не понос – так золотуха

Под борьбой с сокрытием налогов нэпманами скрывался хрестоматийный рэкет.

В аккурат на католическое Рождество Ирод прибыл к Лидии Ивановне Беззуб. После плотного ужина они перешли в гостиную.

– Голубушка, вы моя должница.

– Ну конечно, кто бы спорил. А чем буду обязана в этот раз? Театр? Сплетни? Контрабандные новинки? – блеснула глазами Лидка.

– Ничего хорошего – сухо ответил Ирод. – Предупреждаю: 27 и 28 декабря пройдет массовое изъятие ценностей у нэпманов и недобитой буржуазии. Списки составлены.

– Надеюсь, нашего адреса там нет?

– Зря надеетесь. Есть. Я не мог не отреагировать на десятки обращений бдительных граждан. Это было бы опрометчиво и недальновидно.

– Но...

– Милая, если информация выйдет из этой комнаты, я гарантирую вам такую бесконечную боль и издевательства зэков и пьяной солдатни, что Дантов ад покажется вам европейским курортом. Все, что можете, – убрать отсюда самое дорогое и милое сердцу. И сильно сокрушаться по утраченному.

– А можно мне уехать? Ну хоть на неделю?

– Нет. Слишком подозрительно. Я в вас верю. Вы сыграете гениально.

Побледневшая Лида постукивала пальцами по ломберному столику – двадцать седьмое, двадцать восьмое двадцать девятого – красивая комбинация. Она даже догадывалась, кто автор.

– И двадцать восьмое... – Лидка внезапно хлопнула в ладоши. – Это же избиение младенцев! Двадцать восьмого Ирод истребил всех младенцев! – Она с восхищением посмотрела на гостя: – Ах, как же изящно!

Ирод тоже посмотрел на Лиду – да, не разочаровала, поняла и оценила. Он не ошибся в ней и в своем царски широком щедром жесте.

– Ну, милая моя, и мне иногда приятны аплодисменты от ценителей.

27 и 28 декабря двадцать девятого года по Одессе прошла массовая операция под эффектным названием «Золотуха». Тысячи ночных обысков и облав с конфискацией. Срывали даже обручальные кольца и вырывали серьги из ушей перепуганных женщин. Одесситы как всегда с перевыполнением плана рапортовали наркомату юстиции о принятых усиленных мерах «по борьбе с сокрытием доходов и недоимками».

Лида яростно негодовала и даже красиво потеряла сознание в коридоре, когда вынесли пасторальную картину из кабинета свекра в богатом золотом багете.

– Лидочка, ну не убивайся так, ты ж ее никогда не любила, – утешал потом жену Николенька.

– Да страшно представить, сколько лет это безвкусица лубочная мне глаза мозолила, – приоткрыв глаз, буркнула Лида. – Ушли уже, варвары? Ненавижу...

1930

В январе тридцатого на Молдаванке наступила тишина. Горькое пророчество Гедали начало исполняться. Сначала в Москве, а затем стремительно по всем городам, включая Одессу, начался запрет на... колокольный звон – сначала он стал «мешать» активным гражданам из соседних предприятий и домов, затем медь и бронза понадобились для становления промышленности. Вместе с колоколами стали падать кресты, ограды и двери храмов. Свято-Алексеевская церковь – в честь святого преподобного Алексия, человека Божия, на углу Степовой и Мельницкой – стояла в тишине. Но ни крест, ни колокол, ни ограду не тронули. Отряду активистов из трамвайного депо местные прозрачно намекнули: «Не вы ставили – не вам снимать». А в оперативной сводке ГПУ за февраль 1930-го цитировались отредактированные до цензурной лексики настроения населения города Одессы: «Первый перегрызу глотку тому, кто осмелится... снимать колокола...» – «Одно было утешение, и то отняли... так что и жить не хочется...» – «Теперь уже добираются до души рабочего, хотят ее запачкать...» Связываться с возбужденными православными Молдаванки в тот год не решились. Но в школах ввели обязательные уроки по антирелигиозному воспитанию. Ксения регулярно возвращалась домой и глубоко огорчала Фиру и соседок.

Полиночка шелестела, встречая во взрослые беседы:

– А у нас тоже лекции по научному атеизму. Так что нельзя крестик, мама.

– Что значит нельзя крестик?!

– Нельзя! Заставят снять. И засмеют вообще.

– В лифчик засунь! – мрачно отрезала Нюська. – А то татуировку на твоих костях набью! С крестом. Чтоб точно не сняли. Ишь ты! Что удумали!

Софья Полонская с готовностью отозвалась:

– Это еще что! Вон мне Аська Ижикевич жаловалась – ей муж «красный именовослов» притащил!

– Это что еще? – отозвалась Ривка.

– Это имена новые. Не будет теперь ни Гедаль, ни Ривок, ни Ксений с Аннами! Я думаю, Нюська, тебе бы пошло новое имя

Энергина или Электрина. Очень зажигательно, по-моему!

– А Гедалю? Гедалю как? – хохотнула Ривка.

– А Гедалю – Элеватор! Или вот еще, почти еврейское – Коминтерн!

Бабы заливались от смеха.

– А вот зря смеетесь, – вышла из-за развешенных простыней глубоко беременная Ася.

– У нас такие скандалы дома – мой-то, партийный, предлагает дитё Виленом назвать или Виленой, если девка. Мол, это Владимир Ильич Ленин! Да у нас на Слободке дом каменный в два этажа был! Кони, лавка! А теперь вот эта конура! Я за эту голытьбу вышла, чтоб достаток уравновесить и чтоб батю в покое оставили. Я вчера своему сказала: или там Сережа, или пусть тебе твой Ленин дает!

Ее партийному супругу все-таки удалось выкрутиться и найти компромисс между карьерой и регулярной половой жизнью.

На предприятиях проходили «октябрины», где партийные и общественные деятели лично «октябрили» младенцев. Новорожденного нарекли Сергеем в честь Сергея Кирова и Серго Орджоникидзе, торжественно приняли кандидатом в профсоюз и комсомол, а после прикрепили на пеленку красный бант с надписью «Учись, крепись, борись и объединяйся!»

– Это ничего, – философски прореагировала Ася на бант, – красное от сглаза отлично помогает.

«Алягер ком алягер»

Женька приехала во Фрунзовку только через три недели – Петька подключил тяжелую артиллерию в виде Фиры. Поэтому в аккурат на Васыля и Маланки, Обрезание Господне или старый Новый год все семейство Косько прибыло к новому месту жительства. Узнав о том, что инструктор привез жену и дочь, потянулись «знакомиться и посмотреть» любопытствующие со всего села.

– Давай я стану на стульчик и устроим вход за рубль, – предложила Женька. – Они за мной и по нужде за хату следом таскаются.

Петька, тоже подуставший от бесконечного потока посетителей, быстро сообразил, что делать, – каждому, кто пришел как бы в библиотеку и с порога начинал притворно сокрушаться и сочувствовать стесненности жилищных условий и многозначительно поглядывать на ведерный самовар у печки, сразу предлагалось посылно помочь молодой семье «городских» с ремонтом – побелить, сложить печь, настелить полы, замазать щели и т. д. Тут все как один вспоминали, что засиделись, и у них дома работы непчатый край, животина не кормлена, так что в три дня поток любопытных превратился в жидкий ручеек, а потом и совсем иссяк.

А вот его курсанты действительно очень помогли с ремонтом, быстро привели в порядок комнату, поправили печь, и к радости Жени, выгородили рядом с ней кухонный закуток. Постепенно быт начал налаживаться, Женя вошла во вкус и как истинная одесситка сразу попыталась узнать, где что можно купить, выменять из продуктов. Разочарование было велико – селяне крайне неохотно соглашались что-либо продавать, а то, что продавали, не стоило и половины тех денег, что они просили. Когда Женька отказывалась или просила уступить, то продавцы с явным облегчением тут же отказывались от сделки. Ситуацию с продуктами несколько поправил Петька, когда вечером, после занятий с желающими по устройству паровоза, спросил у одного из своих подопечных, почему вдруг такие проблемы у его супруги с приобретением продуктов. Дескать, он же знает цены, не раз сам покупал и не было проблем, а тут такая незадача.

– Эх, Петр Иванович... Одно дело – ты, а другое дело – жена...

– Да в чем проблема, поясни, не говори загадками...

– Ну она же баба..

– И что?

– Ну как тебе еще объяснить? Ты – мужик, видный, городской, грамотный, рукастый, при хорошей должности, паек у тебя литерный, слова грубого никогда не скажешь, не пьешь... И пришел что-то купить, правильно?

– Ну???

– Ну, ну... Торгуется-то с тобой баба... Ей же приятно внимание городского начальника – вот и выкатывают на торг все самое приличное, да цену назначают божескую, а потом вот скажи – тебя хоть раз после покупки отпустили без чая и беседы с расспросами?

– Да нет... конечно нет – до обид порой доходило, если отказывался... Только тем и спасался, что говорил про неотложные занятия по стрелковой подготовке.

– Ну вот и ответ – баба ничего не продаст другой бабе, если у нее в мужьях такой мужик. Или цену заломит до небес. Компенсация, так сказать.

Дома, ненатурально посмеиваясь, Петька рассказал Жене о причинах ее неудач в закупке и предложил, что впредь этим будет заниматься он. Но Женька процедила:

– Обойдемся как-нибудь... – И, спохватившись, неожиданно ласково и с улыбкой продолжила: – Я лучше на работу устроюсь, хватит у тебя на шее сидеть..

– Женька... ну на какую работу? В селе? Что ты тут будешь делать?

– Петенька, ну не один ты тут городской и образованный, председатель сельсовета мне уже три раза предлагал, вернее – уже упрашивает пойти к ним счетоводом... А там и паек. Конечно, не такой, как у тебя, но это паек и прикрепление к ОРСу, и топливо полагается печное... Надеюсь ты не забыл, что я с отличием окончила высшие бухгалтерские курсы? Вот тебе и помощь семье, и не надо будет поклоны бить местным.

– Я против! Кто за Нилочкой будет смотреть? Няnek тут нет, детского сада – нет и не предвидится.

– Не волнуйся ты так, я присмотрю, на работу с собой буду брать, в крайнем случае, твоих пламенных комсомолок попросим часок-

другой с ребенком поиграть, а то они изнывают зимой от безделья, не все ж им глаза об вышиванки портить.

– Эк тебя разобрало-то... – с досадой сказал Петька. – Ну никак ты не уймешься с этой рубахой... Ну что мне ее, в печке спалить, чтоб тебя попустило?

– Зачем палить? Вещь хорошая, красивая, просто картина... гобелен!!! Да и размер твой, прям как влитая сидит, сам говорил. Вот раскормлю тебя, чтоб не помещался в нее, – и успокоюсь.

Поступлением на должность счетовода при сельсовете хитрая Женька решила сразу несколько задач – первым делом, решение продовольственных проблем семьи, а дальше... Вот тут в кучу смешалась и свирепая ненависть ко всем бабам, что заглядывались на ее мужика, и желание внести хоть что-то в однообразие зимнего существования вдалеке от мамы, подруг, соседей, калейдоскопа городских новостей и событий, ну и хоть какая-то отговорка для мужа за однообразную и невкусную стряпню.

Как оказалось, оторванная от дома и семьи Женька практически ничего не умела готовить... Нет, конечно, и пожарить картошку, сварить яйцо или кашу для Нилочки – это пожалуйста, но вот что-то сложнее – борщ, гефилте-фиш, испечь пироги... да те же элементарные блины-оладушки – вот это нет... Дома все это делала легко, быстро и просто мама. Более того – Фира неоднократно пыталась научить Женьку, но та все делала нарочито неловко, и через короткое время с позором изгонялась из кухни, что ей, собственно, и надо было. Единственное, что она умела с детства, – это идеально крошить все в один миллиметровый размер или шинковать до полупрозрачности. С ножом, как и с любым другим оружием, Женя со своим врожденным глазомером и твердой рукой управлялась легко. Но в списке ее добродетелей и жизненных приоритетов, как и у Лиды с Аней, готовка не значилась.

Если стряпать она не умела, то голова варила отлично. Женька понимала, что самоустранившись от готовки – она проиграет. Любая селянка даст ей сто очков форы со своими борщами-супами-пампушками-пирогоми, не говоря уже о колбасах и буженинах. Ну и не кормить нельзя – она уезжала зацелованная и благословленная в трех религиозных и одном коммунистическом варианте всеми бабами двора. И среди всех сердечных и шуточных напутствий отлично

помнила, что Ривка шепнула ей в подарок на прощание: – Девочка, отпуская своего мужика только с полным желудком и пустыми бейцами^[5]. – И если со второй частью она даже в спартанских условиях со спящей рядом Нилочкой справлялась легко, то полный желудок явно был проблемой.

Ее аналитический ум четко поставил задачу – нужна пауза в танцах у плиты для наработки поварских навыков и сбора информации. С последним было проще всего – практически ежедневные огромные письма к маме с вопросами глобальными и не очень про кухню и всякие кулинарные секреты и приемы. Фира радовалась – ее любимая выстрадавшая девочка становилась настоящей женой и матерью. И она предельно четко и развернуто отвечала на вопросы молодой хозяйки. Услышав однажды от Фиры о внезапном кулинарном рвении Жени и возможных сельских конкурентках, к делу тут же подключились все подружки.

Доливая всем чай, Ривка смеялась:

– Ой, если мы тебя, лею, научили так готовить, то Женька у тебя за месяц там ресторацию откроет!

– Но-но, – толкнула Ривку Фира. – Я твою рыбу несъедобную до совершенства довела!

– Вот она, Нюсечка, черная неблагодарность! Ты еще скажи, что борщ умела варить!

– Ну ладно, не умела, не умела. Какое меню напишем?

– А что у нее из харчей есть? – оживилась Нюся.

В квартиру Фиры, толкнув дверь без стука, ввалилась Софа Полонская.

– Мне можно! Я старая! – вместо приветствия с порога заявила она. – Знаешь, сколько я на твой второй этаж по этой лестнице замерзшей дряпалась?!

– А мы вас... – подняла бровь Нюся.

– Не ждали? Не звали? – подсказала ей Полонская. – А я приперлась! Женька наша, молдавская! Чтоб ее деревенские в готовке обошли?! Не будет этого!

– Ты что, опять подслушивала?!

– Больно надо! Вы орете как оголтелые! И вообще! Как там, алягер ком алягер!

– Чего? – удивилась Ривка.

– Французский! На войне как на войне. Ой, кому я объясняю! Лосихи дремучие, вы ж против меня в кулинарии – дуры малолетние. Да я мужиками крутила, когда вы под стол пешком ходили! Все просто: две вещи всего – мясо горячее и выпечка сладкая. В доме должно пахнуть пирогами.

– Главное, чтоб не ногами, – картинно отодвинулась от Софы Ривка.

– Ой, поговори мне, биндюжница! – Полонская достала из-под кофты бутылку самогона и сунула Нюсе: – На, наливай, у тебя рука легкая, а ты, Ирка, записывай. Надо ей обязательно специй добыть. Тогда никто Женьку не переплюнет.

Если настоящая женская дружба это, скорее, исключение, чем правило, то женская солидарность вечна и несокрушима. К Женькиной гастрономической битве за супруга подключилась даже Лида. Через три дня после намека Фиры во Фрунзовку уехал заколоченный намертво посылочный ящик.

Когда Женька его вскрыла, увидела, что сверху лежит записка. Крупным каллиграфическим почерком было написано: «Сука! Если ты не Евгения Косько, то на всем зелье лежит заклятье, прикоснешься – и сдохнешь в три дня. Женя, на травы, как обычно, заговор со страницы 74 “Молота ведьм”». По углам были надписи страшной готической латиницей «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», «Ешь ананасы, рябчиков жуй» и «Женька – дура – хвост надула».

– А-а, – зашлась хохотом Женька, – узнаю старшую сестричку! Все предусмотрела!

Холщовые мешочки были пронумерованы. На дне ящика лежала еще одна записка – что под каким номером, и короткое письмо от Лиды.

Старшенькая сетовала, что такая красивая и способная сестра нашла себе такую сомнительную партию, но Беззубы свое добро никому не отдадут. Даже ненужное. И если потребуется что-то посильнее корицы с ванилью, кружевные чулки, там, духи или, в крайнем случае, гильотина для обрезания – пусть даст знать.

Женская солидарность несокрушима, и ее проявления могут быть совершенно разными. Иногда решение «против кого дружить» может принять даже промышленные масштабы.

Джутовая революция

Фира пришла домой чернее тучи.

– Опять начинается, прости господи, – проворчала она, машинально подбирая разбросанные Ксеньей тетради и книжки со стола.

– Что начинается? – выглянула с кухни Ксения.

– Ничего! Не пойдешь в школу сегодня.

– Как это не пойдешь?! У меня математика! Тема новая! Как это не пойдешь?

– Жизнь важнее. Дома в учебник поглядишь, – отрезала Фира.

– Ира, да что случилось? – заглянула к ней Нюська. – Ты чего пугаешь?

– И ты дома сиди. И Польке скажи, пусть по двору гуляет и за ворота не ходит.

– Да что стряслось?

– На «Джутарке» заварушка. Дифпай вводят. Там такое началось, и боюсь, как бы к вечеру восстание очередное не случилось!

– Да ладно тебе, паникерша! – хмыкнула Ксения и обняла маму. – Ты преувеличиваешь. У тебя уже месяца три они на собраниях вопят. Ты посмотри, как все, от Макара до Петьки, рапортуют. Вон строится все.

– Скорее, всех строят. Жрать опять нечего. Бабы взбунтуются – всю Балку переполошат, все заводы. Перегнули Петькины партийные товарищи... Беда будет. А там под раздачу случайные прохожие первыми попадают. Уж поверь мне. И вспоминать не хочу этот ужас.

– А что за дифпай? – оживилась Нюся.

– Дифференцированные пайки. Еще меньше, чем было, и еще и градацию вводят в зависимости от смены, квалификации и еще какой-то ерунды, вплоть до происхождения и гражданской активности. Ой бабы взвились! Не унять... Сегодня опять общее собрание экстренное.

– Может, не пойдешь?

– Что не пойдешь? А с детьми этих заполошных кто сидеть будет? Дети-то в чем виноваты? Да и поверь – меня не тронут. Ни те, ни другие.

Фира ошиблась на пару месяцев. В тот день фабрика кипела и бурлила, но из этого котла недовольство дальше лица завпроизводством не выплеснулось.

А началось все с массового увольнения. Местные работницы – ткачихи, гладильщицы, возчики – знали себе цену и отличались особой активностью. Поэтому, когда завотделением огласил очередной пересмотр норм и расценок в сторону снижения зарплат на 15 %, бабы подняли крик: – Что, совсем с ума сошли? Крестьян ограбили, теперь за нас взялись? Мы так скоро подохнем с голоду А вам лишь бы жопу на мягком стуле греть!

– Это кто там выступает?

– Слышь, ты, коммунист, недолго тебе царствовать, мы вас привели – мы вас и прогоним!

– Долой коммунистов! – гаркнул кто-то сзади.

Начальник побагровел:

– Не желаете работать – валите! На ваше место другие найдутся.

– Да не вопрос, начальник! Сам вкалывай!

И все бабы уволились массово и одновременно.

Уход возчиков сразу вызвал большую загрузку ткацкого и других отделений. Ну а местный котляра – табельщик-антисоветчик, кстати, бывший владелец ватной фабрики, начал агитацию: – А давайте все уйдем? Враз и пайки найдутся, и деньги, и уважение.

«Джутарка» бурлила, выплевывая лозунги один опаснее другого: «Жрать не даете, а работу требуете!», «Все вы, коммуняки, виноваты!» Последней каплей стала замена мяса в пайке на 600 грамм муки.

Этот голодный бунт не освещала ни одна одесская газета. Оно осталось только в устном народном творчестве да в пухлых отчетах ГПУ.

Собрание на триста пятьдесят человек было сорвано – докладчика прервали криками: «Деньги давай! Кооперацию верните! Сами свою солонину с крысами жрите! Масло где?!»

23 июля 1930 года в 18:00 забастовал ткацкий цех джутовой фабрики. Ткачихи подняли на забастовку работниц других цехов и организовали стихийный митинг. Больше полутысячи разъяренных женщин решили: первое – во всем виноваты коммунисты, второе – кто виноват, пусть немедленно решит продовольственную проблему.

Заседали и заводились до утра. Фира слышала крики, ругань, но из детского сада не выходила. И воспитателей не выпускала.

– А ну сидеть, рэволюционерки! Вас звали? Вам за детьми смотреть велено. Вот и смотрите. Нечего шастать по ночи!

В семь часов утра ткачихи ворвались в цеха и начали крушить ткацкие станки, резать основы, пытаясь остановить фабрику. Молодые ткачихи при этом с удовольствием избили ударниц – «партиек и комсомолок», прикормленных властью, которые пытались помешать уничтожению фабричного оборудования. Окрыленные успехами, решили пойти демонстрацией в город и поднять братьев и сестер с других предприятий.

– До горсовета дойдем, – а там все очереди хлебные к нам присоединятся!

Требования к местной власти сформулировали очень доступно: не вывозить продукты за кордон, вернуть сосланных в Сибирь кулаков, отменить большие вычеты из зарплат и... запретить администрации грубое отношение к работницам.

Около тысячи женщин вышли на Мельницкую, но они не дошли даже до Балковской... Чекисты и милиция оцепили периметр.

Чрезвычайное положение. От всех стукачей из порта, с судоремонтного завода, «Январки», завода Хворостина шли тревожные вести – везде агитация, везде призывы поддержать «сестер-джутовок», на стенах призывы к забастовке...

Ксения металась по галерее:

– Мама пропала! Вторые сутки нет! На джутовой бунт, а она там! Туда вся милиция города поехала. Что делать! Нюся, Нюсечка, я пошла маму искать, если разминемся, скажешь, что я к вечеру буду?

Нюся помрачнела:

– Дома сиди! Мы сами с Ривкой сходим.

Их завернули через два квартала:

– Куда пошли? Домой валите и не рыпайтесь.

– Мы не бастовать! Мы за советскую власть, – волновалась Нюся. – У нас там подруга на «Джутарке». Мы переживаем.

– Если подруга умная – переживать нечего. Домой пошли! Быстро!

Дома уже был Котька. Он успокаивал Ксюшу:

– Не ходи никуда! Мама в яслях. Там дети. Детей не тронут. Она с ними. Не бойся. Я чувствую, с ней все хорошо.

К вечеру разбушевавшихся баб загнали обратно на территорию фабрики.

А Ривка, рыдая, вызвала Нюсю к конюшне:

– Ой, горе... Горе... Гедаля вернулся с порта. Мужики говорят, ГПУ «Джутарку» расстреливает! Уже двадцать машин с убитыми вывезли...

– Ирка... Да как же ж... Ирочка... Что ж делать? – всхлипнула Нюся.

– Что делать? Снимать штаны и бегать! – раздалось за спиной.

– А шоб ты была здорова! – развернулась Нюся. У нее за спиной стояла живая, здоровая и сильно заморенная Фира.

– Что вы сплетни слушаете! Никого не убили. Ну пока по крайней мере. Загнали этих дур обратно, покрутили самых борзых, остальных шуганули в цех – прибирать, что наломали. Торгуются теперь. Всё. Я – спать. Сил никаких не осталось.

Руководство фабрики пообещало рассмотреть все требования работниц на специальной «общефабричной конференции». Делегатами пошли все зачинщицы бунта (еще не зная о своем увольнении), разговор о рабочем снабжении в присутствии старших товарищей из ГПУ прошел на удивление мирно и конструктивно. Антисоветчицы отметили «нечуткость партийного и профсоюзного актива к первым вспышкам забастовки». Со своей стороны бунтарки публично покались: «Просьба не называть нас забастовщиками и волынщиками. Мы в этом не виноваты. Нас к этому побудило нечуткое отношение, плохое руководство и голод. Аппарат ЦРК (центральной ревизионной комиссии Одессы) засорен чуждым элементом, срывающим снабжение рабочих».

После показательных увольнений и арестов остальные вернулись к работе. И если с бабами джутовой обошлись неожиданно мягко, то с другими недовольными все было быстрее, прозаичнее и жестче – начиная с крестьян ближайшего села Дальник, которые на подводах выехали в Одессу на помощь «джутовкам», но были «изъяты» чекистами еще на границе города. На заводах начали массово исчезать зачинщики и активисты.

Фира как ни в чем не бывало вернулась на следующую смену в ясельную группу. На все вопросы вежливого молодого НКВДиста отвечала скупой и односложно:

– А мне дело до их разборок? Я к детям и горшкам приставлена. Вопросы по детям ко мне есть? По влажной уборке? По ведрам? Ну и все. Ежели чего про понос рассказать или как простыни отстирать – то я доложу по всей форме. Могу письменно.

Развлечения на пленэре

Ну, кухня кухней, а в остальном Женька не собиралась уступать.

С домашними заботами она более-менее справлялась, да и зима в селе – это долгие темные бесконечные вечера, которые начинались с обеда, – и готовить научишься, и крючком вязать, и вышивку припомнишь от тоски.

Однажды Женька крошила картошку, задумалась и сильно рубанула ножом по пальцу.

– Ай! – подпрыгнула она и, разревевшись, сунула раненый палец в рот. Практически в ту же секунду в слезах она рефлекторно со всей дури метнула кухонный нож в дальнюю стенку.

– У-у-у, надоело! Надое-ло-о-о все! Гори эта Фрунзовка синим пламенем! У-у, мама-а-а, домой хочу, – тихо подвывала она, упершись в стол и нянча пострадавшую руку.

Выдохнув, она оглянулась поднять нож. Его нигде не было.

– Да что за напасть?! – злилась Женька, обшаривая пол и мешковины. Она встала, отряхнула платье и чуть не стукнулась лбом о рукоятку – нож аккуратно вошел в корешок «Отцов и детей» Тургенева. Жизнь в экспроприированной барской библиотеке дает некоторые преимущества, и Женька нашла развлечение по душе – дождавшись, когда все уйдут, а Нилочка будет уложена на дневной сон, она стала метать кухонный нож. С ее врожденной меткостью и рукой, еще больше окрепшей от тяжелого домашнего труда и бесконечных стирок, за месяц она наловчилась управляться с ним не хуже цирковых артистов.

– «Война и мир», второй том! – с удовольствием шептала она и кидала нож в сторону плотных рядов потемневших корешков. – Настя Добренко, – хищно ухмылялась чуть позже, называя имя одной из фанаток Пети и загоня пущенный нож по самую рукоятку в томик Байрона. – Хотя какой там Байрон! Мозгов и на азбуку не наберется! – Женька сбрасывала все недовольства и оттачивала мастерство. Повреждения были почти незаметны, да и книга – не доска, и нож входил практически беззвучно. Женька решила на всякий случай пока не демонстрировать мужу новые навыки, но стала заметно спокойнее и увереннее. Было, правда, пару моментов, всколыхнувших

и скрасивших ее бесконечные будни. Первый был связан с работой Петьки – курсанты обоих полов частенько приходили к нему для каких-то консультаций, просили что-то пояснить, а иной раз и просто так. И если парней Женька хоть и не привечала, но относилась к ним с терпением, то двух особо ретивых молодых, почти каждый день их навешавших, на дух не переносила. Гости проявляли неподдельный интерес не столько к учебе и книгам, сколько к ее мужу. То одна, то другая, спрашивая, невзначай касались его пышной молодой грудью размером больше Женькиных бедер. Склонялись рядом, невзначай терлись, вообще игнорируя присутствие жены.

– Ах вы коровы непуганые, – намывая посуду и поглядывая на идиллию за столом, не выдержав, прошипела она. – Ну ладно. Нож я в вас не метну, хотя очень хочется, да и задницы – не промахнешься, но... повеселимся.

Женя сначала честно пару раз намекнула Петьке, что работать во внеурочное время неправильно, надо отдыхать, что надо и ей, и малышке больше времени уделять, но он все сводил к шутке, просил не ревновать и всегда повторял, что, мол, работа такая, люди просят помощи, они же нам помогали с ремонтом, ну и т. д. Но Женя нашла простой и совершенно иезуитский способ выжить из дому непрошенных гостей: она стала требовать, чтобы визитеры снимали обувь, когда заходят к ним в комнату, на вопрос Петьки: почему? – ответила: – А у себя в хате они тоже в сапожищах грязных и в опорках по всему дому разгуливают? Ты вот, когда к ним приходишь, разуваяешься?

– ...ну конечно, там же прибрано, дети малые...

– А у нас, значит, грязно???.. – вошла в штопор Женька. – Я, значит, не убираю, дом в порядке не содержу и детей у нас нет?! Нилочка, иди сюда, покажись папке, он на своей любимой работе забыл, что ты есть!..

– Ничего она не любимая... я на железку назад хочу... – тихо и по-детски горько ответил Петька.

Женя моментально успокоилась, стала уговаривать его потерпеть до осени: – Ну что ты, родной, осталось всего ничего.

Больше Петька таких вопросов не задавал.

А Женька торжествовала победу и терпеливо ждала результата своей комбинации. И он не заставил себя долго ждать. Надо сказать,

что пол в комнате у них был дико холодный, не помогала даже круглосуточная топка печки-«голландки», не спасали положения и жиденькие половички, сделанные из старой мешковины, – а больше колхоз ничего не смог выделить. Так вот, все дело было в том, что парни ходили в сапогах и, естественно, носили портянки, а значит, сняв сапоги, в комнату заходили босиком. Выдержать больше десяти минут на ледяном полу не смог никто. Девушкам было чуть проще, они в валенках щеголяли, и шерстяные носки как-то спасали положение, но ненадолго, да и Женька постоянно, проявляя исключительно материнскую заботу, напоминала им, что пол холодный, что застудятся, что им рожать и т. д. Победа было полной и безоговорочной. Тем более, что соблюдать гигиену зимой и часто намывать взопревшие в валенках ноги не получалось. Петька был достаточно брезгливым и рефлекторно отодвигался от источника запаха. Дополнительные занятия снова переместились в класс – там не надо было разуваться и шлепать босыми ногами по ледяному полу, – а потом и вообще стихли, потому что в присутствии кучи парней барышням стало затруднительно охмурять преподавателя, и они, после пары насмешливых комментариев своих однокурсников, сразу потеряли всю любознательность и жажду знаний и оставили Петьку в покое. Остались только два парня, которые не хотели ничего, кроме как слушать его, задавая миллион вопросов одновременно и на разные темы. Косько, с собой наедине, с улыбкой вспоминал себя малого, как он донимал Ивана Беззуба такими ежедневными вопросами, задавая их такой же скороговоркой, и, не получив ответа, тут же задавал новые. Не мог он им отказать, но, как человек системный, навел порядок и тут (очень помогла ему школа Беззуба): вопросы задавать через день, потому что в один день – один вопрос. Но подробно, с формулами, если надо и с иллюстрациями, и на следующий день уже он проверял, как усвоили, спрашивал с парней тот же материал. Подробно и обстоятельно.

Эта маленькая победа придала вкус зимней жизни Женьки, а тут еще она и на работу пошла, скучать стало некогда, более того, пришлось даже обратиться за помощью к тем же сельским девчатам, чтобы не оставлять Нилочку без присмотра, пока Женька разбирает бумаги и наводит порядок в бухучете колхоза, чего, если разобраться, по большому счету, никогда никто не делал. За наведением порядка

с бумагами, составлением отчета незаметно пришла весна, но работы меньше не становилось, потому что бесконечные циркуляры из города и требование все новых и новых форм отчетности заставляли ее работать вечерами и даже брать работу на дом. Такой ритм внес существенные коррективы в порядок жизни их семьи. Теперь уже Петька каждый день сетовал, что он приходит с работы, а жены дома нет, ужин холодный и в доме не прибрано.

Потом жалобы внезапно прекратились. Причина выяснилась быстро: пару раз задержавшись на работе, Женька приходила домой и заставляла там веселье, самовар на столе и дружно хохочущую, покрасневшую и развеселую пару – своего благоверного и одну из нянек, Ниночку. На столе – остатки пирожка, который эта дрянь для него приперла.

Для Женьки это было что красная тряпка для быка. Но настоящая одесситка, клятый суржик, выросший в молдаванском дворе, найдет выход из любой ситуации. Тем более в борьбе за свое движимое и недвижимое имущество. И ни мораль, ни этика, ни тем более человеколюбие ее не остановят.

Пришлось вынуть из Лидочкиной посылки заветный маленький мешочек с тремя крестами и пустить его в дело. Удобный случай представился через считанные дни. Подгадав время, когда Петька придет домой и самовар вот-вот закипит, Женька ввалилась в комнату радостная и с баранками:

– Вот, отоварилась в ОРСе, садитесь, будем настоящий чай пить, с баранками!!!

И стала хлопотать, заваривать чай. Подала на стол парадно – каждому в стакане с подстаканником, никаких чашечек и блюдецек, и все время ухаживала за гостьей.

В неподписанном мешочке с крестами был белесый порошок. Надо сказать, что Лида всю жизнь ела меньше котенка, перебирала харчами и мучилась от запоров. Лет с четырнадцати она раз в неделю регулярно принимала на ночь слабительное. В записке к посылке со специями она написала, что Женя от смены питания на еще более скудное и непривычное запросто может заработать проблемы с желудком, а потому рекомендовала не затягивать с плановой очисткой кишечника.

Что-такое пурген, Женька знала, но вот сколько его класть в чай, чтобы юная воздыхательница обосрачилась на все село, она не понимала, и на всякий случай бухнула четыре чайных ложки.

Раскрасневшаяся Ниночка с удовольствием выпила стакан барского сладкого чаю. И через пять минут подскочила:

– Ой, мне пора!

– Да ну что ты, Ниночка, посиди еще. Только чаевничать начали, – улыбнулась Женька. – Ты присядь, присядь. Прямо невежливо как-то!

– Нет! Не могу! Я там забыла! – Нянька ойкнула и рванула за дверь – по звуку и запаху стало понятно, что с барышней на выходе случился большой конфуз.

Ниночка проболела три дня, спала с лица и с крутых боков, растеряв всю девичью упругую прелесть.

– Как здоровье? Чего не заходишь? – радостно крикнула ей проходящая вдоль ее забора Женька. – Ну иди сюда, дай я на тебя посмотрю. Бледненькая такая. Как же тебя так угораздило-то?

Нина угрюмо подошла к забору:

– Это вы сделали со мной.

– Да ты что?! Как?! Чем?! Чаем? Сахаринром? Вот не ожидала от тебя! – громко обиделась Женя и, наклонившись, тихо добавила: – Еще раз к моему мужу сунешься – вообще все кишки через рот вылезут.

На Ниночкины клятвы, что жена учителя – настоящая ведьма, молодые безбожники не отреагировали. Только обсмеяли, мол, опозорилась промеж людьми – нечего на городскую спихивать.

Оружейный пикник

Женская часть села не была так прогрессивна, как курсанты Осоавиахима и юные комсомолки – глаз на бесхозного поначалу Петьку положили и дамы постарше. Поэтому опозоренная Ниночка нашла и сочувствующие уши, и языки без костей: и глаза у жены инструктора чернее ночи, такая посмотрит – молоко скиснет, и стряпня у нее не такая, как у всех, – кто из мужиков пробовал, забыть не может, мол, все то же, что и дома, но вкусно – язык проглотишь.

Слухи, сплетни и скандалы что по селу, что по местечку всегда разлетаются со скоростью света, сначала как круги по воде – от центра события к краям, а потом, уже измененные, дополненные, раскрашенные и обросшие подробностями до неузнаваемости, возвращаются к эпицентру. Так и происшествие с Ниночкой подробно и всесторонне было на слуху не менее двух недель – высказывались разные опасения, обсуждались разные версии. Некоторые из них докатились и до Петьки. Он, сдерживая улыбку, проявил твердость и рявкнул на лекции так, что доносчики мигом унеслись в угол класса:

– Товарищи, если у кого-либо возникло желание посвятить меня в антисоветские религиозные слухи или бабские сплетни, тем более касаемо моей семьи, – не советую. Вообще не советую полоскать по селу имя моей жены. Я на вас даже управы искать не буду. Сначала колени прострелю, потом напишу куда следует – про вредительство и антисоветчину. Всем понятно? И другим передайте.

Петька, конечно, все понял про Ниночку и ее хворь. Женька со своим паскудным характером с годами стала еще более ядовитой. Он вспомнил, как она в четырнадцать отстрелила его показной подружке мороженое прямо у рта, и подумал, что Ниночка еще легко отделалась. Что греха таить – он сам некоторое время с опаской ждал, что следом за девицей и ему прилетит какой-нибудь воспитательный сюрприз от любимой.

Но как и тогда, подростком, он был невероятно счастлив и горд такой дикой ревности. Значит, любит. Вон и в село следом поехала, и выготавливает, хоть стряпать терпеть не может.

Петьке льстило, что его Женька не просто бесится от скуки или ревнует, а борется за него. А для молдаванской чертовки – это

настоящий душевный подвиг.

Чувство благодарности сподвигло его на ответный широкий бытовой жест. В один из выходных, с двумя своими верными подопечными, он устроил осмотр всех строений бывшей панской усадьбы, которую судьба в лице военкома послала ему для смирения, подальше от того чахоточного лектора. Каждое здание, флигелек, сарай, мастерские и конюшню исследовали очень тщательно – от подвала до чердака – в поисках чего-либо подходящего в семейном хозяйстве. Поиски дали много всякого нужного и ненужного барахла и мелочей, но самым ценным трофеем оказалась пара велосипедных колес разного диаметра. Петька, сам не зная зачем, инстинктивно забрал их из чулана под крышей и перетащил в свою комнату. Через неделю один из его верных оруженосцев сказал, что у его соседа на заднем дворе ржавеет велосипедная рама, и он готов ее уступить, и тут же совсем по-детски пожаловался:

– Цену называть не хочет, сказал, что торговаться будет только с городским... Жмот!

– Ого, как все здорово складывается, – обрадовался Петька. – Обязательно завтра наведаемся к твоему соседу, поторгнемся, отчего ж не поторговаться.

Но особого торга не понадобилось – рама оказалась ржавой и поломанной железякой. Кроме того, отсутствовал руль, педали с шатунами и звездочкой. Потому раму просто выменяли на водяной кран, оставшийся у Петьки от парового двигателя. Остальное пришлось покупать или менять на харчи в Одессе на базаре. Зато, как только сошел снег, Петька торжественно вкатил сверкающий новой краской велосипед в комнату и вручил опешившей Женьке со словами:

– Тебе. Люблю.

Женька совсем по-девчоночьи запищала от восторга, запрыгала на месте и захлопала в ладоши, а потом расплакалась, бросилась на шею, покрыла его лицо поцелуями, повторяя: – Спасибо, спасибо, муж мой хороший, люблю тебя!

Конечно, велосипед и в мечтах рядом не стоял с тем козырным мотоциклом, который прикатил Женьке Борька на шестнадцатилетие, а она променяла на судьбоносную железнодорожную гайку. Но здесь и сейчас, в настоящем, посреди голода, разрухи, холода – это был невероятно богатый подарок.

Ее совсем не смущали колеса разного диаметра, а мужскую раму с лихвой компенсировало детское сиденье со спинкой, подлокотниками и упорами для ног – предмет неподдельной гордости Петьки и его оруженосцев.

– Вот смотри, сюда посадишь Нилочку, сюда она поставит ножки, а вот этим ремешком ты пристегнешь ее, чтоб не вывалилась случайно под колеса. А если заснет по дороге – не беда, подлокотники широкие, спинка высокая и мягкая, можешь не беспокоиться, выспишься в лучшем виде, как барыня...

– А сзади, за сиденьем, что за железная коробка? Ты свою шарманку, что ли, сюда приладил?

– А это уже моя придумка! Ну, не совсем шарманка – крышка-то плоская... Это ящик для всякой всячины... Пока не знаю какой, но ты разберешься. А еще на нем можно сидеть... Не очень мягко, конечно, железо все-таки, но в случае чего вполне подходящее место...

Женька снова повисла у Петьки на шее с поцелуями.

Весной стало повеселее, или просто человек привыкает и приспосабливается к любым условиям? Жизнь семьи Косько упорядочилась, Женька наконец наладила бухгалтерию колхоза, перестала задерживаться на работе, быт уже не донимал ее так, как раньше, стряпня, благодаря заочным курсам у молдаванских кулинаров, перестала быть проблемой, а в случае мелких неудач или недочетов на помощь моментально приходили мегазапасы специй из посылки. По селу даже стали ходить легенды о чудесных городских пирогах размером не больше мизинца, что готовит жена инструктора. Источником этих кулинарных мифов являлись вечно голодные бывшие батраки, подопечные Петьки, которые нет-нет да и попадали под разными предлогами к ним за обеденный стол.

И теперь пусть не каждый вечер, но несколько раз на неделе Женя садилась на велосипед, брала с собой Нилочку и каталась по селу и по округе до темноты. А когда совсем потеплело, прогулки стали более продолжительными и уже вполне целевыми – Женька упорно искала подходящее место для пикника с мужем. Но пикника не простого, потому и требований к месту было несколько: во-первых, достаточно далеко от села, потому что и за ней, и за Петькой вечно таскались какие-то любопытствующие, во-вторых, достаточно уединенное, чтобы можно было вместе пострелять, как тогда, на пляже в Аркадии,

а потом и насладиться близостью друг друга и наконец-то в голос, а не затыкая сладкие стоны подушкой. Задача в практически безлесой полосе была ой какая непростая.

Но Женя не сдавалась – вместо перелеска или рощицы было принято решение искать подходящий овраг, в идеале – с родничком ну или с болотцем на крайний случай. Нашла очень подходящий, вдали от дороги, к нему вела еле заметная тропинка. Ей даже показалось, что она слышит журчание воды. Тут же слезла с велосипеда и, взяв Нилочку на руки, стала осторожно спускаться вниз. Слух не обманул — родничок был, он весело и беззаботно журчал и, нырнув под заросли дикой малины, уходил куда-то вниз по дну оврага. Возможно, там и находилось вождеденное озерцо. С ребенком на руках лезть в такие кущи Женя не осмелилась и решила в ближайшие дни, оставив девочку на попечение отца, вернуться сюда, вооружившись подходящим инструментом, чтобы продраться сквозь разросшийся малинник.

Так она и сделала. Одедась соответствующе – в рабочую куртку мужа, прихватила с собой спички, пару кусков хлеба, одолженные у кузнеца здоровенный нож-секач и рабочие рукавицы, а мужские шаровары, по моде тех лет, она носила с самой зимы – удобно, тепло да и фигура позволяет: уж очень привлекательна она была в подобном наряде, так что любая сельская баба при встрече сатанела, поджимала губы и пледала ей вслед, а мужики останавливались, поворачивались и долго смотрели... Ну, если были одни, а если нет, то все равно останавливались, но ненадолго, потому что тут же вмешивалась возмущенная благоверная с криками и проклятьями.

Собравшись как на войну, готовая наконец отыскать вождеденную поляну для романтического пикника, Женька снова отправилась на разведку. Результаты превзошли все ожидания – за малинником, прорубаясь через который пришлось изрядно потрудиться, была изумительная продолговатая полянка с ручейком, обходившим ее по краю.

– Идеально, – произнесла Женька вслух и сладострастно потянулась: – Ну, Петечка, приготовься, пощады не жди, живым не уйдешь!!! Так, теперь посмотрим, где тут пострелять можно, – она пошла вниз по течению. За поворотом ручеек неожиданно исчез под кустами. Женька раздвинула их и снова в голос удивилась: – Ого!

Подмытый ручейком склон оврага рухнул и обнажил квадратный лаз. Деревянная дверца, без петель, но с двумя железными ручками, валялась в воде вместе с нижним брусом.

Подойдя поближе и осмотрев вход, она пробормотала себе под нос: – Да, папочка, ты был прав, когда говорил, что вода – это страшная сила. Как там – камень точит?

Судя по всему, склон обвалился совсем недавно – сползшая земля еще не успела подсохнуть на солнышке, и Женька, поминутно поскальзываясь, заползла внутрь пещеры. Впрочем, как оказалось при осмотре, это была не пещера, а землянка: стены и потолок были обшиты досками, а пол был земляной. По обеим сторонам громоздились ящики. Оружие – с первого же взгляда определила Женька. От предчувствия у нее аж руки затряслись. Она поддела секачом крышку одного из ящичков и взвизгнула:

– Маузеры!!!

Второй ящик, поменьше, открыла уже аккуратно и прошептала почти с нежностью:

– Гранаты...

Рядом был маленький металлический запаянный ящичек – Женька уже догадывалась, что там, поэтому вскрывала его с максимальной осторожностью:

– М-м-м-м... взрыватели...

В азарте рванулась к самому большому, винтовочному:

– А ну-ка, что тут? – открыла крышку. – Мама... это ж пулемет!

А за ним, до самого потолка, патронные ящики – она их опознала сразу, но тем не менее вскрыла парочку на выбор – в каждом было по два цинка, с четкой маркировкой 7,62'54 – патроны для трехлинейки.

В остальных ящиках не было сюрпризов – патроны, патроны, патроны... Поэтому Женька снова открыла большой ящик и стала перебирать содержимое. Внутри оказался не один пулемет – судя по кожухам, их было три, но все разобраны, их части перемотаны ветошью, и понять их назначение Женька не смогла, да и света было маловато. А вот сбоку на дне, в большой жестяной коробке из-под пастилы, в маленькой кобуре, с ремешком из мягкой кожи, обнаружился предмет ее мечтаний с детства – маленький, с женскую ладошку, пистолет, а к нему две запасные обоймы и несколько пачек

таких же маленьких и смешных патронов, в изящных коробочках. «6.35´16SR Browning» было написано на них...

– Браунинг, – выдохнула Женька и прижала его к груди.

Потом она долго сидела на выходе из землянки на ящике с маузерами, прищурив глаза, задумчиво смотрела в заросли, погруженная в себя, о чем-то напряженно размышляя. Приняв какое-то решение, стала рыться в разных ящиках.

Взмокшая Женька вихрем влетела в их комнату и заявила:

– Петя, бери оружие, поехали! Это срочно! С Нилочкой посидит моя помощница-счетовод, сейчас придет, я уже договорилась.

Ее внешний вид не оставлял никаких сомнений в срочности и важности происходящего, поэтому Петька без лишних слов быстро собрался.

– На чем едем?

– Велосипед, – коротко ответила Женя. – Ты за руль, я сзади, на шарманке, только что-то мягкое подстелить возьму. Дорога неблизкая.

– Да ты толком можешь пояснить, что случилось? – повышая голос, спросил Петя.

Она подошла к нему вплотную и зашептала на ухо:

– Нет, потерпи, на месте все увидишь и сам решишь. Обещаю – ничего страшного и трагичного. Просто очень важный момент. И не кричи, пожалуйста, все ж слышат...

– Ну да, а ты, значит, беззвучно вот только что командовала, да? Здесь же слышимость отличная...

– Петенька, умоляю, поторопись...

Сдав Нилочку на попечение Женькиной сотруднице, предупредив, что могут задержаться до вечера, оба молча оседлали велосипед.

В дороге несколько раз менялись местами, но Женьке тяжело было крутить педали – сказывалась утренняя прогулка, и основную часть пути крутил педали Петька, а она только вскрикивала и шипела ему в спину на каждом ухабе или кочке: – Да не гони так, больно же...

А потом лопнула шина, и последнюю треть пути они проделали пешком.

В овраге, увидев землянку, быстро пересчитал ящики, за неимением бумаги и карандаша отмечая зарубками на толстой ветке их количество. Затем проверил содержимое уже вскрытых Женькой

ящичков и даже лично вскрыл все до одного, старательно и аккуратно заколачивая их после ревизии содержимого.

Затем, как давеча Женька, Петя уселся на ящик с маузерами и, вперив немигающий взгляд в жену, спросил:

– А сколько было гранат? Ящик-то неполный... И где запалы к ним?

– Взрыватели, – машинально поправила Женька. – Не было, я искала...

И, уводя в сторону от скользкой темы, опережая новый вопрос, сказала:

– И патронов к маузеру тоже не нашла, как и к пулеметам.

– Да к пулеметам полно – это ж Льюис... 7,62'54 – его размер, одинаковый патрон что для него, что для родной трехлинейки мосинской.

– Ой, а давай постреляем, а? Ну Петечка, ну пожалуйста...

– Ты думай, что говоришь!!! Постреляем... Как ты себе это представляешь? Что я Ироду скажу? Мы вот тут склад с оружием нашли и решили с женой немножко из пулемета пострелять, так, что ли?

– Какому Ироду? Ты о чем?

– Никакому... – буркнул Петька. – Не важно... и я сказал народу, а не Ироду... Соберись, слушай внимательно, мерещится, вон, всякое.

– Ну хорошо, прости, устала. Что решишь, сколько сдаем? Может, что-то себе оставим? Можно припрятать, потом заберем.

– Нельзя, узнают – расстрел, без суда и следствия... Я попробую поговорить, может, хоть патроны для курсантов разрешат, а то совсем беда с боеприпасами, вхолостую щелкаем курками на стрельбище... Цирк, да и только!

– Ну вот и забери все себе или половину, а в отчете укажешь меньше...

– Не говори ерунды!!! Так, я остаюсь тут, ты дуй в сельсовет, пусть дают подводу, а лучше две, и в милицию. Попробуй дозвониться до Одессы... Хотя нет, я сам позвоню кому надо...

Женька стала карабкаться наверх, к дороге.

– велосипед не бери, иди налегке! – крикнул ей вслед Петя.

Оставшись один, он еще раз пересчитал ящики и проверил содержимое. Его все время не оставляло чувство, что он что-то

упустил, что-то ускользнуло от его внимания.

Он обошел всю поляну, всматривался в следы, проверил окружающие кусты, но ничего стоящего внимания не нашел.

Подводы и два милиционера прибыли на закате, поэтому грузились быстро, чтобы не оставаться сторожить такой опасный груз до утра в овраге.

В село прибыли уже затемно, но все равно тщательно все пересчитали и акт составили. А ранним утром, едва рассвело, Петька уехал в Одессу, доложить.

В знакомое здание он попал почти к обеду, но Ирод принял его сразу же.

– С чем пожаловали, дорогой Петр Иванович?

– Да вот, докладная, я тут все подробно написал.

– Докладная – это хорошо, но поберегите наше с вами время – своими словами, пожалуйста.

Петька подробно рассказал о событиях вчерашнего дня.

– Спасибо, Петр Иванович, правильно поступили, что сразу ко мне, а то я уже и наряд за вами почти отрядил, а вы тут как тут.

– Зачем наряд? Я же сам приехал... Все рассказал...

Ирод сделал неопределенный жест рукой и продолжил, оставив Петькин вопрос без ответа:

– Что желаете за усердие?

– Ничего мне не надо, – буркнул Косько, вставая со стула и готовясь покинуть кабинет.

– Ну так уж и ничего... Э-э-э... я надеюсь, что вы все сдали? Ничего не утаили? Ну там для себя... или для Женечки? Мне неоднократно докладывали, что она лихо стреляет. Восторгались ее мастерством.

– Нет. Не нужно нам это. Она и так с оружием сызмальства, ее отец еще пацанкой научил, а захочет пострелять, так мы в селе хорошее стрельбище организовали.

– Да? А мне докладывали, что именно вы были ее первым учителем. Обманули, выходит? – нарочито удивленно спросил Ирод. – Ну я разберусь и накажу его... за обман.

– Никого не надо наказывать, было дело, ездил я с ней пострелять, давно это было... Она еще в гимназии училась, совсем малявка была...

– Ну вот и ладно, хорошо, что все прояснилось! – Ирод говорил странным голосом, ужасным и каким-то бестелесным, неживым.

– Так что желаете в награду за усердие, дражайший Петр Иванович? – повторил он свой вопрос.

– Если можно, выделите для курсантов, для отработки практической стрельбы, часть найденных патронов – совсем плохо у нас с этим, я уже даже перестал просить в Осовиахиме, все равно не дадут.

– Обязательно выделим, сколько надо, столько и дадим... заслужили, – вдруг совсем по-человечески ответил Ирод.

– А у меня встречная просьба к вам, Петр Иванович. Вы механик грамотный, поэтому не считайте за труд, попробуйте собрать пулеметы из тех деталей, что нашли, и опробуйте у себя на стрельбище, отстреляйте по магазину из каждого. Доложите о результатах, и я пришлю за ними. Да – чистить потом не надо, так отдадите.

– Будет сделано, – Петька посветлел лицом. Он уже ничему не удивлялся – ни осведомленности Ирода о событиях прошлой ночи, ни выезде его с Женькой на пляж в Аркадии много лет назад.

– Я могу идти? – спросил он.

– Конечно-конечно, не смею вас больше задерживать, – Ирод, прищурившись, задумчиво смотрел на Петьку.

Только на улице Косько понял, как он вспотел. Его гимнастерка пошла огромными темными пятнами.

– Да уж... как в бане побывал, – невесело пошутил он и отправился на Молдаванку, навестить своих, отдать сумку с провизией, которую, пользуясь случаем, передала Женька.

Три следующих дня были заняты приятными хлопотами – получением патронов. В милиции были крайне удивлены щедростью своего одесского начальства, которое в категорической форме потребовало выдать инструктору, товарищу Петру Косько, столько патронов, сколько скажет, хоть все. Составить акт передачи и об исполнении доложить.

А еще два дня ушло на сборку и пристрелку пулеметов. Удалось наладить два из трех. Петька, как было приказано, отстрелял по целому диску и стал дозваниваться в Одессу.

Дежурный ответил почти сразу и, услышав фамилию «Косько», сказал: «Ждите». Через некоторое время трубку взял сам Ирод:

– Как успехи, Петр Иванович?

Петька кратко доложил о результатах и выжидательно замолчал.

– Хорошо... Петр Иванович, вы что-то желаете добавить?

– Если можно, разрешите оставить неисправный пулемет как учебное пособие... Это же уникальный случай, мне такой Осоавиахим не даст никогда... Ну пожалуйста... – неожиданно совсем по-детски протянул Петька.

– Экий вы, однако, ушлый, Петр Иванович, вам палец в рот не клади – мигом оттяпаете... Ну... как там говорится? Сказал А, говори и Б? Хорошо, забирайте, я распорядюсь. Только приведите его в полную негодность для возможности восстановления и обязательно оформите все необходимые документы. Утром будет мой человек, отдадите ему лично два исправных аппарата.

На следующий день на легковой новенькой машине прибыл гонец от Ирода. Одет он был в военную форму из дорогого сукна, которая сидела на нем как влитая, ни складочки лишней – как вторая кожа. Знаков различия никаких не было. Только новенькая портупея и две кобуры, справа и слева, очень необычные – не на пояском ремне, а на плечевых, под руками. Пахло от него крепким и, судя по всему, очень дорогим табаком.

Встречали его целой делегацией, все руководство было тут как тут.

Поздоровавшись со всеми, гонец спросил, где «механизмы» – так он их назвал. Все загалдели наперебой, желая помочь городскому начальнику. Тот еле заметно поморщился, но быстро справился с собой, улыбнулся и сказал:

– Тихо, тихо, товарищи, этак мы все село разбудим... Кто из вас Косько Петр Иванович?

– Я Косько, – выступил вперед Петька.

– Проводите меня, пожалуйста, покажите, где, собственно, предмет моего визита?

– В райотделе они, у начальника в кабинете, – ответил Петька.

Приезжий тут же вежливо пресек начатое было движение компании местных вождей в сторону райотдела:

– А вы, товарищи, не тратьте свое драгоценное время на мою скромную персону, приступайте к своим служебным обязанностям, наша страна ждет от всех нас новых трудовых побед.

Повернувшись к начальнику райотдела, отвел его в сторону и, глядя прямо в переносицу, сказал негромко, перейдя на ты:

– Обеспечь нам с Петром Ивановичем отдельную комнату, часового на входе убрать, сам вместо него постой, в коридоре до моего отъезда чтоб никого.

– У нас нет часового... у нас дежурный, – растерянно ответил начальник райотдела.

– Исполнять!!! – шепотом рявкнул городской.

– Есть, будет исполнено... – и начальник резво рванул в сторону двери райотдела.

В комнате на первом этаже, с окнами, выходящими во двор, на огромном столе для совещаний уже стояли все три пулемета.

Гонец первым делом запер изнутри дверь, затем вынул из кармана тонкие кожаные перчатки и, с трудом натянув их, очень профессионально быстро разобрал и собрал все три пулемета, пощелкал вхолостую спуском, проверил ход затворов на всех трех, поморщился и заменил возвратную пружину во втором пулемете на такую же пружину из третьего, уже почти Петькиного учебного. Снова собрал, передернул затвор и удовлетворенно кивнул:

– Теперь порядок. Где диски? Сколько? Простые или сдвоенные?

– Какие? – переспросил Петька.

– На 47 патронов или на 94?

– Пять штук, один неисправен – нет пружины подающей... все на 94 патрона... Сдвоенные, получается...

– Хорошо, я забираю четыре, один оставляю, упакуйте каждый в отдельный мешок и перемотайте бечевкой. – Приезжий вынул из большого саквояжа, который достал из багажника машины по пути в райотдел, несколько холщовых мешков и много ветоши и продолжил:

– Но так, чтобы было непонятно, что в мешках, и по два диска в каждый мешок положите.

Брезгливо стянул перчатки, поискал глазами, ку-да бы их выбросить, но, опомнившись, свернул в маленький комочек, завернул в белоснежный носовой платок и спрятал в карман бриджей. После этого отошел от стола, встал у входных дверей и закурил диковинную толстую коричневую папиросу.

Все, что произошло за этот час, одновременно и удивило, и насторожило, и даже напугало Петьку...

Все было непонятно в этом человеке, начиная от наряда, лощеного внешнего вида, двух пистолетов, явно иноземных папирос, простецкого общения с руководством района, безапелляционных приказов шепотом, тонких кожаных лайковых перчаток и такого профессионального знания оружия.

Но это все Петька вспомнит, проанализирует и поймет потом, а пока он по-немецки аккуратно упаковывал два «механизма».

Получилось красиво и непонятно, отдаленно похоже на какой-то сельский инструмент, тщательно завернутый.

– Талантливо, – похвалил гонец, оценив Петькину работу. – А теперь не считите за труд, помогите донести груз до машины.

И открыл дверь. Петька хотел было подхватить по пулемету под каждую руку, но было неудобно и тяжеловато, поэтому он подхватил оба свертка в охапку, как дрова, и быстрым шагом попытался догнать городского гостя. Но то уже был на улице и ждал его в машине.

– Погрузите, пожалуйста, в багажник и крышку прикройте, – сказал он, уже сидя на месте водителя, и ткнул большим пальцем себе за плечо.

Петька погрузил, немного покрутил их, укладывая свертки половчее, чтоб не летали внутри машины на ухабистой дороге. Завершив погрузку, подошел к двери водителя.

– Спасибо, Петр Иванович, вы нам очень помогли. Будете в Одессе, заходите... в гости. А это вам и вашей дражайшей супруге, гостинцы от городского гостя, – гонец протянул в открытое окно двери деревянную щегольскую коробочку, на которой сверху лежал флакончик еще дореволюционных шикарных духов «Сирень»

Петька удивленно стал рассматривать коробочку темного дерева.

– Это сигариллы... не сигары... – ухмыльнулся гонец. – Курите в удовольствие, только спрячьте пока в карман, не дразните местных, хватит уже с вас приключений.

И не дождавшись ответа, резко развернулся и быстро поехал прочь.

Петька спрятал гостинцы и пошел в райотдел – надо было забрать третий пулемет.

Начальник райотдела уже сидел на своем месте, с совершенно растерянным видом, без фуражки, с расстегнутым воротом гимнастерки.

– Он что-то передал для меня? – спросил.

– Ничего.

– А что тебе сказал?

– Тоже ничего. Сказал, чтоб я заходил к ним в гости, когда буду в Одессе.

– Да уж... упаси господь от таких гостей... Вот акты, подписывай, – он подтолкнул к Петьке несколько листов.

Это были акты приема-передачи пулемета и расписка о принятии на ответственное хранение.

– У тебя хоть есть где хранить это железо? – спросил начальник уставшим голосом.

– Есть. Сейф осоавиахимовский в нашей комнате, – ответил Петька.

– А, ну да, ну да... Запомнил я... Ладно, забирай уже эту гаубицу от греха подальше и ступай, – махнул в сторону двери.

Петька, закрывая дверь кабинета, услышал, как за спиной знакомо звякнуло стекло, и последующие восемь булькающих звуков подсказали, что стакан наполнен до краев.

– М-да... на сегодня служба закончилась, – буркнул он себе под нос.

Женька дома понюхала сигариллу:

– Как конфетка! Дай попробовать?

Она осторожно затаится, смешно выпустит дым. А потом подхватит коробочку:

– Чур, мне! Ты обычные куришь, а это вообще как женские! Давай будут мне, для красоты!

Когда сигариллы кончатся, Женька, морщась и вздыхая, перейдет на папиросы мужа.

Возвращение в Одессу

Незаметно, в ежедневных заботах и хлопотах, приятных и не очень, пришла осень, а с ней и конец вынужденной ссылки Петра Ивановича Косько.

Причем произошло это не по желанию последнего или благодаря обещаниям военкома, а по воле Ирода – давнишнего куратора агента «Машинист», – именно такой псевдоним был в личном деле Петра Ивановича Косько в агентурном отделе управления НКВД г. Одесса.

Произошло это событие очень буднично. В воскресенье пришла телефонограмма в райотдел: товарищу Косько незамедлительно прибыть в Одессу, в управление НКВД.

Петька всю дорогу до Одессы боролся с волнами леденящего страха... Числился за ним один грех... По нынешнему времени – практически расстрельный...

В управлении дежурный проверил документы и направил в знакомый кабинет без номера. Там сухо и по-деловому кратко куратор проинструктировал:

– Петр Иванович, вы нужны мне в паровозном депо, настроения там... м-м-м... не самые правильные, так что сдавайте дела, собирайте вещи, завтра с утра пришлю машину.

– Никак не успею, прошу дать двое суток на сборы, передачу дел и подбор кандидатуры заместителя.

– Сутки, не более... Вы. Мне. Нужны. – Ирод очень четко выделил все три слова интонацией. Потом добавил:

– Цените это... Подобного я почти никогда и никому не говорил... К тому же ваш преемник уже с утра на месте, местные товарищи вводят его в курс дела... Так что сутки, больше дать не могу. Я и так сделал все, что максимально допустимо в данной ситуации. Прощайте. Машина ждет вас внизу.

Петька вышел из здания вместе с дежурным, который подошел с ним к машине – это был уже знакомый ему грузовик ОРСа.

– Вот ваш автомобиль, – и приложил руку к козырьку.

– Доставить до места назначения. Максимально оперативно. Без остановок, – скомандовал он уже водителю.

Всю дорогу до дома водитель, молоденький паренек из бывших его курсантов, с благоговейным ужасом поглядывал украдкой на Петьку. Он пытался разгадать непосильный для него ребус – его инструктор-осоавиахимовец, обычный дядька из паровозного депо, простой машинист, сам зашел в самое грозное здание в городе, ему козыряет дежурный и для него в срочном порядке, прямо со склада городского ОРСа, на середине погрузки снимают грузовик, его начальство испуганно истерит по телефону и кроме слов «немедленно, безотлагательно, срочно прибыть в НКВД Одессы, поступаешь в распоряжение дежурного по управлению» ничего путного не говорит...

Но Петька не обращал никакого внимания на эти взгляды и дикий интерес, намалеванный огромными буквами на лице водителя-курсанта. Его бросало то в жар, то в холод от одной-единственной фразы Ирода: «Ваш преемник уже с утра на месте... принимает дела...». Петька, верный своей немецкой обстоятельности, прикидывал по времени – где сейчас может быть его преемник и «местные товарищи», что вводят его в курс дела... Он вел сам с собой мысленный диалог: «Так, если «новый» прибыл поездом, до места может на машине райотдела, но она в ремонте уже два дня, значит подвода – но все на уборке, бригадиры костью лягут, но не отдадут подводу в такое время... Грузовик ОРСа был уже в Одессе, да и не велика сошка – инструктор Осоавиахима, значит, пешком 13 км, это примерно 4 часа, если не заплутает...

...Итак – невелика сошка, так что начальник райотдела торопиться сильно не будет, он чаем угостит с дороги и в беседе обязательно прощупает кто-что-откуда-с чем прибыл... Несмотря на свою наружную простецкость и любимый стакан, волчара еще тот, как ни крути, а он бывший командир разведчиков в конармии Миронова... Так что начальник быстро его не отпустит... хотя ему ОРСовцы определенно успели отрапортовать о том, что НКВДисты конфисковали их грузовик... Так что сложил уже этот хитрован два и два в кучу и знает, что времени у него на прокачку новенького час, от силы два... Но если вчера, в субботу, начальник райотдела, как обычно, напился до упражнений с шашкой на внутреннем дворе и строевых упражнений с дежурными по райотделу, то есть хороший запас времени...»

От такой напряженной работы и обилия разнонаправленных вариантов Петьку то бросало в жар, то он покрывался холодным липким потом... Он снова и снова ощупывал в кармане ключи от сейфа с оружием, пытаясь почерпнуть хоть кусочек спокойствия от ощущения металла в кармане. И очень надеялся, что если визитеры завалятся к ним в дом раньше, чем он, Женька не признается, что у нее есть дубликат ключей. Но тут же снова мурашки бежали по телу – Петька вспоминал, как в день его приезда во Фрунзовку начальник райотдела передавал ему ключи от оружейного сейфа: он снял их с общей огромной связки со словами: «Не потеряй, запасных нет». А вдруг есть?.. Нет никакой веры бывшему разведчику, да и не бывает их бывших...

А все дело было в том, что помимо трехлинейки и пулемета Льюис, в сейфе лежал готовый к бою диск к этому самому пулемету, полный боевых патронов... 94 штуки. А запасной комплект ключей был у Женьки – Петя сам их изготовил для нее, после того, как смог устранить неисправность: ну, в пулемете оказалось достаточно всего лишь заменить возвратно-боевую пружину, которая была один в один, как у патефона, – такая же пластинчатая, только более мощная и тугая. Не сразу, испортив десяток заготовок, он добился нужного результата – диск исправно поворачивался ровно на один щелчок храповой подающей шестерни, и Петька, щелкая курком, бодро передергивал затвор, имитируя выстрел. Получилось это не так чтоб сразу: после того, как набил полный диск боевыми патронами, новая пружина никак не могла сдвинуть его с места, несмотря на многочисленные попытки – слишком большой был вес. Пришлось Петьке снова, хоть и очень ему не хотелось, побеспокоить кузнеца, который помогал всем, чем мог, но был чрезмерно любопытен со своими «что это, зачем и для чего», так что снова пришлось во многом самому фантазировать на тему изобретения турели для учебного пулемета, для отработки стрельбы по воздушным целям...

С новой пружиной диск приобрел нужную подвижность и четкость работы, более того, Петька не смог преодолеть соблазн, а выбрав подходящий момент, взяв с собой только Женьку – больше никому доверять было нельзя, – помня о том, как быстро Ирод узнал обо всем, он таки пострелял из возрожденного пулемета, да не один – Женька тоже...

Добирались до знакомого оврага они порознь, Петька – на милицейской бричке начальника райотдела, с легендой подобрать подходящее место для проведения учений с курсантами перед сдачей нормативов и зачетов, для правдоподобности прихватив бинокль и карту района. Женька – на велосипеде – в поиске ягод и лечебных трав. Встретились они у знакомого оврага, который уже называли «Оружейкой».

Хотя крутые склоны оврага и густой кустарник предполагали полную звукоизоляцию, Женька – на всякий случай – осталась наверху, чтобы послушать, насколько различим будет звук выстрела, но ничего не услышала, даже стоя почти на краю обрыва, – только еле различимый звук сломанной сухой ветки, а короткая очередь была не громче треска веток в костре. По едва заметной тропинке Женька торопливо спустилась вниз: – Все в порядке, звуков практически не слышно даже на расстоянии метра от края, ветер со стороны села, кругом никого, я все осмотрела в бинокль – можно работать, – доложила. Потом продолжила и почти взмолилась: – Ну Петька, ну дай же ж пострелять, сил же ж нет терпеть...

Эх, если б можно было обойтись без Женькиного участия, Петька ни за что не втягивал бы ее... Но, к сожалению, это было даже полезно – в свете той цели, из-за которой он и занялся приведением в боевую готовность оружия.

Дело было в том, что бывший панский дом, где расположились сельсовет и комсомольцы и где жили они, находился в достаточном удалении от села, за пригорком, так что когда сельсоветовцы и вся эта комса разбредались по своим делам, уходили на ночь, его Женька оставалась одна с ребенком. А во время сельхозработ дом вообще неделями пустовал. Запоры на дверях при огромных окнах без ставень – очень слабая защита против незваных гостей.

Ну и несмотря на то что к этому времени все НКВДшники отрапортовали на всех уровнях, что с врагами революции и бандитами покончено навсегда, действительность демонстрировала обратное. Нет-нет да и постреливали на окраинах, и глухо бухали разрывы гранат в окрестностях села. Специальный кавалерийский эскадрон НКВД, обвешанный разным оружием и гранатами, на двух тачанках и одной подводе с красным крестом на корме, не раз и не два гостевал в помещении райотдела, а лошадей с полевой кухней загонял

в конюшни усадьбы, где квартировала семья Косько. Так что оперативная обстановка, пусть и по обрывочным фразам очень немногословных бойцов, складывалась вполне достоверная. Петька прекрасно понимал, что к нему в усадьбу могут наведаться нежеланные гости, а его Женька для них однозначно была мало что комиссарша, так еще и жидовка, и страшно было подумать, чем мог закончиться визит этих незваных гостей...

А еще он прекрасно понимал, что и его присутствие – даже при наличии одной пятизарядной трехлинейки – это слабый аргумент против нескольких стволов. Потому и сидел он тогда у схрона, снедаемый искушением припрятать несколько гранат, и только отсутствие взрывателей сдержало его от этого шага. Маузеры, при всей своей brutality, эффективности и дальности стрельбы, Петька не смог бы использовать – они были из первых партий, под очень редкий нынче американский патрон, да где ж его взять сегодня? Значит, и маузер для его задачи – совершенно бесполезная железка. Оставался пулемет. Да, громоздко, тяжело, хлопотно, но очень эффективно. Все-таки упертый и правильный немецкий характер давал о себе знать – Косько всё просчитал, и выбрал максимально эффективный путь. Есть цель – она должна быть достигнута. Есть допустимая доля риска – он послушался Ирода: не привел оружие в полную непригодность, не просверлил ствол и не забил в него подходящий по диаметру металлический прут, как обычно поступали в таких случаях. Но Петька сознательно рисковал, тщательно взвесив и поняв, что в случае порчи пулемета шансов выжить нет никаких, а наличие исправного автоматического оружия дает реальный шанс для жизни. Потому он и рискнул и вроде все предусмотрел, но совершенно не учел непредсказуемость оперативных НКВДшных потребностей. А он мог их учесть?

Ну а следующий шаг логично вытекал из первого – надо было дать возможность Женьке хоть разок пострелять из пулемета, научить ее прицельной стрельбе очередями и одиночными – это тоже не лишнее... запасного диска нет, перезарядить не успеет...

Для первого раза Женька отстрелялась лихо, со второй очереди, правда, в полдиска, в щепки разнесла фанерку от посылочного ящика и, подбоченясь, победно взглянула на Петьку:

– Ну что? Что скажешь? Не бабское это дело? – припомнила она ему давнюю фразу, так обидевшую ее в далеком детстве...

– Большой расход боеприпаса. Будь внимательнее, считай патроны, – сухо прокомментировал Петька.

– Как я их посчитаю? – вспыхнула Женька. На самом деле она сама понимала, что для маленькой фанерки слишком много израсходовала патронов.

– Не отвлекайся, – деловито и негромко сказал Петька, – считай по звуку. Теперь огонь одиночными, вон там на кустах я досточку приладил.

– Да как же стрелять-то, поясни...

– Конструкция этого пулемета не рассчитана на стрельбу одиночными, – охотно начал объяснять Косько. – Скорострельность – 500 выстрелов в минуту, значит, весь диск ты опустошишь за шесть-семь секунд, перезарядить не успеешь – запасного нет. Соберись. Может случиться так, что наши жизни будут зависеть только от твоего чутья и от точности движения пальца. – Петька замолчал, видя, как лицо любимой вдруг приобрело необычно серьезное и отрешенное выражение. Про себя подумал: «Господи, ну зачем же я ее так пугаю...», вздохнул и все-таки продолжил: – Прицелься и стреляй.

Женька, как и учил муж, задерживая дыхание между выстрелами, трижды выстрелила сдвоенно, а потом, поймав момент, перешла на одиночный огонь. Стреляла она так же, как тогда на пляже в тире – ни одного выстрела мимо, добивая и кроша на щепки ту несчастную дощечку, поднимая ее очередным выстрелом на ветки куста, а потом снова и снова сбивая наземь... Когда кончились патроны, Женька дважды нажала на спуск – всё не могла остановиться...

Потом Петька не раз пытался узнать, что такого его жена представляла себе в момент стрельбы, что или кого расстреливала с таким упоением и дьявольской меткостью... Но ни разу он не получил вразумительного ответа.

Быстро собрав и пересчитав всё – стреляные гильзы, щепки, – он прикопал их в склоне, а потом еще и обрушил небольшой нависающий земляной карниз, придав максимально возможную достоверность своим земляным работам.

Потом они развели костер... И Женькин заветный пикник на природе все-таки случился – с запахом пороха и машинного масла на

пальцах и волосах. В мокрой от вечерней росы траве. Это был ее лучший вечер за последний год. Счастливый, невероятный, хоть и наполненный предчувствием опасности... Она, как и хотела, испытала все: запредельная близость душ и мыслей, и бешеный адреналин от всего происходящего, и полную свободу от соседей... Петька, прийдя в себя первым и целуя Женьку в костлявое плечо, повторял все пункты поведения в критической ситуации и возможные пути отхода. Шепотом пришли к тому, как они и договаривались, что в случае нужды Женька первым делом взорвет гранату, которую уже трижды обещал выдать начальник райотдела...

Обратно они возвращались уже затемно. Петька всю дорогу молчал, погруженный в свои мысли, а Женя думала о своем: как надежно припрятать личное оружие? Она обдумывала новое место хранения: чтобы находилось близко и в то же время, если кто-нибудь обнаружит этот мини-склад, связать его с ними было нельзя.

Придав себе командный вид, на въезде в село в ответ на вопросительный взгляд водителя Косько суровым голосом дал отрывистую команду:

– В усадьбу, к сельсовету, быстро...

Подъехав, он пулей выскочил из кабины и, на ходу вытаскивая ключи, влетел в комнату. Открыл сейф, лихорадочно стал разбирать пулемет... Со второго раза трясущимися пальцами вставил старую пружину на место, новую запихнул в карман и даже не стал снова собирать пулемет – просто закинул его полуразобраным в сейф, ведь надо было срочно разрядить диск, а это было не так просто, конструкция последнего не слишком способствовала этому. Но Петька справился. И тут он услышал бухающие шаги в коридоре – так, с каблука, четко печатая шаг, ходил только начальник райотдела. Косько понял, что собрать раскатившиеся по комнате при разрядении диска патроны не успеет, и принял единственно правильное решение – щедро сыпанул на пол из цинка оставшиеся патроны, громко и витиевато выругался, одновременно спешно разложил в беспорядке части пулемета на полу и, продолжая громко ругать себя за безрукость, стал по одному собирать патроны, бросая их обратно в цинк с максимальным шумом...

В дверь постучали, и бывший разведчик спросил из-за двери:

– Петр Иванович, что там у тебя, открывай...

– Да сейчас, сейчас... – ответил Петька сдавленным голосом.

Ступив на порог, бывший разведчик враз цепко оглядел всю комнату, чуть задержался взглядом на замасленных руках Петьки, потом на полуразобранном пулемете на полу, рассыпанных патронах... Прищурившись, уставился не мигая прямо в его глаза, затем, не оборачиваясь, вывел из-за своей спины дядьку средних лет:

– Знакомься, Петр Иванович, – произнес, – наш новый инструктор, мой однополчанин, пришел принимать у тебя дела... А ты чего такой взерошенный-то, Петр Иванович?

– Да времени в обрез, – Петька как мог взял себя в руки, – неполные сутки на сборы дали, машина завтра утром придет... Вот, торопился смазать оружие перед сдачей, да патроны ненароком зацепил, растяпа... – улыбнулся растерянно. – Сейчас соберу, руки оботру и поручкаемся...

– Ну-ну, – хмыкнул начальник райотдела. – Ты это, собирай, не торопись, через час-другой оружие принеси ко мне в кабинет – приму по описи, акт составим, сдашь ключи от сейфа. В райотделе все полежит пока суть да дело, так всем спокойней будет, – закончил, выходя из комнаты и подталкивая перед собой удивленного донельзя однополчанина.

Через час Петька принес винтовку и пулемет в райотдел, изрядно напугав своим видом не только селян, попавшихся навстречу, но и дежурного в райотделе.

А селяне эти, в основном бабы, завидев вооруженного человека, охали и разбегались кто куда... Редкие мужики, курящие у плетней и загонов, на всякий случай тут же приседали, прятались, и их существование и местонахождение выдавала лишь предательская струйка дыма от самокрутки, которую они так и не могли бросить...

Вид у Косько был самый что ни на есть разбойничий, махновский – на левом плече винтовка-трехлинейка стволом вниз, на правом – тяжеленный пулемет с диском, трехгранный штык от винтовки за поясом... за спиной – вещмешок с патронами...

Начальник, непривычно трезвый, несмотря на воскресный день, был в кабинете один и что-то писал, но тут же рывком встал из-за стола и помог Петьке сложить все висящее на нем оружие на стол.

– Проходи и садись, Петр Иванович, – проговорил мягко, – поближе садись, потолкуем.

– Да о чем, мне ж собираться надо... то-се... дел невпроворот... – начал сопротивляться Петька.

– А скажи-ка, дорогой, – кашлянул начальник, перебивая его, – все ли в порядке у тебя с пулеметом? Исправен или как...

– Да нет, это же учебное пособие у меня, он неисправен. Как вы мне его передали по акту: «учебное пособие», так я его и возвращаю, – нудным голосом немца-педанта ответил Петька.

– Угу... пособие, значит... А ствол-то чистый, без чопа, и диск вращается, как надо... Это как прикажешь понимать? – не отступал начальник.

– Да где ж вращается-то?! – возмутился Петька. Он подошел в стоящему на столе пулемету. Опытный начальник тут же, на инстинкте, ушел с линии огня. Петька показательно несколько раз передернул затвор и продемонстрировал неподвижный диск, нажимая раз за разом на спусковую скобу пулемета.

– Вот, смотрите сами: как был груда железа, так и есть, – уверенно сказал и добавил: – А ствол был законопачен, и чопик был, ну, выпал, наверное, а я не заметил...

– Ага, – задумчиво сказал начальник. – Ну да. А чего это только сегодня утром и диск вращался, как надо, и патроны в нем были боевые?.. Ты меня за дурачка, что ли, держишь, мил-человек? – Тут он левой рукой взял со стола связку ключей и для наглядности даже позвенел ими, при этом словно случайно передвинув правой расстегнутую кобуру с кольцом чуть вперед.

– Теперь понятно, чего ты с такой скоростью влетел в село и почему у тебя руки были по локоть в масле, – продолжил. – Патроны он рассыпал, пулемет он смазывал... А где пружина??? – вдруг зазвенел сталью на последней фразе спокойный до этого голос начальника райотдела.

Петька тоже вдруг разозлился и, отбросив в сторону всякую осторожность и вежливость, повысил голос:

– А граната обещанная где??? Кто защитит мою семью? Рапортуешь, что бандитов нет, что кулачье искоренил, а в эскадроне энкаведешников за три месяца половина состава – новые люди, в каждый их приезд у нас на заднем дворе куча бинтов

и окровавленного порезанного на куски обмундирования остается – это что? Тебе хорошо, у тебя семьи нет, тебе терять нечего, и ты в райотделе живешь, и тут круглосуточно вооруженная охрана! А я обязан защищать свою семью, мне есть что терять! И я лучше рискну своей свободой, но обеспечу себя всем необходимым, чтоб не попасть трупом вместе со своими девчонками к вам в секретные сводки!..

– Ладно, не шуми, – устало бросил бывший разведчик, махнув раздраженно рукой. – Ничего я тебе не сделаю, да и не собирался – мужик ты правильный, и при твоих покровителях тебе сам черт не страшен сегодня, поэтому предлагаю решить вопрос взаимовыгодно: ты мне возвращаешь пулемет в рабочем состоянии, я тебе – обещанную гранату. О нашем договоре – никому. Понял? Никому! Про пулемет знаю только я, ну и ты, конечно, значит, двое... Вот такой расклад. Что скажешь? Подходит?

– А новый инструктор не доложит куда надо, что пулемет рабочий? – обеспокоенно спросил Петька, по привычке начав сразу просчитывать варианты, не учитывая другого.

– Так а кто ж ему пулемет выдаст? – удивился искренне начальник. – Мне прямой приказ был: выдать товарищу Косько, а насчет других никаких инструкций и приказов не было. Да и не указ мне Осоавиахим, у меня свое начальство есть. Ну а если что, то я пружину и сам поменять обратно смогу, – выдал вдруг он и, глядя прямо в глаза удивленному Косько, добавил: – Да-да, смогу... А чего ты так на меня смотришь? Да у меня в каждой разведгруппе по две-три таких машинки было... Надежная... Особенно самолетный вариант.

– Какой... вариант? – не понял Петька.

– Ладно, не о том сейчас, дуй за нужной железкой, я тут подожду, – прервал беседу бывший разведчик.

– А... – начал было Петька.

– За мной не заржавеет, – ответил начальник и в доказательство достал из ящика стола три гранаты с запалами: – Любая – на выбор...

Петька метнулся домой, вернулся с пружиной и моментально привел пулемет в рабочее состояние. На всякий случай показал, как снимать и ставить тугую пружину на место. Получив обещанную гранату, сунул ее в вещмешок, где раньше находились патроны,

а теперь лежали пачки махорки, консервы, несколько связок вяленой рыбы...

Сзади звякнули стаканы. Начальник удивительно трезвым голосом произнес:

– Иди сюда, Петр Иванович, давай выпьем. Чтоб новая жизнь была лучше старой... Чтоб наши... – он вдруг затих, – ...твои... дети зажили счастливой жизнью свободных людей и лучше, чем мы...

Они выпили. Начальник кивнул на полный вещмешок:

– А это гостинец, от меня... Как ты правильно заметил – нет у меня семьи... Больше нет... Была... Но... порубали их беляки, когда узнали, что их отец – конармеец у красных... – Он замолчал. Собравшись, продолжил: – А мне много не надо... Ничего не говори. Прощай!!! – махнул рукой.

Сборы получились недолгими, вещей у них было не много, а вот с получением продуктов, положенных по пайку, и с получением расчета в Женькиной конторе в воскресный день, конечно, возникли проблемы, так что сборы завершились только поздно вечером – почти ночью, потому пришедшие попрощаться местные не дождались любимого Петьки, разошлись по домам. А рано утром в понедельник, едва рассвело, их разбудил хриплый звук автомобильного клаксона.

Семья Косько погрузилась быстро – очень помогли два верных оруженосца Петьки, они, как оказалось, пришли еще затемно и просто ждали на сломанной скамейке у входа, когда рассветет и их любимый преподаватель проснется. Женька бросилась было хлопотать насчет чая и чего-нибудь перекусить мужикам, но водитель, отрицательно покачав головой, попросил не задерживаться с отъездом, так что все прощались скомканно и второпях. Женя со спящей Нилочкой на руках села в кабину, а Петька удобно устроился в кузове на двух огромных мешках с сеном, что загодя приготовили для него заботливые оруженосцы. В дороге он не раз мысленно поблагодарил их за заботу и предусмотрительность.

Водитель был очень опытный, он умудрялся плавно проходить все ямы и ямки с ухабами на послевоенной дороге, так что домчались они по пустой утренней дороге до Одессы за неполный час. Фира, увидев своих, быстро напекла блинчиков, поставила на стол банку с вареньем и заварила чай. Радости и расспросам не было конца. Фердинандовна,

услышав, зашла проведать и, не спуская Нилочку с рук, даже выпила чашку чая, после чего, сославшись на неотложные дела и, скупно поблагодарив родственников за угощение, удалилась к себе. В больничку.

1931

Крупная рыба

Введение карточной системы в Одессе значительно осложнило жизнь горожанам. Жителям окрестных сел было чуть легче – огороды, сады, просто участки земли, пригодные для посева чего-либо съедобного, домашняя живность и дары заброшенных садов и виноградников значительно облегчали вопрос ежедневного пропитания семьи.

Одесситам... одесситам было намного сложнее.

Жители двора на Мельницкой старались вовсю – кто как может. Вот и Ксения решила взять на себя часть забот по снабжению собственной семьи. Тем более, она была совсем уже взрослая – четырнадцать.

Дочка русского отца и еврейской матери проявила в этом деле недюжинный талант и смогла удивить всех – и свою мать, и старших сестер.

Началось все с малого – с рыболовных крючков, которые работяги втихаря майстричили из кусков старых стальных тросов в железнодорожных мастерских, где работал Котька – старший брат Ксени.

Одесса – город морской, и крючки тут были и будут нужны всегда, при любой власти, и самые разные. Ксюша решила: раз начались каникулы – грех не помочь семье. Маяться в очередях могут и Женька с Нилой, а вот добыть чего-то на халяву сможет только она.

В первый день Ксения, как и все горожане, пришла на ближний причал просто дергать бычков. Она намотала на палец старую леску от удочек, лежащих в сарае уже много лет не востребованных, и, с насаженным на крючок кусочком мидии, выловленной тут же, через пару минут выудила своего первого в жизни крупного бычка.

Азарт ее окрылил, и уже через час к первому крючку были добавлены еще два – как у самых удачливых соседей. Но это не принесло никакого добавочного улова – в старом дырявом бидончике, опущенном наполовину в воду тут же, рядом, все так же плескался один-единственный бычок.

В полдень клев почти прекратился, и мальчишки-рыболовы, несмотря на достаточно прохладную воду, переквалифицировались

в ныряльщиков за мидиями, которыми ниже кромки воды заросли все причалы и прибрежные камни. Они вытаскивали их целыми семьями, больших и малых, без разбору, укладывали на куски рваных рыбачьих сетей, а устав, расходились по домам.

Вернуться домой с одной-единственной рыбешкой было невозможно, и Ксения выменяла три своих крючка на двух мелких бычков и одного пескаря. Ну хоть что-то, – сказала она себе.

Ну да – можно было бы нырнуть и за мидиями, прохладная вода была бы ей нипочем, однако нужен был еще какой-никакой нож, а еще и тара для доставки мидий живыми до дома на жаре... И самое главное – хоть какой-нибудь мало-мальски приличный купальный костюм. А уже хорошо обозначившаяся грудь делала для Ксени невозможным ныряние в трусах... Она ж уже не девочка, а почти барышня!

По дороге домой она старалась держаться теневой стороны улицы, потому что вода давно вытекла из дырявого бидона, и весь скудный улов на такой жаре мог испортиться.

Дома Фира, в лучших традициях Молдаванки, долго и громко нахваливала девочку, оповещая весь двор, какая она молодец, добытчица и кормилица. А вся семья вечером, под жиденюкую уху, снова и снова, в деталях, расспрашивала маленькую рыбачку, как все ей это удалось, и даже давала ей, как равной, советы, как ловить, когда и на какую наживку...

Но в конце общей трапезы Ксения неожиданно спросила у Котки: – А сколько крючков ты мне можешь принести?

И, не дождавшись ответа, уточнила:

– За так и за деньги... И почему?

Котька, опешивший, совершенно обалдевший от такого напора малявки, растерянно пообещал:

– Ну, я попрошаю...

– Попрошай, – кивнула Ксения. – Попрошай. И не забудь, а я к обеду подойду к тебе в мастерские, там и определимся...

Она помолчала и, увидев совершенно круглые глаза Котки, запоздало добавила:

– Ой, пожалуйста... Конечно пожалуйста, совсем забыла, как надо просить старшего братика...

Тут очнулся Котька:

– Пока не скажешь зачем, ничего тебе не будет!!!

А Ксения, помолчав, ответила:

– Конечно, Котенька, вот завтра, когда ты мне назовешь количество и цену, я тебе подробно все по полочкам разложу, а сейчас мне надо кое-что посчитать и обдумать. Мам, – кинулась, – мам, где у нас бумага и Лидкины старые счета?

Фира очень внимательно смотрела на дочь и не узнавала свою девочку.

Вроде все было по-прежнему, но что-то поменялось, причем кардинально. Вдруг Фира увидела в ней себя, ту далекую девочку, которая точно знала, что хочет.

И, сама того не ожидая, она сказала точно так же, как в свое время Гордеева:

– Моя девочка... моя кровь...

В спальне Ксении весь вечер и до поздней ночи горел свет и щелкали костяшки бухгалтерских счетов.

А в обед, как и договаривались, они встретились.

Котья молча передал сестре спичечный коробок с крючками и застыл выжидающе.

Ксения так же молча достала из торбы листок со столбиками цифр и взяла в руки карандаш:

– Ну? – подняла глаза. Тут же сухо уточнила: – Количество, цена, сроки поставки?

– Ах ты маленькая дрянь! – возмутился Котья. – А ну говори, зачем тебе все это надо?

– Да подожди, Котенька, – замахала руками Ксения. – Я все тебе расскажу, подробно. Ты только потерпи, мне ж посчитать надо до конца.

– Что посчитать?

– Наш интерес, – и она вынула из кошелки маленькие счета, почти детские.

– Ты где это взяла? У кого сперла?

– У соседней наших одолжила до вечера. Лидкины счета здоровые, в торбу не влезли... Какая разница! В конце концов, ты дашь мне цифры или нет?

Котья вынул клочок бумажки, назвал несколько цифр и добавил свои комментарии.

Но Ксения на них не обратила внимания – ей не нужны были пояснения, она хотела знать только цифры.

Котья от удивления не мог прийти в себя: его сестра, малявка неполных двенадцати лет, вдруг одномоментно превратилась в его старшую сестру – сосредоточенность, четкие и экономные движения, быстрые пометки карандашом и щелканье костяшек на миниатюрных счетах...

Он захотел заглянуть к ней в записи, но был остановлен взмахом руки – совсем как в давние времена, когда пытался полюбопытствовать, что там делает Лидка, и всегда был такой же останавливающий взмах руки или подзатыльник от нее, если проявлял настойчивое любопытство. Воспоминания были настолько явные, а жест Ксении столь же точен, что Котья инстинктивно потрогал затылок в том месте, по которому не единожды шлепала его крепенькая ладошка старшей сестры...

– Но-но, помаша мне тут еще своими грабками, – грубо произнес он.

– Сейчас-сейчас... минуточку... потерпи, пожалуйста, – не прерываясь, сказала Ксения.

Через несколько томительных минут, показавшихся Котье вечностью, она наконец рассказала ему о своем замысле.

Планы поначалу показались Котье утопичными, но мелкая была настойчива и все время тыкала пальчиком в разные цифры... В конце концов он сдался и пообещал, что на первом этапе поможет и обеспечит необходимое количество крючков.

– А вот стартовый капитал ищи сама, малявка, – снисходительно бросил. Потом вздохнул и честно признался: – Нет у меня свободных денег, да и вообще никаких нет... Зарплату с января не платят, то, что приношу домой по карточкам, отоваривают в нашем ОРСе в долг, под запись в книгу...

– Как это не платят? А ты требуй!!! Ты ж рабочий класс, а не буржуй какой-нибудь! – горячо воскликнула Ксения. – Борись там!

– Ладно, вали домой, борец за правду, перерыв у меня заканчивается, пойду я... – рассердился Котья.

– А как же... – начала Ксения.

– Все, я сказал! Дома договорим!

Такого поворота событий – отсутствие минимального стартового капитала – Ксения по своей неопытности и возрасту, конечно, не учла, тем более, что капитал-то был невелик. Но даже его не было!

Однако азарт уже захлестнул юную одесситку, и по дороге домой был придуман новый вариант получения результата.

Воплощать свои задумки девчонка начала прямо на следующий день.

Ранним утром на причале она громко объявила всем, что у нее есть крючки для обмена, очень уловистые, и тут же обозначила формулу обмена: один крючок – три больших бычка. И добавила: – Ну или пять десятков крупных мидий.

Многие хмыкнули: да кому он надо, такой грабительский обмен, но Ксения никак не отреагировала и стала ждать.

Первый день окончился ничем, как и второй, и третий... Дома и во дворе ей уже не стало проходу от насмешек – Котька не утерпел и всем всё рассказал. Даже Фира стала украдкой улыбаться, слыша бесконечные шутки по поводу коммерческого проекта своей младшенькой... А вот на четвертый день, когда на море поднялась сильная волна и многие рыбаки потеряли не по одному крючку, вытаскивая крупных особей, Ксения принесла домой пятнадцать отборных бычков, и это была уже серьезная заявка на победу.

Ну а далее все пошло практически по листочку, что был исписан Ксенией неделю назад... Более того, действительность даже обогнала ее самые смелые ожидания.

Все началось с малого – появилась отборная рыба, и Ксения сразу же повезла ее в центр Одессы – подальше от Привоза, поближе к богатым домам. Продала она весь улов очень быстро и выгодно, в одни руки, и сразу же получила заказ на следующую поставку. На вырученные деньги выкупила ранее заказанные крючки в паровозных мастерских и леску у барыг на Привозе. Добавила к ним партию грузил, купленных по дешевке тут же, у совершенно пьяного мастерового, – вот это уже был достойный стартовый капитал.

С этого дня Ксения больше никогда не ловила рыбу самостоятельно.

Она исправно снабжала своих поставщиков хорошими снастями для рыбалки, а через некоторое время взорвала весь мини-рынок

рыбацких снастей своим новым комплектом для добычи мидий.

Видимо, отцовские инженерные гены достались и ей – Ксения заказала у Котьки пробную партию ножей с пробковыми ручками, снабдила их шнурками для крепления к запястью и примитивными ножнами, которые крепились на ногу или руку с помощью веревочных завязок, а еще добавила в комплект проволочные садки с поплавками – чтоб не тонули. У добытчиков мидий сразу отпала необходимость выбрасывать улов на причал или на берег, а значит, они могли уже заплывать подальше в море – туда, где водились очень крупные экземпляры. Эти комплекты товара ушли на ура, и с Ксеньей никто не торговался – такие ножи не тонули, если выскальзывали случайно, их можно было просто выпускать из руки – страховочный шнурок не давал им уплыть далеко.

Девочка при этом поступила очень дальновидно, рискнув, конечно, – раздала первую дюжину ножей и садков самым удачливым малолетним добытчикам под честное слово, с обязательством рассчитаться отборным товаром, и не проиграла...

Гешефт принес маленькому коммерсанту небывалую известность – выигрыш был со всех сторон.

Отборный товар – рыба и мидии – уходил мгновенно и под заказ – для крупных доставок Ксения наняла нескольких прибрежных босяков, предварительно проверив их на малых партиях.

Самым важным клиентам товар передавала сама малолетняя хозяйка – ей все равно надо было собирать деньги, заказы, брать авансы, и этого она не передоверяла никому.

Слух о том, что появился поставщик хороших уловистых снастей, разошелся быстро, и остальные ножи и садки были мгновенно проданы всем желающим.

Постепенно первая дюжина ловцов мидий рассчиталась с Ксеньей, и она перешла к оплате денежной. Поскольку такой набор снастей дал возможность мальчишкам добывать хороших и крупных мидий, то Ксения забирала практически весь улов. Отборные экземпляры шли под заказ, более мелкие – продавались на Привозе оптом.

Крючки, которые оказались отменного качества, менялись на рыбу по старой схеме, ну и продавались барыгам на побережье и на Привозе.

Дома рыба не переводилась и в мастерские Котьке поставлялась регулярно, дабы не нарушать технологическую цепочку. Излишки ее и неходовая мелочь – все вялилось-сушилось. Всё это до боли напоминало то далекое счастливое и безоблачное время, когда семья жила на даче. И все чаще Фира шептала тихонько:

– Моя девочка, моя кровь...

Постепенно Ксения перезнакомилась с окрестными рыбаками, которые на чудом уцелевших шаландах выходили в море. Это позволило ей разнообразить ассортимент ставридкой, тюлькой, скумбрией, барабулькой и калканом. Отдельно в этом списке шли катран – черноморская акула – и камбала.

Почему-то они считались рыбой для бедных, однако знатоки и гурманы всегда, во все времена отдавали дань этим рыбкам, ценя их за вкусовые качества и высокое содержание белка. Кроме того, мясо катрана – довольно плотное и по вкусу очень напоминающее жарящуюся, – охотно закупали предприятия общепита.

Правду говоря, приработок на всех этих видах рыбы был не очень, однако такой товар выводил Ксению на иной уровень заказчиков. Вот тогда-то и свел случай родных сестер, – неожиданный, надо сказать, случай для обеих...

До Лиды очень быстро дошел слух о новом поставщике качественной рыбы. Ее знакомая подтвердила:

– Хороший товар, дороговато, правда, никогда не уступает в цене ни копейки, но уж больно хороша рыбка!

– А кто ж этот рыбачок? Может, я знаю его? – заинтересовалась Лида.

– Это Ксюша с Молдаванки, девчонка, совсем молоденькая.

– Молоденькая, говоришь, не уступает?.. Ну-ну... – Лида хищно улыбнулась. – А передай-ка ей, пожалуйста, и мой заказик: десять кило рыбы. Ассорти, так сказать.

– Да куда тебе столько? Пропадет же... Жара вон какая стоит уже месяц!

– Потом расскажу... И про цену на рыбку – тоже.

Через день ровно в 15–00 в дверь постучали. Открыла домработница.

– Рыбу заказывали?

– Мы ничего не покупаем и не заказываем!

– Хозяйку позовите!

– Иди отсюда, босота.

– Хозяйку позовите! Лидия Ивановна Ланге будет рада меня видеть, уверяю вас.

На шум вышла Лида, потому как Галина Ивановна, по-домашнему – Цербер, – больше двадцати секунд с незваными визитерами не разговаривала.

– Да кто там, Галина Ивановна?

– Здравствуйте, Лидия Ивановна, рыбку заказывали? – елеиным голосом ответила Ксения.

– ...Ты!.. Ты – Ксюша с Молдаванки?.. Ты?..

– Я. Вам ли не знать, как меня крестили? На один же ж горшок ходили, из одной кастрюли борщ ели! Может, пройдем на кухню, Лидия Ивановна, не на лестнице ж мне товар показывать?

– Хорошо, иди на кухню! – Кивнула нервно Лидия.

Ксюша аккуратно поставила корзину на пол и тут же, схватив здорового калкана, начала в стиле торговок с рыбного ряда крутить им перед носом Лидки и нахваливать товар, стараясь, как бы невзначай, мазнуть рыбьим хвостом по лицу сестрички. Лида беззлively уклонялась...

– Да вижу я, вижу! Все хорошо, все устраивает, сколько с меня причитается?

– По четыре рубля за кило, как договаривались.

– Я с тобой ни о чем не договаривалась! – взорвалась она. – Кому, что и по какой цене ты продаешь, меня не интересует! Я твоя старшая сестра, мы – одна семья, значит, и цена для меня должна быть иная, – отчеканила.

– Цена для всех одна – четыре рубля за кило! Дешевле не отдам! – возмутилась Ксюша.

Но Лидка не была бы Лидкой, если б не попробовала торговаться по старой схеме:

– Так, Ксюха, смотри: ты берешь у рыбаков на берегу катрана живым весом по рублю, плюс трамвай до центра, плюс услуги босяков – это еще 20 копеек на килограмме, а мне продаешь по четыре рубля, да я...

Но Ксения не дала закончить сестре ту знаменитую фразу, которую давно знала наизусть:

– По четыре рубля!!! Точка! Я знаю свой товар, и твое легендарное обещание «Прокляну и будешь без почина весь день» здесь не работает!.. Времена изменились, сестричка, моя рыбка по заказчикам расписана, и я никогда не остаюсь с товаром! Вечером у меня только деньги, а не тухлая рыба в корзине, запомни это раз и навсегда!

– Так – замахала руками Лида, – вот тебе двадцать рублей, и вали отсюда, пока я добрая!

– Мы договаривались по четыре рубля!!! Я не отдам товар по два, это ниже моей закупочной цены! – стояла на своем Ксения.

– Разговор окончен! Галина Ивановна, проводите девушку, она уходит... – закричала Лида.

На кухню моментально влетела Галина Ивановна и сделала недвусмысленный жест рукой в сторону выхода.

– Стерва ты, Лидка, – бросила Ксения и, проходя мимо, вырвала купюры из руки сестры.

– Ага... конечно, стерва. Еще какая, – захохотала Лида. – Учись, пока я жива, – добавила она в спину Ксении. – Ну что, Галина Ивановна, – довольно произнесла после того, как захлопнулась входная дверь. – Приступайте, у нас сегодня пир – рыба! Десять килограммов!

– Да куда ж столько, не одолеем!

– Я вас умоляю: приглашены десять человек, да мы с Николенькой, итого двенадцать персон... Ну а что останется, то – ваше, правила нашего дома вы знаете.

– Да как же это десять? Здесь всего килограмм пять с походом, не больше... – догнал Лиду на пороге ее комнаты вопрос Цербера.

– Как пять? – развернулась она удивленно. – Должно быть десять! Взвесьте и не морочьте мне голову своими подозрениями. Это моя родная сестра, к вашему сведению!

Контрольное взвешивание подтвердило правоту Цербера – пять с походом. Лида была вне себя от бешенства. Она пожаловалась было Николеньке, так кстати пришедшему домой, но тот, сославшись на занятость, произнес сакраментальную фразу – заклинание их семьи:

– Лидонька, ты ж у меня умная, придумай что-нибудь, – и поспешно удалился в кабинет, откуда тут же раздался язвительно-радостный, сдерживаемый изо всех сил, хохот. Лида задохнулась от

возмущения. Ну как же: сначала верная Цербер, на лице которой читалось явное превосходство и удовлетворение от прокола хозяйки, теперь вот такой домашний, покорный и затюканный Николенька искренне радовался тому, что его Лидочку объегорила какая-то малолетка! Да что там малолетка!! Родная сестра!!! Это было ни с чем не сравнимое унижение. Вечер прошел скомканно, потому как Николенька, хватанув несколько рюмок водки и, не испросив разрешения, поведал гостям историю с покупкой рыбы, представив все, как казалось ему, в максимально возможном юмористическом ключе... И теперь каждую усмешку и улыбку любого из гостей Лида воспринимала в штыки и все относила на свой счет. Гости быстро отужинали и раскланялись, а уже на лестнице дали волю своим эмоциям, и их веселый смех окончательно Лиду добил.

Цербер получила хорошую выволочку под надуманным предлогом и была оштрафована, Николенька благоразумно заперся в своем кабинете и на все стуки и призывы выйти отвечал, что крайне занят подготовкой доклада и просит его не беспокоить. И даже угроза отлучения от супружеского ложа не изменила его решения.

На следующий день Лида пришла на Молдаванку с печеньем и конфетами. Она была сама доброта и обаяние и всем домочадцам рассказала свою историю покупки. Как оказалось, ничто человеческое ей не чуждо, и рыбку хорошую она любит. Осетрина и стерлядь стали практически недоступны, но калкан, камбала или барабулька, при должной сноровке повара, очень даже вкусны и питательны, и она впредь собирается покупать еще и еще и, собственно, сейчас пришла именно за этим...

Ксюша молчала весь вечер, несмотря на все намеки Лиды и приглашающие жесты уединиться и поговорить с глазу на глаз.

Но Лида так просто не сдавалась. Да и опыт в переговорах и в торговле у нее был ого-го какой.

Она поняла, чем можно заинтересовать юную рыбачку.

– А если я тебе оптовиков обеспечу? Настоящих и постоянных? Справишься? И какая мне скидка будет за это?

– Это кого же? Что за оптовики такие? – не выдержала Ксения.

– Тех, кого ты даже не знаешь, они не на слуху, но закупки постоянные, ну и оплата по высшей категории. Возможен обмен на деликатесы... Хотя какой тебе прок с них...

– Я сама разберусь, какой мне с них прок. А что за деликатесы?

– Если надо будет, это потом обсудим. А какая мне скидка будет на рыбе? – в который раз переспросила Лида.

– Тебе и на рыбе – никакой, а вот твою долю с оптовиков можем обсудить прямо сейчас.

– Ха, делить шкуру неубитого медведя собралась? – съязвила Лида.

– Да ничего подобного! Обычная страховка в моем деле – вдруг твои оптовики откажутся, а может, мне их условия не подойдут? А скидку сегодня тебе подавай... Нет уж, научили уже меня... Больно наука далась... и дорого... Но она стоила того, вон как тебя корежит-то, а ты акула известная – о твоей хватке легенды по Одессе ходят...

– Ой, да кто там ходит?! Может, врут люди!

– Может... А если не врут?

– Ну и что? – снова спросила Лида.

– А то, что я чему-то в этой жизни научилась. И правильно делаю, а за такую науку не грех и заплатить.

– Ах ты дрянь малолетняя!!! – заорала Лидка. – Мама, мама, ты только послушай, что говорит эта мерзавка!!! Ты знаешь, как она меня подло обманула? Взяла деньги за 10 кил рыбы, а дала всего пять!!!

– Лида, это твоя сестра, а не мерзавка... – подала голос Фира. – Не забывай, что ты – моя дочь, и она тоже моя дочь... Я вас люблю и горжусь вами обеими, вы – плоть от плоти моей, я все слышала, и не собираюсь вмешиваться в ваш торг своим родительским одобрением или неодобрением. Разбирайтесь сами. Без оскорблений, я тут посижу, посмотрю на вас и послушаю...

– Лидка, – ухмыльнулась Ксения, – ты ж знала нашу цену и заказала 10 кил... В жару, в Одессе! Я сразу поняла, что ты свой обычный шахер-махер устроишь, поэтому поделила рыбу на две корзины... Кстати, с хорошим походом в обеих... В каждой по шесть кил... Ты ж моя сестра, дай, думаю, побалую роднулечку, если вдруг честно рассчитается... Одну дотащила к тебе на этаж, а со второй пацан внизу моего сигнала ждал... Так что не ори, сестричка, – рассчиталась за пять кг, пять и получила, да еще с таким походом, какой тебе ни на одном Привозе не дадут!

– Да я знаешь, что с тобой сделаю, малявка?!! – закричала вне себя от гнева Лида.

– Четыре рубля!!! Доля с оптовиков только после каждой поставки! Это мое последнее слово! – ледяным тоном процедила Ксения. – Надоела ты мне своими воплями.

– Мам... Ну скажи ж ты ей!!! – взмолилась Лида.

– Не-а, не буду... – засмеялась Фира. – А помнишь, как ты, малолетняя злюка, терроризировала меня на даче при расчете с наемными рабочими, требуя ничего им не платить и быть с ними пожестче?

– Не было такого, – обиделась Лидка. – Не было, я ж за семью боролась, за нас!

– Вот и Ксюшенька теперь борется за семью, за нас... Пришло ее время, и очень правильно борется, у тебя научилась, а учитель ты знатный, спасибо, дочечка.

Фира встала из-за стола, нежно поцеловала Лиду в щеку, потом подошла к Ксюше, ткнулась носом в ее макушку и сказала:

– Спасибо тебе, моя защита и опора.

И уже на пороге своей комнаты по-девичьи озорно хихикнула и, копируя Ксению, сказала в никуда:

– Четыре рубля!! Точка! – а потом, закрыв плотно дверь, прошептала сама себе: – Моя девочка... горжусь тобой, так держать!!!

Котька

Котька, младший сын Фиры и Ивана, никогда особыми талантами не блистал ни на производстве, ни в общественной жизни, ни в семье. На словах он умел делать все и знал все, на деле же – ничего не умел и не знал, более того, даже не стремился уметь и знать... Сестры не раз ему пеняли за неумение что-то починить в доме и даже дали ему тайную кличку – Рукожопый. А вот дамский угодник он был знатный, и в свои двадцать был самым известным ухажером на заводе имени Январского восстания. Он не пропускал ни одной юбки, его любовные похождения и интрижки с заводскими дамами разного возраста и разной комплекции регулярно становились достоянием общественности. Не единожды был он бит ревнивыми мужьями, и, по слухам, несколько гражданок даже травились из-за него. Причем это были не кисейные барышни-институтки, а рабочие девки из кузнечного горячего цеха, но все это легко сходило ему с рук, потому что ни одна из пострадавших ничего никому не говорила.

Но однажды две поварихи, комсомолки-ударницы, не смогли поделить Котика и устроили разборки с дракой прямо на кухне в заводской столовой, и половина работяг осталась без вожделенного обеда. А время было голодное, карточную систему не отменили, и администрация завода, совместно с ОРСом, – отделом рабочего снабжения, – всеми правдами и неправдами добывала продукты где могла, чтобы накормить сотрудников. Словом, урон был велик, справедливому возмущению не было предела, и несмотря на то, что обе драчливые поварихи опять ни слова не сказали о Котьке, по этому случаю было организовано собрание актива, где самые ретивые барышни предлагали отдать его под суд за вредительство и саботаж, а самые умеренные – выгнать с завода с «волчьим билетом», что в то время означало лишение продовольственных карточек и голодное существование. Председательствовала на собрании представитель райкома – женщина выдающаяся. В ней всего было много – тела, голоса, рук, ног, носа, губ... Необъятную грудь с трудом удерживала в себе потерявшая комиссарская кожанка. Венчала этот монумент кумачовая косынка. Дымила комиссар, как паровоз, прикуривая одну самокрутку от другой, причем самокрутки были заготовлены заранее,

и доставала она их из тяжелого серебряного портсигара. Такое нестандартное богатство и предусмотрительность вызвали оживленное обсуждение среди курящего люда, которое пробавлялось обычным самосадам и обрывками газет: все заметили, что самокрутки у комиссарши были из курительной бумаги – большая редкость по тем временам...

Собрание началось бурно, барышни вскакивали и обиженно-звонящими голосами бросали в сторону Котьки разные обвинения, мужики откровенно веселились и требовали если не доказательств, то хотя бы подробностей, после чего обвинительницы как-то сразу утрачивали боевой настрой, густо краснели и садились на место.

Закончилось все ничем, потому как три четверти этого актива составляли-таки барышни, а они, несмотря на многоэтажные и гневные слова в адрес нашего ловеласа, в последний момент, все как одна, отказались голосовать за увольнение, потому что когда ответчику, то есть Котьке, предоставили последнее слово, он включил, как говорили сестры, «кота-баюна» и заурчал бархатным голосом:

– Девочки, – с самой беззащитно-милой улыбкой начал он, – не надо ссориться из-за меня, вы все такие красивые, такие добрые и замечательные, я просто не могу выбрать, кто из вас самая-самая... Я вас всех люблю...

– Так женись! И дело с концом! Перестань портить девок! – неожиданно гневно и громогласно протрубила со своего председательского места комиссарша. Голос ее был настолько силен, что многие испуганно вздрогнули, и сразу же в комнате затих многоголосый гомон да и смешки.

– Я готов! Да хоть сегодня! Я вот только определиться не могу, мне правда все нравятся, – захлопал ресницами Котька.

– Ты нам тут голову не морочь! А то в два счета вылетишь с завода и под суд пойдешь! – бушевала райкомовская валькирия. – Отвечай – будешь жениться или нет?

– Я сильно извинюсь, дамы, и прошу собрание назначить мне жену, обещаю любить ее изо всех сил, – ляпнул испуганный комиссарским рыком Котька.

Это было очень неожиданно для всех присутствующих, и они просто повалились друг на друга, корчась от смеха.

Конечно, собрание было скомкано, и миссию свою комиссарша провалила с треском. Никакой резолюции принято не было, и она, гневно раздувая ноздри и закусив самокрутку, удалилась ни с чем.

Но для Котьки история имела не совсем приятный финал. Работяги оттащили его в темный угол, пару раз дали по ребрам и строго сказали:

– Так, Беззуб, кобелина, чтоб на заводе было тихо и мирно – находи себе девок на стороне, за заводским забором!

А вслед сразу добавили, что если он еще раз что-нибудь подобное учудит, то они его сами отлюбят всем коллективом.

Котька стал неузнаваем – нет, улыбаться бабам не перестал и пару комплиментов или просто ласковых словечек всегда находил для любой, но ни на миллиметр больше. Уж очень серьезные слова ему сказали товарищи по бригаде.

Трудиться лучше он, конечно, не стал – не тот характер, но ляжку свою тянул исправно, как все вокруг.

Но судьба всегда и всем дает шанс, главное – разглядеть его и не упустить.

Так было и с Котькой.

Осенью 1930 года в Одесском политехе группа изобретателей под руководством Жаботинского и Скобло спроектировала шестиколесный автомобиль повышенной проходимости.

Такой автомобиль, с колесной формулой 6'4, то есть четыре ведущих колеса, был очень нужен в армии и в народном хозяйстве. Автомобиль делали на базе единственного тогда доступного автомобиля «Форд-А». Заказ на изготовление опытного образца получил завод имени Январского восстания.

Вот тут неожиданно для всех и тем более для Котьки и наступил его звездный час. Попав случайно в группу рабочих и инженеров, которая занималась изготовлением опытного образца, он вдруг обнаружил в себе редкий для необразованного мастерового дар – он умел видеть детали в трехмерной проекции.

Дело в том, что изготовление опытного образца – это процесс с огромным количеством проб и ошибок. Тут сказывается несовершенство чертежей, неправильно подобранные материалы, да что там говорить – порой геометрия деталей на разных чертежах не совпадает – бывают множественные несостыковки из-за разных

допусков и ошибок в расчетах. Все это обычно не спеша доводится до кондиции в опытном образце. Но в данном случае сроки были очень сжатые – была уже назначена дата государственных испытаний.

Вот тут случайно и проявился талант Котьки – он как-то при изготовлении важного узла нового автомобиля сказал инженеру-куратору:

– Вот здесь и здесь, – он указал на места креплений, – есть ошибки в размерах, этот узел мы не сможем закрепить на штатное место.

Вечно спешащий, затюканный инженер отмахнулся от выскочки, но когда через три дня узел таки не встал на место, Котьку тут же призвали и потребовали объяснений: как он узнал и почему оказался прав?.. Даже куратора от НКВД пригласили, чтоб послушал.

Котька объяснил, что как только представил этот узел в объеме, сразу увидел ошибку. Ему не поверили, куратор велел принести остальные чертежи самых важных агрегатов и узлов и приказал Котьке проверить все и доложить, что он там углядел. Котька не подвел – нашел еще два таких места. Инженерная группа трижды перепроверила все расчеты и вынужденно признала правоту простого слесаря. С тех пор Беззуб был навечно прикреплен к опытному участку, и все чертежи теперь проходили через него. Сбылась его мечта – ничего не делать и получать хорошую зарплату.

По сравнению с предыдущей работой – слесарем в ремонтной бригаде – Котька действительно ничего не делал – приходил в семь утра в конторку опытного участка, садился за стол и открывал очередной чертеж, бегло просматривал и, если ничего не цепляло его внутреннее чувство «единства конструкции», откладывал его в сторону. Если просмотренный чертеж вызывал в нем чувство незавершенности – «царапал», как он иногда говорил, – то этот лист подвергался тщательной экспертизе, но это уже делал не он, а те инженеры, что составляли проект. Надо сказать, что ошибался в своих предчувствиях Беззуб крайне редко. И постепенно инженеры если и не признали его за своего, равного, но относиться с должным уважением к себе он их заставил.

Дома и на работе не раз обсуждалось: откуда эта способность видеть устройство в сборе, но ни Котька сам, ни его собеседники никакого путного объяснения этому не нашли.

К лету 1931 года опытная машина была собрана, прошла заводские испытания и после окончательной доработки и доводки была отправлена на испытания в Москву, и, конечно, Котька по праву был включен в официальную делегацию.

Машина была представлена Революционно-военному совету (РВС СССР) и управлению механизации и моторизации Красной армии. Она показала себя очень хорошо, и было принято решение о серийном производстве таких автомобилей.

В октябре 1931 года группа инженеров и рабочих-инструкторов с завода имени Январского восстания была отправлена на Ижорский завод, которому было поручено развертывание серийного производства броневедомостей на базе шестиколесной одесской трехоски.

В то время все делалось очень быстро, страна потихоньку готовилась к войне, и уже в декабре 1931 года работы по проектированию броневедомости были завершены.

Одесситы успели вернуться домой в семьи как раз к концу декабря.

Этот случай имел судьбоносное решение для Котьки – по окончании работы над шестиколесным автомобилем опытный участок не был свернут, и Беззуб продолжил работу за своим столом в конторке. Броневедомости надо было не только производить, но и ремонтировать, и именно его завод выполнял подобные заказы для Одесского военного округа.

1932

В бывшую квартиру Янкеля Фейгеля, аккуратно напротив Беззубов, которую уже пять лет снимали две белошвейки, Муся и Даша, постучали. На пороге стояла молодая Баба Яга. Тощая, оборванная, с огромным носом и крошечными запавшими глазами. Запах от нее шел по всему коридору. Помимо носа, у нее была еще одна выдающаяся особенность – косы. Две растрепанные, сваленные от пота и грязи практически в войлок рыжие косы. Каждая в кулак Гедали толщиной. Они болтались почти до бедер и так, похоже, раскачивали странную гостью, что она поневоле держалась за косяк.

– Дашечка, а шо, ты меня не впознаешь? – Баба Яга, оторвав от косяка руку, тиранула по лицу заскорузлым рукавом драного мужского пиджака. – Я – Феня, Агафья Сергеевна, сестра твоя сводная, – просипела.

Даша, нахмурившись, смотрела на гостью и на всякий случай дверь шире не открывала.

– И шо? Чего приехала? Сбежала из дому, что ли?

Феня по-детски скривила рот и, заткнув его кулаком, беззвучно затряслась:

– Все померли, – шепотом сообщила она, – все. Папа, Васенька, Муся, Серый, Ирочка... Мама... мама пошла колоски собирать на поле и не вернулась – там убивали тех, то зерно собирал... А может, от голода... Я побоялась на поле... Сначала малые померли... Опухли... Мама плакала, все пыталась им лободы в отваре дать и шиповника... а они... по одному. Любочка первая... У мамы молока не было...

Даша скрипнула зубами:

– Не надо было столько рожать – может, выжили бы!

– Что? – Феня подняла красные опухшие глаза.

– Да ничего. Заходи. Только аккуратно. С краю тут раздевайся. Сейчас вшей нам занесешь!

– Дашка, – громким шепотом прошипела Муся, – ну куда ее тут? Ну самим же не продохнуть? И ткани дорогие – а она, может, чумная?

– Сама ты чумная! – огрызнулась Даша. – Это моя сестра сводная. Слышала? У нас почти все село с голоду сдохло!

– А эта как выжила?

– А я знаю? Говорит, когда папа помер – глаза ему закрыла, на лицо рушник набросила и пошла из дома. А там на перекладных в Одессу добралась.

– Ага, так ее и взяли! Подмахнула, видать, кому-то.

– Ты ее видела? А нюхала? Кто ж позарится? Пусть уже отоспится, поест. Там решим, – решила Даша.

– Что-то тебя никто шибко не держал, когда ты в город рванула со своей Помошной!

– А что мне, перестарку, там делать? Смотреть, как новая жена папочке каждый год рожает? Десять душ детей! Шо та кошка. А мне смотреть за ними?! Нашли няньку!

На самом деле Фене несказанно повезло. Их сосед Фима еще до голода подрядился в Одессу работать биндюжником. Вокруг сел и полей стояли заградительные отряды. Полуживых крестьян не выпускали в города. Отлавливали, били, самых активных – расстреливали на месте. Хуже крепостного права. Фима с пропуском на себя как на работника порта прорвался в село, где остались его жена и годовалая дочь. Феня, выйдя на рассвете из мертвой хаты, услышала шорохи и детский всхлип за соседним забором и, пошатываясь и падая, пошла на звук.

В сарае дядя Фима притрушивал сеном лежащих в телеге жену и ребенка. Жена шептала: – Молчи, доченька, молчи, заклинаю, – и прижимала к себе полупрозрачную Соньку.

Феня покачнулась и уцепилась рукой за косяк:

– Дядь Фима, родненький, заберите меня...

– Феня, уходи, не могу, некуда.

Она рухнула на колени:

– Помогите! Всю жизнь за вас молиться буду, рабой буду, спасите! Дома все умерли...

Фима прятал мокрые глаза:

– Иди, деточка, места нету... Иди уже, не стой здесь...

Феня всхлипнула и не двинулась с места. Фима нахмурился:

– Я кому сказал?! Уйди – или вилами тебя сейчас!

Феня встала на четвереньки:

– А ты попробуй, – прохрипела. – Я заору сейчас. Так заору, что те красноармейцы примчатся и всех положат. Выгонишь – из села не выедешь. Я тебя сдам – не успеешь до околицы доехать.

– Вот сволочь! – сплюнул Фима. – Гнида! Залазь! И чтоб ни звука! Накануне он договорился за литр самогона, что его телегу пропустят не досматривая. Заехав в Одессу, он рывком выволок Феню из телеги:

– Вали отсюда! Глаза б мои тебя не видели!..

Она кланялась и бормотала сквозь слезы молитву вместе с благодарностями. Оставалась самая малость – разыскать сводную сестру...

– О боже! Это что?! – подскочила Муся.

В крошечное жилище Янкеля срочно требовался экзорцист, потому что звуки оттуда раздавались нечеловечески-пугающие. Какое-то гигантское животное издавало то ли рев, то ли свист со стоном. Подруги, оробев и подталкивая друг друга, заглянули с коридора в темную комнату. Когда глаза привыкли к полумраку, Муся и Даша увидели лежащую на полу Феню. Та, свернувшись на прикроватном коврикe, громко храпела.

Муся осторожно носком потыкала в костлявое бедро Фени: – А ну на бок ляг, а то я тебя подушкой удавлю!

Наутро Даша отвела Феню в санпропускник. Баня, чистое белье. И тут случился конфуз. Феня рыдала и орала – стричь свои кишасище вшами косы она наотрез оказалась.

– НЕЕЕТ!!! Я той позор не переживу! Дашенька, отпусти, я лучше под забором спать буду! Я ж не покрывка – как это, косы стричь!

– Да ладно, мы брить не будем, дура! Обрежем под каре. Будешь как городская, модная, – стали увещевать ее санитарки.

– Никогда! Я руки на себя наложу! И Боженька вас покарает! Что значит незайману стричь!

По деревенским понятиям, косы обрезали только гулящим и пойманым за срамным делом до свадьбы – несмываемый позор на всю загубленную жизнь.

Даша, шипя, оплатила санитарке помывку. Косы залили карбофосом, а потом нещадно вычесали частым гребнем, ободрав, наверное, половину.

Из санпропускника Феня вышла бледно-мятая, как мартовский картофель, с поредевшими, но по-прежнему толстенными рыжеватыми косами. В чистой сорочке, в примотанных бечевкой к ногам Дашкиных

галошах. Она, открыв рот, смотрела на улицы и лавки. – Сколько еды! Сколько же тут еды! – удивлялась вслух.

– Да какой еды? Очереди на полдня! Хлеба нормального не достать. Мяса уже месяц не видели! – возмущалась Дашка.

– Мы ее не прокормим! – ворчала Муся на коридоре. Феня кидалась помогать и подбирать все ниточки-обрезки, намывала их комнату и ела, ела, ела...

Даша также шепотом огрызалась:

– Муся, она вчера достала очистки из ведра, проварила и съела и причитала, что столько еды пропадает... Не ругайся! Я даже представить не могу, что она там пережила. Я что-нибудь придумаю.

– Придумает она! Я боюсь ее уже – твоя Фенька нас как-нибудь ночью сожрет! И кости твои обглодает!

И тут к Даше приехала немка Эмма из Люстдорфской слободы за заказом. Она внимательно осмотрела вышитые вензелями кипенно-белые льняные простыни и наволочки в сложных мерезках, проверила изнанку без единого узелка в вышивке.

– Отличная работа, – признала. – Только когда спать на них, непонятно, – вздохнула, протягивая деньги. – У Пау... У Павла идут зубки, вообще не спим, дом запустила... И не найдешь никого в помощь толкового.

Муся оторвалась от пялец:

– А вы угол и харчи даете?

Эмма приподняла бровь:

– Разумеется. Еду. И жалованье. Скромное, но регулярно. Так никто не хочет – молодую я сама не возьму, а старые – они все какие-то при смерти приходят.

Даша укоризненно свела брови и стрельнула глазами, но Муся не прекращала:

– Есть у меня молодая. Работящая, с детьми умеет. И гарантирую – ваш муж точно не позарится.

Даша покраснела:

– Извините, пожалуйста, вам завернуть?

– Заверни, конечно. Так что там нянька?

– И нянька, и домработница! Фе-ее-ня-я-я! – уже орала в окно Муся. – Иди сюда! Быстро!

Фрау Эмма внимательно осмотрела Феню.

– Тебе сколько?

– Пятнадцать. Я все умею! И шить, и стирать, и белить, и огород! – затарахтела она.

– Огорода нет, – поморщилась Эмма. – На остальное посмотрим. Где там твои вещи? Пошли уже.

– А у меня нет вещей, – простодушно призналась Феня. – Совсем. Даша снова густо покраснела:

– Она две недели назад приехала. Сводная сестра. Круглая сирота.

– А, ну так даже лучше. Корзинку мою бери. Мне нельзя тяжелое. – Эмма царственно взмахнула рукой и вышла за дверь.

Феня бросилась душить в объятьях Дашу:

– Дашка, родная моя, – между поцелуями шептала она, – Дашечка, спасибо!

Даша отцепила от себя Феню и неожиданно для себя всхлипнула:

– Ладно тебе! Заходи в гости, как устроишься.

Феня устроилась. Через три месяца он наконец-то отъелась и перестала прятать хлебные корки в наволочку.

1933

Новый любовник Риты Гордеевой был, пожалуй, самой завидной и выгодной партией Одессы – сам директор Торгсина.

Торгсин (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами) – это были заповедные райские кущи, куда простым советским гражданам изначально хода не было. Там торговали только за валюту. Точнее – за специальные купоны-бонны, на которые эту валюту меняли. Страна задыхалась – для плана индустриализации и подъема промышленности нужны были станки, а для их закупки за границей – валюта. Продажи музейных и экспроприированных ценностей необходимых сумм не приносили. Валюту решили получать... со всех приезжающих иностранцев. В Торгсине можно было отовариться тем, что не найдешь на полках магазинов, особенно по завершении нэпа. Меха, драгоценности, антиквариат, деликатесы... Все, что интересовало иностранцев, было там в изобилии и по адекватным ценам.

Но при всем изобилии и успехе предприятия – аппетиты определенных слоев населения росли быстрее прибыли. Вот тогда-то и стал всесоюзным гениальный замысел директора московского универмага номер один – менять еду и товары на золото и ценности. Не хватает пайки? Лишенец? Хочешь ткань на платье или шубу? Или просто сливочного масла и муки? – Добро пожаловать! Тем более, что золото принималось по весу на лом, будь то мастерская Фаберже или золотые коронки. Камни выковыривались и после беглого осмотра на ценность в подавляющем большинстве подлежали... просто уничтожению. Простор для обогащения причастных к всесоюзной заготовке золота был просто безграничен.

Ритка, по ее официальной версии, еще два раза возвращалась к своему прежнему покровителю и уходила от него, и в финале так и не простила старому козлу Феде его вечное самодурство и придирки. Ее прозорливая мать Елена Фердинандовна вслух подозревала, что это, наоборот, Федя оказался не козлом, а оленем, и решился наконец-таки сбросить рога вместе с их виновницей. В любом случае очередное совместное проживание взрослой дочери и властной матери оптимизма обеим не добавляло. Тем более что Рита была

приспособлена к танцам, смеху, фруктам, катаниям в автомобилях, а не к добыче и приготовлению еды. Мамин медицинский спартанский быт ее угнетал сильнее безденежья. Чтобы побороть уныние, Рита достала шкатулку с воспоминаниями о прошлой жизни и выловила нелюбимый золотой перстень. Ничто так не поддержит моральный дух и не вдохновит на новые свершения девушку, как новое платье. А поменять это ювелирное воплощение неблагодарного безвкусного Феди на китайский шелк было отличным решением.

Рита принарядилась и надушилась, чтобы не подумали, что она какая-то нуждающаяся. И, отстояв очередь, толкнула дверь в свою новую жизнь. За стойкой приема и оценки в этот день стоял сам директор, Самуил Аронович. И перстень оказался талисманом похлеще пушкинского.

– Хорошая вещь, добротная. Вес камня, правда, не учитывается, стекло... – традиционно начал он.

– Ой, да и не считайте. Округлите, как вам удобно, – Рита улыбнулась из-под натянутой на глаза шляпки. Самуил Аронович еще не видел глаз и изогнутых тонких бровей. Но этот крошечный алый вампирский рот и руки на конторке...

– М-м, мадам шикаует. Я выпишу вам пять... ладно, семь боннов.

– Я в этом ничего не понимаю. Мне нужно два метра приличного шелка. Этой безвкусицы хватит? – с деланным равнодушием томно выдохнула Ритка.

Самуил Аронович удивленно уставился на посетительницу. Его отделение на Преображенской, в отличие от шикарного портового Торгсина с кельнершами и отдельными кабинетами для капитанов, было местом скорби, отчаяния и прощания с родовой памятью за кусок хлеба.

– Я смотрю, вы таки не нуждаетесь.

– Разве что в любви и понимании... – Рита подняла голову и посмотрела на директора.

– Что мне сделать, чтобы удержать этого ангела рядом? – заявит он за ужином в ресторане. Рита разрешит поцеловать ручку и беззащитное плечико, а потом сошлетя на старушку мать и упорхнет домой. После неудачи с Федей форсировать события она не станет. На работу помощницей товароведа Рита Гордеева будет принята на следующий день. И тут начнется самое интересное. Если

в заграничных товарах, деликатесах и мануфактурах Ритка разбиралась отлично, то правильно оценить уровень и стоимость ювелирных изделий, которые оголодавшие горожане и жители окрестных сел несли в Торгсин, она не могла. Одно понимала точно: диадема в камнях точно стоит дороже лома. К диадеме прилагались сережки и предложение Самуила Ароновича переехать в его квартиру на Дворянской. По-женски она чувствовала, что с решением затягивать не стоит. Рита рассматривала диадему, точно не понимая, во сколько оценил ее любовь новый потенциальный кормилец. Ей надо было по-крупному, а не тратить свою уходящую вторую молодость на недолгий роман с жадиной. Как же узнать? Огорченная, она вышла с папироской на коридор – злобная мать запрещала ей курить в комнате. И тут через двор проплыла Лидка Беззуб. Та еще выдра. Но с такими связями и возможностями, что Рита мысленно шепнула: «Благодарю, Боженька» и рванула к Беззубам. Она отлично знала, чем подкупить заносчивую Лидку.

– Лидочка, нужен твой совет. Ты же лучшая по всяким диковинкам. С твоими знаниями и вкусом только ты сможешь разобраться. Вот серьги предлагают купить. Понравились мне, а я даже не знаю... Вдруг ерунда какая-то, а просят неприлично много.

Рита разжала ладонь и увидела, как хищно вспыхнули Лидкины глаза:

– Сколько хотят?

Ритка от фонаря назвала фантастическую, по ее понятиям, сумму, равную годовому заработку завотделения госпиталя. Лидка не выпускала серьги из рук:

– Бери. Даже не думай. Эти фантики кому нужны? А цена серьгам минимум в два раза больше. И это если просто камни из них выковырять. Тут бриллианты чистой воды. А в изделии еще дороже. Тонкая работа. Под заказ. Я таких еще не встречала. А там, – она понизила голос, – там, где продают, еще есть что-то такое?

– Ко мне зайди, когда освободишься, – Ритка кивнула за спину Лиды. Та обернулась: сзади за столом сидела Ксюха, которая замерла и даже приподнялась над стулом, чтобы лучше слышать.

– Что уши греешь? Кыш отсюда, зараза! Я зайду. Обязательно!

Диадема привела Лиду в полнейший восторг, а роман с директором Торгсина в крайне охотничье возбуждение.

– Значит, так, – Лида на глазах у изумленной Ритки составляла схему: – Все, что похоже на сильно старое или сильно дорогое или с камнями, – сможете на полсуток придержать? Ну там – проверка, туда-сюда, другая дата в накладных, а я буду смотреть и сразу забирать. На реализацию. Цену буду давать хорошую... – Она запнулась, – с учетом моего интереса и рисков.

Рита не знала, как крутить гешефты, но крутить мужчинами она умела виртуозно. Самуил Аронович сперва насторожился. Он не хотел посторонних в доме и в магазине и тем более темных схем с непонятными подружками. А вдруг это очередная зачистка, и Ритку подослали для проверки? Но она не сдавалась. Тем более что Лида, почуяв большой куш, снова и снова описывала ей такие перспективы и прибыли, что можно было всерьез задуматься о своем доме с прислугой. За годы содержания Ритка усвоила – «французской любовью» можно получить или исправить практически все. После совершенно неожиданных и новых для консервативного директора доказательств любви и благодарности он, не попадая после испытанного ни ногой в штанину, ни ложкой в стакан, согласился на встречу с Лидой. Та хотела брать на реализацию, но даже ее хваленой хватке было далеко до незаметного маленького кругленького человечка, отхватившего такое место и державшегося в должности второй год без единого зафиксированного нарушения. Никаких реализаций – только моментальная покупка. Пришлось соглашаться.

Лида накапливала за пару недель несколько достойных экземпляров, а потом перепродавала их втридорога. Директор Торгсина при всех опасениях максимально устранился: во-первых – дополнительный очень выгодный рынок сбыта, во-вторых – деньги сразу и в-третьих, всеми передачами товара заправляла его учетчица Рита Гордеева и в крайнем случае – можно было сослаться только на ее преступление. Разумеется, самую крупную и ценную добычу и драгоценные камни, а в них он разбирался не хуже штатного оценщика, он оставлял себе, а женские дорогие безделушки отлично шли мимо правительственной кассы к Лиде.

В их схеме было только одно слабое место – все принятые ценности по весу заносились в ведомость и шли на лом. То есть если в Торгсин зашло сто грамм золота в любом виде – то сто грамм должно было быть сданным. На первое время хватало Лидкиных, а точнее

Николенькиных запасов царских червонцев. А дальше при любых товарообменах, деньгах или услугах обычного золота перекрыть отданные на сторону драгоценности стало не хватать.

– Нет лома – нет продаж, – спокойно сообщил Самуил Яковлевич. И это звучало так убедительно, что Лида даже не спорила.

– Найдешь лом – добро пожаловать. А пока – лавочка закрыта.

Милой Риточке он также сообщил, что его любимый котенок вылетит в два счета из дома и с работы, если попробует что-то темнить без его ведома.

– Пойми, солнышко, – ласково закончил он, – в Торгсинах по Союзу чистки ежедневные, и если за обвешивание можно просто вылететь с работы и схлопотать лет десять, то за ваши с Лидочкой гешефты и тебя, и меня, и ее за компанию поставят к стенке здесь же во дворе. Бух! И высшая мера социальной защиты прямо в твой фарфоровый лобик. Вот сюда, – он пухлым коротким пальчиком легонько ткнул ей между бровей.

Чутье не подвело. На следующей неделе по всем многочисленным конторам Торгсина разошлось циркулярное письмо из управления с уведомлением о расстреле расхитителей социалистической собственности в Торгсине и призыв «побольше бдительности». Это была очередная показательная казнь, которая, разумеется, всех напугала, но никого не остановила. Только по официальным данным Торгсин в год безвозвратно терял больше миллиона рублей золотом на мошенничестве сотрудников.

Рита со слезами перебирала уходящие мимо нее сокровища.

– Деточка, – целовал ей руку Самуил Аронович, – не гневи Бога, ты своими теплыми ботиночками каждый день перешагиваешь через трупы тех, кто не успел отоварить свои бонны. И заметь, они ждали не шелк, не икру, а хлеб.

Ситуация вокруг Одессы действительно была катастрофической – у селян, радовавшихся высылке или просто ликвидации кулаков, стали отнимать и личные огороды, и все, что они на них вырастили в свободное от трудов на колхозных полях время. Унести хоть немного с колхозного поля – было невозможно, за три колоска – расстрел на месте. Любые излишки разыскивались и изымались. В тридцать втором – тридцать третьем крестьяне были вынуждены выкупать за золото у государства ими же выращенный и отобранный хлеб. Уехать

из республики было нельзя – железнодорожные билеты крестьянам не продавали. Городские хлебные карточки за пределами города не отоваривались. К рукотворному государственному апокалипсису добавились засуха и неурожай. Многие приехавшие с последним серебряным нательным крестом и окладом с семейной иконы умирали у стен магазина. В Торгсинах стали централизованно задерживать поставки самого ходового и дешевого продовольствия – муки, круп, хлеба. Получив бонны, обменять их на еду десятки людей не успевали, умирая в очередях здесь же, в центре Одессы, на Преображенской...

А вот идейные иностранные моряки, посещавшие другой одесский Торгсин, в порту, часто негодовали, что это не советский магазин, а настоящий бордель с шикарными девочками, кельнершами, которые любят дорогие подарки, – разумеется, те продавались тут же: пудра, чулки, духи, шампанское... Проститутки в Торгсине делились на несколько видов – одни «халтурили» после основной работы на заводах и в конторах, другие, удачливые и талантливые, перешли под крыло госконторы с прилегающих к порту улиц, ну и третьи – идейные, помогали стране добывать валюту. Кроме эффектной внешности, все девочки в обязательном порядке сотрудничали с НКВД. Все буржуазные «перегибы» и отсутствие в продаже советских агитационных материалов были известны и союзному руководству Торгсина, и местным чекистам, но «цель оправдывает средства». По данным за тридцать третий год, продажа музейных ценностей и экспроприированных шедевров государством на мировом рынке принесла чуть больше двадцати миллионов, а Торгсин за тот же год добыл золотом двести шестьдесят семь. Не считая хищений на местах.

Лида бесилась от бессилия – она тоже понимала, насколько этот прибыльный и красивый бизнес опасен для жизни. И искала любые возможности. В этот раз она зашла издалека и с джокера – на ближайшем журфиксе отозвала в сторону Ирода:

– У меня для вас подарок. Поклянитесь не спрашивать – где, у кого, как и за сколько.

Василий Петрович скривил губы и посмотрел на Лиду. Та протянула крошечную коробочку.

– Вы как-то обмолвились про пажеский корпус в прошлой жизни? Если не ошибаюсь, там было много сторонников этого, хм-м,

философского течения.

Ирод со скучающим лицом открыл коробочку и замер – в ней лежала масонская подвеска восемнадцатого градуса – «Рыцарь розы и креста». Он хищно ухмыльнулся.

– Ах, какая волшебница! Где ж вы ее... а, ну да, не спрашивать... Ну что вы, Лидочка, у меня всего-то третья степень, и то в прошлой жизни.

– Я думаю, все еще впереди, – подмигнула Лида и ушла к гостям.

«Или давно позади», – подумал Ирод. Пажеский его Императорского Величества корпус, беззаботная юность, дерзкие шалости, первая любовь, сладкий грех, и да, конечно, все поголовно грезили масонским орденом. Но, увы, младше двадцати пяти туда зачислили только одного воспитанника – покойного декабриста Пестеля. Ирод с удовольствием рассматривал дорогую игрушку – редкая вещица. Ценная. «Ах Лидочка-Лидочка, – думал он, – за такой подарок – с меня твоя спасенная шкура в любой зачистке. Порадовала».

Ксюша

Ксения Ивановна Беззуб в шестнадцать лет тоже нашла свою страсть: не антиквариат, как Лида, не рисование и революцию, как Анька, не стрельбу, как Женька. Она обожала цифры. Вся женская половина клана Беззуб была рождена со счетами в голове. Математические способности Фиры усиливались папиным инженерным талантом. Но Ксения была чертовым гением. Она их видела – цифры. И связь между ними, и схемы, и механизмы влияния... Алгебра и геометрия были ее любимыми предметами. И больше всего ей хотелось туда, где цифрами можно было играть и выигрывать. Она не обладала чутьем и интуицией Лиды, но видела системы и слабые места в них. Цифры были объемными, они меняли цвет, тревожно мигали красным, загадочно фосфоресцировали, тускнели при неэффективной работе... Ксения каким-то внутренним зрением чуяла их. Поэтому жадно изучала правила. Летом она поступит на математический факультет высших женских курсов. А пока горит от подслушанного первого разговора Лиды и Риты. Ксения где-то в голове, внутренним зрением отчетливо увидела полупрозрачную кристаллическую структуру – схему. О да, вот где деньги и обороты – это не бычки перепродавать с чистой прибылью в пятнадцать процентов – жалкие крохи! Цифры! Они все решают – вот позвали бы к себе – я бы враз придумала, как там замутить...

Но старшая сестра, Лидка, даже на миллиметр не подпустила Ксению к ее гешефтам с Риткой. Понять принцип работы черной и белой бухгалтерии, увидеть закономерности и выстроить новые конструкции – что может быть интереснее? И Ксения пойдет устраиваться младшим счетоводом с символической зарплатой и минимальной пайкой. Зарботок ее не интересовал – только знания, принцип работы. Она бы еще столько же приплачивала, если бы ее согласились учить.

А тут и лето. Ксения выматывалась, но успевала хоть и в меньшем объеме, но вернуться к своему «рыбному промыслу», оставив всего десяток самых любимых и беспроблемных клиентов. Прибыль была ничтожной, но она не гнушалась любой работы, тем более с такими связями и знакомствами. Ехала за бычком в Аркадию на пятом

трамвайчике и от скуки подглядывала искоса в газету, которую читала удобно разместившаяся на полутора сиденьях дама в шляпке, с подстилкой на плече и сумкой еды. На первой полосе «Черноморской коммуны» от 20 июля мелькнула новость: «Нарком торговли, тов. Микоян во время пребывания в Одессе предложил развернуть сеть ресторанов открытого типа, полностью доступных для широкой массы приезжих курортников. Часть таких ресторанов открываются в Аркадии, на Куяльнике, 16 станции Фонтана, а остальные – в городе в помещении быв. Робина, Печеского, «Квисисана». Часть ресторанов уже функционируют».

Вот оно! – чуть не подпрыгнула Ксения. Ах, если бы сейчас можно было расцеловать товарища Микояна за такую идею! Она перед тем, как забрать заказанных бычков, пройдет по аллее и повернет сначала налево, а затем направо, чтобы изучить «рынок». Брать рыбу у рыбаков и тут же сдавать улов оптом в новые открытые рестораны! Вот это идея! Ай, спасибо, товарищ Микоян! Две недели Ксения наводила мосты и заключала первые контракты на уровне рукопожатий.

С одной из летних точек, стоявших почти на отшибе в конце тропы, Ксения вела подрывные разговоры с поваром:

– Алексей Петрович, ну скажите, ну зачем вам тот посредник? И что, что он закупщик? Вам озвучить, почему он у меня берет и сколько по вашей ведомости записывает? Я, конечно, сильно рискую нарваться на немилость, но я хочу помочь. И вам, и себе. Вы же главный повар! А я могу до рыбы еще и деликатесов достать. Надо?

Повар Алексей Петрович задержит оплату на день, извинится, скажет, что начальство хочет посмотреть на нее, и попросит, чтобы Ксения заехала вечером – на разговор. Он представит младшую Беззуб директору ресторана Ефиму Григорьевичу, как «ту самую рыбачку – второй год у нее беру». После часа упоительных торгов, уже без повара, они пришли к деловому соглашению, которое первой нарушила Ксения.

Она пойдет под вечер через неделю знакомства, с корзиной, накрытой вышитым рушником.

– Там не рыба, там другое! – заявит. – Мне до хозяина надо.

– Я не хозяин, а директор, – отшутится Ефим Григорьевич.

– Хочу вам предложение сделать, – вздохнула Ксения и, улыбнувшись, стала метать из корзинки всякие недосыгаемые

деликатесы – икру, вяленую конину, французский коньяк...

– Деточка, у нас все поставки через коопторг! – воскликнул директор. – Да и в меню даже блюд нет с такой роскошью!

Ксения не сдавалась:

– А если у меня дешевле, чем в коопторге? А в меню зачем все описывать? Для особых гостей – особое меню. А я накладную, как у коопторга, подпишу по вашей цене? А?

– От цикавая какая! – поднял брови Ефим. – Что ты пристала, как банный лист до... спины? Вот кто ты такая, что это за контора, чтобы я с тобой договора оформлял? Иди, дитё...

– Я на экономический поступила! – воскликнула Ксения. – С математического перевелась. Мне практика нужна! Школа жизни! И работа. Возьмите к себе – счетоводом, помощником товароведа, – взмолилась.

– Официанткой, – отрубил Ефим Григорьевич. – Официанткой на вторую смену с обеда могу взять. Школа будет – мама не горюй.

– Завтра во сколько быть? – оживилась Ксения.

– В два сможешь? Иди уже! И цапки свои собирай, – засмеялся директор.

Ксения захлопала в ладоши: – Спасибо! А это вообще вам, – гостинчик, ну или пробничек! – и чуть ли не бегом припустила.

– Спецменю для спецгостей... – посмотрел он. – Хмм...

«Толковая деваха», – подумал, отодвигая ящичек письменного стола, называемый в народе шухлядкой, где лежало отпечатанное на тонкой папиросной бумаге специальное меню – для «своих», которое вкладывалось вечерами в обычное. «Своими» были влиятельные чиновники, директора предприятий, выгуливающие своих партнеров из других городов и даже стран, номенклатурные работники и из особо приближенного частного сектора.

– А кстати, почему мы не закупаем на неделю овощи и не экономим? – поймала Ксения вышедшего в тенек на перекур директора.

– Э-э, – закашлялся он. – Ну, так, потому что надо свежатину людям давать!

– Видела я ту свежатину! – хмыкнула она.

– Спецторг! Есть система заказов. Она отработана. Она официальная, – как по писаному отвечал Ефим Григорьевич.

– А если заказывать у них один раз в неделю, а остальное – добирать на рынке?

– А... а как я это учту?

– В отдельной тетради! – выпалила торжествующе Ксения. – Вашим же ж спецстолам в беседочке решительно все равно, откуда камбала и шашлык. Да и кормите вы их тем, чего у нас как бы нет. Я же знаю, я их обслуживала на той неделе.

– Доця, – устало отмахнулся от нее Ефим Григорьевич, – много будешь знать, скоро состаришься...

– Какая я вам доця?! – фыркнула Ксения. – Вы меня всего на тринадцать лет старше! Хотела бы я на такого папашу взглянуть!

Ефим Григорьевич с нескрываемым удивлением посмотрел на Ксюшу.

– От тут не понял, а тебе сколько?

– Да совершеннолетняя уже! – с вызовом ответила она, выпрямившись, и точно как все женщины их рода – уперла руку в бедро и задрала нос.

Ефим смутился. Девчонку эту он считал бойкой, толковой малышкой и ни разу не смотрел как на барышню.

Ксения неожиданно схватила его за рукав:

– Научите меня, пожалуйста!

– Чему? – остолбенел директор.

– Известно чему – черной бухгалтерии. Умоляю! Что хотите сделаю? Тело мое, например, интересует?

Ефим поперхнулся и закашлялся:

– Беззуб! Да ты что? Спятила?! Такое предлагать? А еще и комсомолка!

– Не хотите – не надо. По-моему, нормальный обмен товаром.

– Господи... так сколько тебе? Шестнадцать? А рассуждаешь, как бесстыжая падшая женщина!

– Ой, если бы падшие женщины хоть немного рассуждали, могли бы так низко не падать и денег еще и другими местами зарабатывать, – парировала Ксения. – Я хочу научиться. Деньгами я вас вряд ли заинтересую – таких сумм пока не заработала. Но у всего есть цена. У вас, у меня, у этих схем. И я эти знания получу – не у вас, так в другом месте. Деликатесы? Мануфактура? Что достать? Что сделать?

– Кошмар какой-то! Домогательства на рабочем месте! – простонал Ефим Григорьевич. – На́, вот адрес – придешь с утра в воскресенье. Кое-что покажу, что сам знаю.

После урока Ксюша задала, наверное, с полсотни уточняющих вопросов, а потом ткнула карандашом в две позиции:

– А здесь же ж можно проколоться: если погрыз мышей, например, или естественная усушка, можно просчитать среднее арифметическое по соседям, а если сильно не совпадет – заметут...

Ефим покачал головой: – Откуда ж ты свалилась на мою бедную голову!

А Ксения в это время скинула туфли и повернулась к нему спиной:

– Платье расстегните, а то мне неудобно, там пуговицы маленькие...

– Ну как-то это все же не по-людски, – расстегивая пуговицы, бормотал наставник, но Ксюша уже повернулась к нему лицом и обняла за шею...

Что может быть более беззащитным и более нелепым, чем мужчина в кальсонах? Только мужчина в кальсонах и носках...

– Какой ужас! Ужас! – сокрушался уже не Ефим Григорьевич, а просто Фима, стоя у постели в одних тонких кальсонах. – Почему ты не сказала, что ты девочка еще?

– А какая разница? – Ксения села на кровати. – Все равно это когда-нибудь случилось бы.

– Так неправильно!

– Кто сказал? – засмеялась она. – Это был честный договор. И вообще – мне даже понравилось. Пугали, что будет больно.

– Такое чувство, что это не я, а ты меня совратила, – присел рядом с ней начальник.

Ксения опустила сбитые белые ноги на коврик и прислонилась к его плечу:

– Можно, я больше не буду работать официанткой? А, Ефим Григорьевич? Я людей люблю только по свою сторону стола. Можно товароведом?

– Можно, – махнул рукой он. – А можно, тогда уже не Ефим Григорьевич, а просто Фима, раз... раз тебе понравилось?

– Хочешь повторить? – Ксения толкнула его плечом.

– Но бухгалтерии на сегодня больше не будет!

– Ладно, – хихикнула она, – прокредитую...

Помимо феноменальных криминально-математических способностей Ксене достался еще один дар – легкость. Она, несмотря на свои развитые не по годам формы, была легкой на подъем и на смех, она интересовалась жизнью и докапывалась с вопросами, легко знакомилась, так же все легко забывала. И ее первый сексуальный опыт стал таким же легким. Она получала удовольствие от жизни. В первую очередь – от себя, потом – от цифр, с которыми она так ловко управлялась. Ксения была воплощением греческого гедонизма, поэтому эта довольная улыбка счастливого беззаботного человека притягивала, как магнит, любые нужные встречи, контакты или варианты. Она обезоруживала любого правдолюба и неподкупного инспектора.

– Мы уже договорились! Или? – Фима удивлялся, как то, что он делал в тайне, крошечными миллиметровыми шажками выстраивая свое благосостояние, эта малолетка может решить за день взмахом ресниц. Надо отдать должное, телом Ксения не торговала. Это был козырь для самых особенных случаев – вроде вхождения в пляжно-ресторанный бизнес.

Фиму это совершенно мужское рассудочно-потребительское отношение к собственному телу периодически обескураживало. Ксения не искала встреч, не боялась беременностей, не хотела развития отношений или романтики. Ее и так все вполне устраивало. Общая коммерция и общая разрядка. Разумеется, такое наплевательски-веселое общение сделало свое дело, точно по законам жанра, – Ефим Григорьевич не на шутку влюбился.

– Ксюша, давай в воскресенье пойдем к тебе.

– С ума сошел? Там мама, Женька с Нилой, Петя, я уж про соседей молчу! Чем тебе здесь плохо?

– Я хочу познакомиться с твоей мамой.

– Зачем?! – округлила глаза Ксения. – Что ты ей скажешь? Я начальник вашей дочери, я с ней сплю и рассказываю, как делать гешефты налево, чтоб не посадили?

– Я... я хочу просить твоей руки...

– Чего??? – Ксения от души расхохоталась, потом, оборвав резко, смущенно улыбаясь, посмотрела на Фиму: – Послушай, это, конечно, очень приятно, но зачем?! Тебе что, так плохо?

– Я хочу официальных отношений. Я не хочу скрываться.

– Ну так не скрывайся. У меня уже паспорт есть, – снова засмеялась она.

– Да, я смешной и старомодный! Я хочу семью! Детей! Пока у меня достаточно сил, чтобы их поднять!

– Фима, это девочки такое говорят... – потянулась Ксения. – Подумай, зачем тебе это? Ты свободен, я прихожу, когда обоим хочется. Мы видимся на работе каждый день. Мы зарабатываем деньги, придумываем схемы. Зачем тебе это мещанство? Подумай, как это выгодно! Меня не надо содержать, мне не нужны подарки...

– А я, может, хочу дарить тебе подарки!

– Ну так дари! Замуж-то зачем? Короче, никакой мамы.

– А можно, я тебя со своей познакомлю?

– Да ни в жисть!

– Она волнуется, что мне почти тридцать, и никого нет. А на слово она не верит... Ты же понимаешь, еврейские мамы, они такие.

– Понимаю, Фимочка, – Ксения чмокнула его в нос, – но не пойду...

Золотое дно

Анька приехала в Крым за неделю до Первомая – проверить готовность здравниц к приему трудящихся. После еще холодной, дождливой Одессы с первыми розовыми мазками лепестков на узловатых ветках абрикос Крым был уже летним – солнечным, жарким, сочно-зеленым и головокружительным. Тут пахло жизнью, бродило соками, орало брачными песнями на все голоса. Аня нахмурилась: день был тяжелый. Бездари и холуи, скрипнула она зубами, выходя из очередного санатория. За эти годы она изучила Крым не хуже родной Молдаванки. И вместо обеда вышла на рынок – за лепешками и вяленым инжиром.

Купив, что хотела, она отошла в сторонку, села на парапет, оторвала от лепешки горячую, мягкую корку, жадно вгрызлась в тягучий мякиш и вдруг... увидела Борьку. В татарской одежде, но в хороших сапогах тонкой кожи, с прежним одесским сыто-хозяйским выражением лица... Надо же! Осмелел, в люди выходит! Она внезапно обрадовалась и, спрыгнув с теплого парапета, прошла мимо, специально толкнув его плечом и выронив пакет с инжиром. Борька ойкнул и присел собирать вместе с ней.

– Привет, Феникс, – шепнула Анька.

– Ой! Совсем спортил, все спортил! – запричитал он. – Нельзя, красавица, с земли есть – идем я тебе нового насыплю!

Они пошли к брочке, Анька картинно хмурилась, сдерживая улыбку.

– А я смотрю, ты прижился, – прошептала.

– А что делать? – ответил он вполголоса. – Выживаем потихоньку. Как здоровье?

– Аналогично – потихоньку выживаем. Ну, я пошла?

– Как пошла? Куда пошла? А вина выпить? А баранина? Ты где остановилась? – засуетился он.

– Ну сам подумай, – ухмыльнулась Аня, – в санатории, разумеется.

– На машине? Выезжай сегодня, а по дороге остановишься у меня. Я такое усиленное питание тебе устрою! Отдохнешь от своих подхалимов. Вина выпьем, наших вспомним.

– Опять в Джанкое?

– Нет, тут рядом есть поселок, – он расплылся в улыбке: – Бо-оря, у са-амого си-и-инего моря!

Анька приехала ближе к вечеру. Вайнштейн не обманул: отдельная комната уже ждала ее, ну и во дворе накрытый богатый стол.

– Ты хочешь, чтоб ягненок умер второй раз! Сколько можно ехать! – причитал он.

И Аньке внезапно стало легко и весело. Посреди беспросветных бесконечных метаний, ночных кошмаров и регулярных приступов боли этот стол, гул моря за холмом, медовые запахи, перекрывавшие даже неистребимый дух керосиновой лампы на столе, – все это было каким-то островком покоя, иногда вне времени. Борька начал сыпать забытыми смешными воспоминаниями, и она вдруг вернулась в то беззаботное бесконечное детское состояние, когда весь мир был огромным и дружелюбным, и все впереди казалось легким и осуществимым. А он все подливал вина и в подробностях рассказывал, как обнес с братом и корешами издательство «Одесского вестника»:

– А-а-а! Я помню! – кричала Анька. – Помню! Конфеты! Вы весь двор накормили тогда сладостями!

– Да уж, фраера малолетние гуляли!

И так продолжалось долго.

Наконец Анька поднялась:

– Чудесный вечер, – сказала, – я спать.

Боря вдруг замялся.

– Ань, у меня к тебе просьба, не откажи, помнишь, ты обещала, – снова он масляно улыбнулся.

Она мгновенно вернулась в привычное бойцовское состояние:

– Чего надо, Вайнштейн?

– Да что ты напряглась! – засмеялся он. – Ну ты чего, Ханка! Тут другое! Ты можешь друзьям записку передать? Понимаешь, я телеграммой не могу...

– И что за информация, что телеграммой не могу? – настороженно спросила Аня.

– Папа... – выдохнул Борька и сглотнул. Аньке показалось, что у него появились слезы. – Песах заканчивается, понимаешь? За папу

надо молитву прочесть. Специальную, поминальную. И пожертвовать.

– А тут чего не можешь? – не поняла она.

– Ну так только в синагоге ее читают. На праздничной службе. Ты видишь здесь рядом хоть одну? А сейчас же все запрещено. Да и я теперь – официально татарин... – Он помолчал. – Я напишу адрес, давай? Это очень богобоязненные люди. Они знают раввина, который тайно проводит службы. Ты просто передай записку и вот монетку золотую для ребе. Сможешь? Ты его даже не увидишь. Это обычные люди. Аня, Анечка, папа в земле, брата убили... Это единственное, что я могу для них сделать...

Боря, не сдерживаясь, заплакал. Анька вздрогнула – она его понимала, они оба потеряли отцов и старших братьев...

Вытерла слезы:

– Давай записку, адрес напиши. Обещаю. Я сразу завезу, как до Одессы доберусь.

– Спасибо! – Борька обнял ее, сжал до хруста. – Спасибо, Ханночка! – справился с собой. – Только умоляю: не гоняй больше по серпантину. И жду тебя в Крыму. Ты когда будешь в наших краях?

– Да недели через две, – усмехнулась Аня.

– Обещай, что заглянешь, – строго произнес Боря.

– Не обещаю! – засмеялась она.

Несмотря на сопротивление Ани, Вайнштейн уже грузил ей в машину корзины – вяленые фрукты, солонина, козий просоленный сыр, бутылки вина, лепешки...

– Отстань, Боря, я не возьму! – сопротивлялась она.

– Да жри, чахоточная! – смеялся он. – Ты мне здоровенькая нужна. У меня больше никого нет! Понимаешь, никого, кроме тебя! Приезжай! Жду!..

Он как-то совсем по-детски радостно улыбался и долго махал ей вслед.

Его последние слова внезапно смутили и взбудоражили Аньку. Зачем вдруг она ему нужна? Как он неловко, по-мальчишечьи, пытался скрыть слезы по отцу?

Сзади благоухала корзина подарков...

Анька развернула бумажку. «Прошу изкор за Шимона, Михаэля и Рахель. Мысленно с вами. Скорбящий Б.».

На обратной стороне адрес – где-то на Костецкой.

Вот ведь перепуганный насмерть. Как же он живет, так скрываясь? – размышляла Анька, но недолго. Все ее относительно свободное от проверок время занимало обдумывание грандиозного агитационного проекта – агит-трамваев в стиле конструктивизма. С движущимися конструкциями на бортах и крышах, с громкоговорителем и очень эффектными кумачовыми полотнищами. Ах, был бы жив папа, он бы помог – просчитал бы ее наброски, разработал конструктив, а так и попросить не у кого. Котька – вообще руки из задницы, как его только на заводе держат? Петька – ну мог бы, но совсем в себе – откликается с третьего раза и то на Женькин голос, вечно в работе. Все сама, как обычно. Но главное – это идея. Пролетарский трамвай!

Анька бредила конструктивизмом еще с середины двадцатых. Сама гениальная идея Густава Клуциса – что искусство не отражает, не копирует, а создает новую реальность и воспитывает – ее просто окрыляла. Теперь искусство служило производству, а производство – народу. И Анька всем сердцем, рукой и кистью откликнулась на призыв «сознательно творить полезные вещи». Конструктивизм – это про всех и для всех, и если менять своими конструкциями город, то можно изменить мысли и чувства горожан – сделать их лучше, ярче, честнее, счастливее! Как же ей это нравилось! И несмотря на конъюнктурную хлебную должность, все свои вечера и короткие выходные между командировками она проводила в разработках собственной агит-машины, которая изменит хитрых, ленивых, вечно ноющих горожан. Это была ее мечта, отдушина, спасательный круг, цепляясь за который, она выбралась из инвалидности. И вот все было практически готово – не хватало расчетов по расходу металла и надежности креплений. Она открыла окно и громко орала: «Взвейтесь кострами, синие ночи!» в предвкушении, как наконец-то перейдет от ненавистных разгонов санаторных горе-художников к настоящему большому искусству...

А в Боре помимо афериста жил великий актер. Проводив Аню, он отправил соседку со срочной телеграммой в Одессу: «Встречайте вечером Правую ногу пробил нужен врач».

Интеллигентными знакомых Бори назвать было сложно. Обычные молдаванские биндюжники, правда, тихие, немолодая семейная пара

и взрослый сын, Анькин ровесник. Двор, до боли похожий на ее Мельницкую, только больше и беднее.

Она оставила авто у ворот и заскочила с запиской и монетой.

– Уважаемый человек был, – вздохнул знакомый, посмотрев на записку. – Помянем?

– Нет. Спасибо, мне пора.

– Я проведу, – мужчина вышел с Аней к машине.

– Серьезный аппарат, – уважительно прогудел он, посадив ее в салон и обойдя вокруг. – Ой, да у тебя колесо спустило – видела?

Анька выглянула – заднее пассажирское стояло на обочине.

– Да как же так?! – воскликнула она. – Да я ж доехала нормально!

– Наверное, гвоздь поймала. Сейчас мы все подкачаем, подлатаем, – утешил ее биндюжник. – Дай пару минут, ну, видно, судьба посидеть, выпить. Не хочешь водки – сейчас чаю принесу.

Анька пила пустой чай с хозяйкой и рассматривала двор. Точно как у нее, с вышедшими поглазеть соседками и орущими детьми. Биндюжник с сыном управился очень быстро.

– Ехайте по-тихонькому, сильно прошу, – улыбнулся он ей на прощанье. Анька оглянулась – корзина с подарками была на месте. Нетронутая. Ее плащ тоже. Да что ж я такая мнительная сука? Это ж надо так людей подозревать, – сама себя совестила она по дороге домой.

Через две недели Аня снова была в Крыму. Ехать – не ехать к Боре? Зачем ехать? – думала она, курсируя между санаториями. А и ладно, решила потом – что теряю? Сколько там тех крымских командировок осталось...

Борька был дома, обрадовался, что-то прикрикнул по-татарски старухе на огороде и повел Аньку к морю.

– Купаться давай – жара невыносимая.

– А у меня купальника нет, – опешила она.

– Здрасьте-пожалуйста! В Крым она без купальника приехала! Да ты что?! – удивился Боря. – Ну давай тогда голяком – тут мало кто заходит, так что девочки направо, мальчики – налево.

– Ты с ума сошел? – насупилась Анька.

– Да ладно, – хмыкнул Борька, – что я там особенного не видел? На вот, держи, как знал – все постиранное и даже поглаженное.

Мужское, правда, – он вручил Аньке сатиновые мужские трусы и майку. – Прости, подруга, меньше нет.

Когда она, стесняясь и подпрыгивая на горячей гальке, вышла из-за кустов, Борька не выдержал и хихикнул: – Душераздирающее зрелище! Просто сирота-беспризорник! Отощала ты совсем в своих командировках. Купаемся – и срочно тебя кормить.

После плотного обеда старая татарка, покосившись на Аньку, поставила на стол миску.

– О, коштеле! Обожаю! Настоятельно рекомендую – местное лакомство! – воскликнул Боря.

– Кто? Какое теле? Это ж хрустики, или, как Нюська называла, – хворост! Тоже мне диковинка, – хмыкнула Анька, но хрустик взяла. – Мама вкуснее делает, – скривилась.

– Так, не обижай старушку! Она старалась, – Борька оглянулся и затараторил что-то на татарском. Потом перевел: – Я ей сказал, что ты в восторге, просишь рецепт. Кстати, я тебе тут кроме коштеле еще конины вяленой в дорогу раздобыл.

– Завязывай с гостинчиками, – усмехнулась Анька. – А то я и так себя обязанной чувствую.

– А ты сможешь еще одну записку на Костецкую завезти?

– Опять молитва?

– Не поверишь, я – идиот, бобеле свою любимую с дедом не записал. Понял, когда ты только отъехала. Ну дурак же...

– А что, просто имена в телеграмме послать нельзя?

– Ты пойми, у этого биндюжника старший брат – раввин. Все, что на их имя приходит, проверяется.

– Так, может, и за двором следят?

– Ханка, ты же умная женщина. Как ты думаешь – может кто-то посторонний незаметно следить за двором на Молдаванке? Тем более на Костецкой?

Анька рассмеялась:

– Там и ходить-то чужим боязно, не то что вынюхивать. Местные враз пришибут и за Балковской прикопают – не найдешь.

– Подсобишь? И корзиночку с фруктами сушеными тете Софе, жене биндюжника, передашь?

– Давай свою корзиночку.

Все было бы хорошо, если бы не колесо, которое снова спустило ровно в тот момент, когда Анька зашла во двор с запиской. История с молчаливым чаем и ремонтом повторилась.

Насупленная Анька села за руль.

– Снаряд дважды в одну воронку не падает, – пробормотала. – Что-то ты, Боренька, опять мутишь втемную. И меня за дуру держишь.

Новую командировку в Крым она ждала с нетерпением. Наконец-то в ее унылых проверках появилась почти детективная история. Как у Конан Дойля и Ланге – который следователь, а не Лидкин свекор. Вывести Борю на чистую воду было делом чести. Ишь ты чего удумал! Ее под трибунал загнать! А она распустила уши, заслушалась, загостилась – одна у меня осталась, приезжай скорее! Что ты там, Вайнштейн, сучье отродье, задумал? В корзинках с продуктами ничего не было – одну она честно принесла домой и угостила родню, вторую перепроверила перед тем, как отдать Софии, – ничего криминального или подозрительного. Ну конечно машина! Колесо спускает, и прямо на Костецкой! И если Боря попросит и в этот раз закинуть записку или еду – то она разгадала его слабенький секрет. Вопрос один: что же она возит такого из Крыма в Одессу? И до чего обидно – за какую же беспросветную дуру держит ее воскресший Вайнштейн, если так грубо работает!

Анька как ни в чем не бывало заедет к Борьке. Привезет ему вяленых бычков: – На, держи гостинчик, всю машину мне провоняли! – Боря снова устроит пир горой. Будет молчать про посылочку до последнего. Но тут не выдержит Анька:

– А что, на Костецкую ничего передать не надо?

– Да вроде нет, – пожмет плечами Борька. Анька не успеет расстроиться. Боря задумается и выдаст: – О, если не тяжело, побалуй стариков: тут казы – местная колбаса из конины. Вкусная, зараза. Вот раздобыл пару палочек – одну тебе, одну им, если не тяжело.

– Да что, я на руках ее нести буду? – улыбнулась Анька.

Она уедет из Крыма, съедет подальше с дороги и нырнет под машину.

– Что ж ты, гад, там прячешь?

Трава и стерня сильно кололи спину, лезли в глаза. На жаре под днищем было практически пекло. Правое колесо... правое колесо...

Борька надолго не отлучался – значит, спрятано, если спрятано, недалеко.

На днище действительно что-то было. Какой-то брезентовый мешочек, намертво прикрученный крест-накрест двумя железками к днищу. Сгорая от любопытства, Анька домчит до своего логова на Фонтане. Как чудесно здесь все заросло до состояния джунглей. Она загонит машину во двор, схватит инструменты и шикарный американский фонарик и снова нырнет под днище: и зачем он это так намертво прикрутил? И главное – что? Надо отдать должное товарищам-профессионалам с Костецкой – они справлялись за считанные минуты, не то что Анька. Но в конце концов она таки открутила гайки и получила по носу увесистым инкассаторским мешочком для монет. Анька выбралась из-под машины и, пряча под сорочку мешок, рванула в дом. В Бориной посылочке оказалось золото. Много. Разного – от погнутого куска золотой пекторали и горы старинных перстней до просто небольших брусков.

– Ни фиги себе! – охнула она, разглядывая добычу. – Ах ты ж сучий потрох! Меня под расстрельную статью подвел! И что делать теперь?

Самый очевидный прямой вариант – пойти в ГПУ и сдать с повинной – она сразу отмела. Спасибо Дейчу, – даже его скупых обрывочных фраз о работе хватало, чтобы понять, что ей в лучшем случае светит срок. Она-то, узнав врага народа, не сдала его сразу, а то, что Боря, если запоет, то утащит ее за собой, Анька даже не сомневалась. Держать в доме такое тоже не хочется. И тут она вспомнила про Женьку, которая таскала Борины подарки в туберкулезный диспансер.

– Ну что, Боречка, поработаешь Робин Гудом? Перебросим твое золото на приют для беспризорников или на больничку? – Анька нанизала на свои пальчики массивные тяжелые мужские перстни, тусклые такие – на кладбище их, что ли, отрыл?

– Ох, как же я хочу посмотреть на твою рожу, когда ты узнаешь, что посылочка не дошла!..

Она засунула сокровища обратно в мешок, а его – в чугунок, стоящий на нижней полке буфета. Потом подумала, вынула мешок, а потом – старый здоровенный кувшин для молока.

– Вот так лучше, – произнесла вслух Аня, выставляя этот кувшин в центре обеденного стола – с охапкой семейных роз и золотом на дне. Точно как у Шерлока Холмса – на самом видном месте.

Собираясь, она обдумывала, как лучше поступить с кладом – подкинуть просто в почтовый ящик или не вводить во искушение и сдать в Торгсин, чтобы поменять на продукты?

На самом деле это проклятое золото и планы мести хоть немного отвлекли ее от агит-трамвая, точнее, финальной, самой важной стадии – внедрения. У нее выскакивало сердце, тряслись руки, и ее слегка подташнивало – потому что пришла пора реализации ее мечты. Это были адские два месяца ожидания – сначала она все оформила, написала доклад-обоснование на сорок страниц с расшифровкой всех большевистских смыслов и символов, заложенных в каждый элемент, и отправила заказным письмом в Управление по делам искусств при Совнаркоме Украины. Оттуда месяц назад пришел официальный ответ, что подобные проекты сначала обсуждаются и внедряются на местном уровне, а потом, в случае успеха, предлагаются для массового использования, и что ее проект переслан в проектно-архитектурную мастерскую Одесского городского совета. И вот три дня назад она получила заветный ответ – архитектурное бюро сообщило, что малые движущиеся агитационные формы не совсем в их компетенции, но ее разовая мобильная конструкция заслуживает внимания, поэтому передана и зарегистрирована в городской комиссии по подготовке празднования годовщины Октябрьской революции. Там утверждают общую тематику оформления районов, и ее трамвай может служить связующим звеном для города.

Масштаб был, конечно, поменьше, чем она ожидала, но перспективы! Анька триста раз представляла эту историческую встречу в разных вариантах и, стоя у зеркала, отрабатывала эффектные сдержанные ответы:

– Да, безусловно, трамвай свяжет различные тематики для каждого района в общую политику партии, я думаю... стоит дополнить выдачей агит-листовок кондукторами при пересечении границ районов. Могут ли я разработать их в едином стиле с трамваем? – Безусловно, но потребуется время... – отвечала сама себе.

Выдвинуть агит-трамвай на Сталинскую премию? – Вы с ума сошли! Это мой первый скромный проект. Нет, товарищи,

я решительно отказываюсь!

Ну почему вы решили, что мне интересно возглавить творческую группу по оформлению одесского порта? Да, идей много, но времени мало...

Аня лет десять хранила вырванную из газеты «Искусство коммуны» заметку с цитатой Маяковского на митинге об искусстве «Храм или завод?», которую заучила как мантру: «Нам нужен не мертвый храм искусства, где томятся мертвые произведения, а живой завод человеческого духа... Искусство должно быть сосредоточено не в мертвых храмах-музеях, а повсюду – на улицах, в трамваях, на фабриках, в мастерских и в рабочих квартирах». Именно тогда она поняла, чем на самом деле хочет заниматься.

Она придет в городскую комиссию в приемный день, выдержав для приличия недельную паузу после отправки письма.

– Здравствуйте, я – Анна Беззуб, автор агит- трамвая.

– Какого трамвая? – удивится секретарь.

– Ну, разумеется, агитационного, – Анька надменно скривится на глупую секретаршу и положит перед ней два заказных письма. – Вот, он у вас, передан от управления архитектуры. Доложите, что автор пришел.

Секретарша хмыкнула, взяла письма и скрылась за тяжелой директорской дверью. Оттуда послышалось: – Что значит автор пришел?! Ну так скажи, пусть автор уйдет! Я его не приглашал!

Анька рванет в кабинет, оттолкнув на пороге секретаршу:

– Что значит ушел? Я автор агит-трамвая!

– Да хоть крейсера! И что теперь?

– Я имею право знать, как звучит мой проект в общей канве великого праздника! Возможно, нужны доработки?

– Ничего не надо. Вы свободны.

– Ну хоть посмотреть, где его делают, я имею право?

– Да что делают! Какой трамвай? А... вот это чудовище из красных квадратов?

Анька завелась с пол-оборота: – Я все поняла! Выкидываете меня?! Идею мою украсть хотите?! Славы захотелось?!

– Да какую идею! Это ж чушь собачья на шарнирах – ваш крылатый трамвай! Вы хоть представляете, во что его беспризорники в первый выезд превратят!

– Да кто ж им позволит – если это в честь Октября!

– Да не нужен нам твой проект! Он... ну как тебе сказать помягче?.. Дерьмовый твой трамвай! И конструктивизм этот вражеский не нужен одесситам!

– Да что вы несете?!

– Что партия доверила, то и несу, истеричка! Кому твоя чушь из линий нужна?! Что сейчас партия поручила? Социалистический реализм, а не эту ерунду из гвоздей и тряпок!

– Да вы... Да вы знаете, кто я?

– Конечно! Вы Анна Ивановна Беззуб – бывшая любовница бывшего начальника ОГПУ! И не больше. Ну разве что еще вздорная и бездарная. Так что не питайте иллюзий. Проект свой можете забрать. Нам чужого не надо. Занимайтесь проверками. Это у вас отлично получается!..

Анька действительно не успевала за партийной модой – конструктивизм уже подвергался осуждению, а архитекторы, писатели, художники, работающие в этом стиле, – гонениям. Родоначальника наглядной агитации и пропаганды Густава Клуциса расстреляют через четыре года. А пока страна просто следом за вождем ударилась в соцреализм с румяными детьми и дородными колхозницами. От плакатов до архитектуры наступала эпоха сталинского ампира. Аня опоздала.

С прямой спиной она дошла до машины, закурила, отъехала, а когда повернула на Фонтан, горько разрыдалась – с некрасивым ртом коробочкой и трясущейся нижней губой. Она не умела держать удар и эффектно мстить, как Женька, быть отчаянно дерзкой и язвительной, как ее мама Ира, и тем более, как любая эмоциональная творческая личность, не была уверена в своей божественной неповторимой сути, как Лида. Вот та точно бы не услышала, что там твякает это кабинетное ничтожество. Лида верила только себе и любила только себя. Ее корона была естественным продолжением головы. Анька так не умела, поэтому захлеб редела.

– Ы-ы-ы-ы-ы... Мамочка... Ы-ы-ы... Сука, тварь, вредитель... – Фраза про ее бывшего просто убила. Неужели все эти принятые плакаты, опубликованные рисунки были всего лишь отголоском страха перед чекистами?.. Бездарность, тупая бездарность ты, Анька! Она растерла сопливый нос до ссадины.

– Это еще кто бездарь! Да, мой трамвай, моя деточка, им куриными мозгами мещанскими тебя не понять. Тулите один лубок ярмарочный! Это крутая работа! С кем бы я ни спала! – Она ввалилась в ворота, бросила машину и упала лицом в кровать.

– Ненавижу! Ненавижу! Уеду отсюда к чертям собачьим! – Эта вырвавшаяся мысль ее остановила. Анька выдохнула: – Точно! Уеду! – и ринулась к шкафу, разбрасывая вещи и причитая: – Всю жизнь мне испортили! Поеду в Германию! В Баухаус или в Париж! В Америку уеду! Там с руками оторвут!

Следующий женский адреналиновый ураган закончился вопросом:

А за чей счет она собирается уехать и где взять деньги на первое время на жизнь за границей?

И тут ее осенило: Золото! Золото Вайнштейна! Но уезжать с таким грузом – глупо и опасно. Лучше что-то помельче. Бриллианты, например. Вряд ли найдут в вещах, да и стоят раз в сто дороже.

Она подхватила инкассаторский мешок, сунула его в плетеную в прошлом пасхальную корзинку и двинулась на выход. Она знала, кто ей может помочь со сдачей золота. Ну конечно Лидка.

А вас я попрошу остаться

Петька возвращался домой после рейса. Приличный заработок, хорошая работа, надежная крыша. Жизнь в Одессе, особенно поздней весной, налаживается абсолютно у всех, а тем более у самого молодого машиниста железной дороги. Он с удовольствием принялся – старая абрикоса в соседнем дворе благоухала на всю улицу, а ветер разносил этот запах вместе с мелкими розовыми лепестками.

Рядом с Петькой притормозил автомобиль:

– Косько Петр Иванович? Проедемте с нами.

Прижимая свой фирменный чемодан машиниста, Петька с рухнувшим в диафрагму настроением сел на заднее сиденье. Событий в его жизни за последние десять лет хватило бы на три фильма, и за ежедневной суетой и большими радостями он почти забыл ту страшную историю с Семой Вайнштейном, прессом для патронов и его просьбой о помощи. Тогда, в свои шестнадцать, он не понимал, к кому обратился за защитой и что покровительство такого уровня не проходит безнаказанно.

После Фрунзовки его раз в полгода вызывали в Губчека. Расспрашивали о коллегах. На вопросы он с немецкой скучной прямолинейностью сообщал общеизвестные факты, не выслуживаясь и не давая характеристик, от работы и предложенных предпочтений вежливо отказывался. Потом он получал, просматривал и возвращал листок со списком новостей, которые должен был в течение месяца упомянуть в разговорах с коллегами.

Это было не трудно и не похоже на предательство. Новости, а скорее сплетни, были порой забавными и нелепыми. Петька, не задумываясь, вворачивал их в разговор, будто бросал камешек в воду, ну а следить за кругами от него – было функцией других товарищей. Этот раз был внеплановый. Знакомая дверь, знакомый запах и тот же шелестящий, тихий и вызывающий животный ужас голос:

– О, Петр Иванович! Надо же! Сколько лет, сколько зим! Поди, соскучились?

Петька тяжело засопел:

– Я вас слушаю.

– Нет, голубчик, это я бы хотел вас услышать. Что же мы никак не начнем сотрудничать? А? Патефонными иглками промышлял, патроны штамповать помогал, задницу вашу и вашего тестя покойного мы спасли, даже пулемет выделили, а вы такой неблагодарный!

– Чем я могу быть полезен? – выдавил Петька.

– Такие таланты гибнут! Сил моих нет терпеть! Все, Петр Иванович, сопротивление бесполезно. Я честно ждал, страшно сказать: семь лет. Поверьте, это очень долго. Меня многие просят хотя бы о десяти минутах передышки! А тут такое долготерпение. Цените! Должок за вами! Помните? Время пришло отдавать.

– Чего вы хотите? – Петька чувствовал, как холод, какой-то первобытный холод поднимается по ногам, охватывает его бедра, начинает плескаться в животе, лизать пальцы, которые с трудом удерживают ручку чемодана...

Ирод словно почувствовал и улыбнулся:

– Ну что же вы как на вокзале? Поставьте уже свой драгоценный чемодан. Мы не воруем. Присаживайтесь. Разговор будет долгий.

– Я постою.

– Сесть! – рявкнул Ирод.

Петька посмотрел ему в переносицу и, не отводя взгляда, медленно сел.

– Хороший мальчик. Всегда мне нравился, – улыбнулся Ирод. – Поздравляю вас, Петр Иванович. С повышением.

– Каким повышением?

– Вы теперь будете работать на ответственном посту. Станете, как говорит ваша свояченица, Псом господним, точнее – коммунистическим. Будете стадо охранять. От ересей. Ну что ж непонятливый такой? А еще из приличной семьи, мама – врач! Ну, Петенька, или обалдел от радости? В НКВД работать будешь. Родина зовет.

– Я не пойду. Не достоин. Не умею, – Петя выдавливал из себя по слову, уставившись в крошечное бордовое пятнышко на краю зеленого сукна.

– А кто тебя спрашивает? Это не приглашение, а приказ.

– Я не пойду, – повторил.

– Послушай, милый, – осклабился Ирод, – мало того, что ты вылетишь в две секунды со своей железки с «волчьим билетом», тебя

даже в грузчики не возьмут. Но тебе же все равно, правда? И что там будет с женой? И с Нилочкой? Знаешь, как ей тяжело в детдоме будет?

– За что?

– За все хорошее, потому что ты ЧСИР – член семьи изменника Родины.

– Кто изменник? – опешил Петька.

– Сестра, Маргарита Васильевна Гордеева.

– Ритка? Да какой же она враг народа? Она же просто вертихвостка безобидная!

– Зря, ой зря ты так считаешь. Посмотри, с кем она живет, где работает, а как одевается! Любовница директора Торгсина – это уже практически приговор!

– Да ну! Она же не тунеядка, и с Самуилом этим уже год, наверное, живет – любовь у них!

– Любовь, говоришь? Да там они такое проворачивают – Америка с Германией обзавидуются! Промышленные масштабы! И заправляет всем сестра твоя непуганая. Ты знаешь, сколько золота торгсиновского она со своим хахалем налево пустила... М-м-м, там такие сокровища – Лувр с Эрмитажем обзавидуются. А ты у нас агнец – не знал, не слышал и ослеп. И даже если я захочу тебя оставить – сестричка твоя пойдет в мехах и шелках сначала по кругу, а потом к стенке и в братскую могилу. Могу устроить просмотр. А хахаль ее, вполне вероятно, – откупится и отмажется – он по документам не при делах, я сам накладные все смотрел. Так что готовься, – Ирод неожиданно чисто и мелодично напел: – Цыганка с картами, дорога дальняя, дорога дальняя, казенный дом...

– В тюрьму, что ли? За что? За Ритку?

– Нет, ты беспросветно по-немецки тупой! Тебя ждет главный приз – центральная школа ОГПУ. Закрытое учебное заведение для будущего комсостава. Там отбор строже, чем в пажеский корпус был. Знаешь, сколько твоих товарищей с железки наизнанку готовы вывернуться, чтобы туда попасть?

Лучшие друзья девушек

Сказать, что Лида удивилась, увидев Аню, – это ничего не сказать. Они были совершенно разными, начиная от цвета волос и заканчивая набором жизненных ценностей и интересов. Сестры никогда особо не ссорились, но и близки не были, несмотря на небольшую разницу в возрасте. Встречались на семейных праздниках дома на Мельницкой, обменивались новостями и колкостями, обсуждали культурные новинки и громкие премьеры – вот и все.

Но когда Аня достала из корзинки кусок золотой скифской пекторали, Лида опешила.

– Помоги мне продать золото. Точнее – поменять на камни. Мне нужны бриллианты, можно изумруды. Что-то самое ходовое и железно востребованное в Европе.

– Та-а-к... Ты устраиваешь контрреволюцию?

– Нет. Решила приготовить запасной аэродром, а то иди знай, а у инвалидов паек скудный.

– Где ты это взяла и сколько этого? – бульдожьей хваткой вцепилась в сестру Лидка. Появление Ани укрепило ее очень прагматичную веру в Бога, которого она, на всякий случай, регулярно одолевала своими меркантильными просьбами продлить гешефты с Торгсином.

– Где-где? В Караганде! – фыркнула Анька. – Состаришься, если будешь знать. Есть еще монеты и перстни. Но камни в них не очень, а многие вообще без камней, но золотые. Старые. Поможешь?

Лида притворно вздохнула:

– Ну это сложно и очень опасно...

– И не даром, я же понимаю, – кивнула Аня. – Но ты можешь? Правда можешь?

– Ну для сестры я попробую. Но ты понимаешь... Чем больше золота, тем больше камней можно выторговать.

– Лида, ну я ж не идиотка, я понимаю: что больше золота – больше бриллиантов.

– Не понимаешь! Для оптовых покупателей другие расценки. Это если обеспечить постоянный объем. Ну допустим, полкило в месяц – это будет в два раза выгоднее.

– Полкило?! Золота? Ты, по-моему, его с пайкой масла для руководства путаешь! – возмутилась Аня.

– Дура, ты мне как раз грамм 500 и привезла. Это состояние. А если сможешь хотя бы раз в месяц столько заносить, получишь в разы больше.

– Ладно... я оставлю. Когда зайти?

– Дня через три... но лучше через неделю, – быстро исправилась Лида.

Она помчится к Ритке Гордеевой уже на завтра, а через день заявится поздним вечером в гости к Аньке на Фонтан. Сдвинет грязные тарелки на край стола в саду и брезгливо смахнет платочком листья и пыль с кресла.

– Ты что, вообще никогда не убираешь?

– Не-а... не люблю.

– Ну так домработницу заведи! Ты ж номенклатура, зарабатываешь и не особо тратишься. Вот, держи, сестричка. Я тебе один в один поменяла. А если за две недели привезешь еще, обещали со следующей партии на 20 процентов больше.

– Ты же говорила в два раза! – всхлипнула Анька.

– Ну так и ты не обещала, что будут системные поставки. Ну скажи честно, ну Анька, ты что, скифский курган раскопала в своем Крыму?

– Нет, картины свои местным ценителям продала, – отрезала сестра. – Чай будешь?

– Да нет, спасибо. Я поеду. Поздно уже. Очень- очень жду хороших новостей, – подмигнет Лидка сестре.

Анька высыплет на ладонь десяток крошечных стекляшек. Вот как бы их проверить?

Дорога в Крым долгая. Анька знает весь маршрут как водитель трамвая. Она смотрит на дорогу и перебирает-перебирает в голове слова и фразы разговора с Борей. Она не очень хотела его видеть, но заглянуть ему в глаза, рассказать о том, что она выиграла этот раунд, все-таки подмывало. А вот предлагать сделку с золотом было страшно и неудобно. Да, ее обидели, но предавать советскую Родину из-за того, что ее работу не приняли? Анька уговаривала себя. Находила аргументы в защиту политики партии и в свою. Вспоминала свои

работы – сколько души, энергии, сил она в них вкладывала, сколько из них не приняли... И вообще, – могли бы не по-скотски разговаривать. Бывшая любовница бывшего наркома – так вот как о ней думают, и это через столько лет! Она точно не хочет жить с таким сомнительным титулом! Принципиальная идейная сука-проверяющая куда лучше... А с бриллиантами и поспокойнее.

Боря уже знал, что машина с гостинцем не прибыла. Сначала он решил, что Анька замоталась и не успела, но прошла неделя, потом вторая, а Беззуб на Костецкой так и не появилась. Он нервничал, ему еле-еле удалось найти эту схему сдачи копаного золота. Все было долго, сложно и не слишком надежно. Цепочка из нескольких одесских посредников сильно уменьшала размер прибыли, но других вариантов пока не было. А тут крупная партия вообще пропала. Хорошо, что товар его, и на правило не поставят – но канал сбыта уже перекрыли. Анька дрянь! Неужели нашла? Но если б нашла – его бы уже повязали, или сама бы уже с разборками примчалась, она же идейная! А если нет... А если опять авария или в больничку загремела? Боря не мог узнать, не мог светиться – все, что он знал, что вроде до конца месяца товарищ Беззуб снова будет в его районе.

Аня примчится на день раньше и заедет с утра к Вайнштейну, посигналит у дома:

– Привет! Выходи, поедем, покатаемся! – крикнет она, не выходя из машины.

Нашла... – поймет Боря, но ее делано бодрый тон и улыбочка его сильно насторожат – не похожа на обиженную коммунистку. Точно что-то задумала.

Борька, накупившись, выйдет из дома.

– А где еда? – насмешливо удивится Аня. – Я не завтракала. Не годится так, бери там, что есть перекусить, вина можно, и давай скорее – у меня дел еще куча.

Боря скрипнет зубами и соберет корзинку. Плюхнется рядом в душный салон на горячее сиденье.

– Ага, с подогревом, чтоб не заболел, – ухмыльнется Анька. Она была неожиданно болтливой и возбужденной. Борька наоборот – угрюмо-молчаливым. Аня отъедет подальше на смотровую площадку, где петля серпантина напоминала по-гусарски отставленный локоть, и остановится.

– Тут хорошо. Люблю здесь останавливаться.

– Тут мы как на ладони, это раз, во-вторых, на самом солнцепеке. Если хочешь тепловой удар – не вопрос – наслаждайся, а я пошел, я тут тропу знаю, – Борька дернул ручку.

– Сидеть! – неожиданно крикнула покрасневшая, потная Анька. – Ты что, гад, устроил? Курьером меня сделать решил? Втемную?

– Можно подумать, в открытую ты бы согласилась, – огрызнулся Борка, понимая, что отпираться смысла нет. – Где мое золото?

– Это мое золото. «Копытные», так сказать. За бензин, за риск и за этот... как его, моральный ущерб!

– Да ты знаешь, сколько там было?!

– Конечно! Четыреста восемьдесят пять грамм. Как в аптеке. А ты считаешь, что растоптанная вера в людей стоит дешевле?

– Я думаю, что ты, зараза неблагодарная, ведешь себя не по понятиям!

– А я не из воровского мира. А из коммунистического. Зараза неблагодарная? А кто твоего Мишу из расстрела у Фанкони отбил? Забыл? Да и тебя я не сдала, хотя могла бы.

– Что ты хочешь из-под меня, – прошипел Борька, играя желваками.

– А ты не психуй. Я тебе, Вайнштейн, предлагаю легкий заработок. Только без твоих бандитских раввинов. На вот, не плачь, поделюсь.

Она вытащила из кармана маленький табачный кисет, а из него пару бриллиантов. – Твоя доля с последнего рейса.

Боря уставился на камни, потом на Аню. Та устало выдохнула:

– Полкило золота от тебя раз в две недели. Меняю на бриллианты или изумруды. Камни пополам. За полкило золота твоя половина – около пяти-шести таких камешков, если хотя бы на три партии есть.

Борька продолжал смотреть на ладонь, потом с интересом, как будто впервые видит, оглядел Аньку:

– Ханка, вот от тебя я такого не ожидал?! Ты ж коммунистка! А тут решила мне яйца крутить и золотом барыжить?! Вот это номер!

– Золото даешь?

– Да ты гонишь! Чтоб мой товар с тобой пятьдесят на пятьдесят делить?!

– А ты не дели! Считай, я у тебя по такой цене покупаю. Устраивает?

– Фира Ивановна таки передала всем дочерям свои гены. Я думал, меня уже ничем не удивить!

– Боря, – Аня откинула мокрую прядь со лба. – Тут реально жарко, и я хочу пить и есть. Давай заканчивать. Ты согласен?

Боря горестно вздохнул. На самом деле если камни, которые притащила Анька, настоящие, то это не просто выгодное, а щедрое предложение. В предыдущей схеме ему давали в два раза меньше и то с нервотрепкой и ожиданием ножа в спину. Но он продолжал канючить:

– Ну дай мне сначала проверить. Это грабеж среди бела дня!

– Это честная сделка. Я рискую больше тебя в разы. Есть золото?

– Ехай уже! – Боря вышел и поставил корзинку на сиденье. – Завтра вечером приедешь. Если стеклышки настоящие, товар будет.

Аня уехала. А Борька даже подпрыгнул на месте. Вот это подфартило! Он свернул за валун на еле приметную тропку в зарослях. Если бы он знал, как в этот момент ликовала Аня!

Вечером передача века состоялась. Борька нырнул под авто и прикрутил новый мешок. Так надежнее всего да и неприметнее. Анька на прощание серьезно произнесла:

– Скрепим сделку! – Как в детстве на Мельницкой, с торжественным лицом харкнула на ладонь и пожала Боре руку. Тот не выдержал и расхохотался:

– Боже, дите! Компаньон Ханка, как тебя все-таки угораздило в это влезть?

Новая схема работала как часы: раз в две-три недели Анька приезжала в Крым – когда в командировку, когда просто на выходные, буквально туда-обратно. Привозила камни, забирала золото, закидывала его Лидке. Из Торгсина Лидия Ивановна получала шикарные камни и тоже удерживала свой относительно скромный при ее аппетитах сестринский процент.

Анька, ссыпая в заветный бархатный мешочек очередную горсть прибыли, с удивлением рассматривала бриллианты:

– Как интересно... Кто когда придумал считать эти осколочки такими дорогими, убивать за них... Как остальные поверили, что это самое дорогое и ценное?

Она не понимала прелести, ценности и силы этих камней. Холодные стекляшки... а она... в кого она с ними превращается? У кого ворует? Она видела и нарядные санатории, и голодные, нищие села. И трупы у Торгсина, и заградотряды у полей и станций. Откуда столько врагов у советской власти? Откуда лютый голод при таком показном изобилии? Как больно и трудно растет эта страна... А она так хотела помочь... Анька, к счастью, не знала, откуда Лидка берет камни. Торгсин у нее вызывал приступы омерзения. Анька, несмотря на собственный дом с видом на море, жила очень скромно. Ее быт был не просто неуютным, а спартанским. Скудным. Как и полагалось советским гражданам, буквально с одной ложкой и парой рабочих курток и гимнастеров. Она не хотела платьев, не понимала драгоценностей, хотя и хранила до сих пор золотую змейку Дейча, но так ни разу и не надела. Анька по-детски любила сладости и фрукты, но ограничивала себя, потому что когда страна голодает, не пристало шиковать, поэтому в гостях у Бори так жадно накидывалась на крымские деликатесы. Она не была скупой. Просто стандартный набор девичьих радостей ее вообще не трогал, а нового источника вдохновения и радости после того, как ее конструктивизм заклеямили, она до сих пор не нашла.

Для очистки совести от коммерций с Борей часть своего богатого служебного пайка она регулярно отвозила домой (подростая Ксюша гневно сопротивлялась), а другую приносила в приют для беспризорников на Розы Люксембург. Густо краснела и сбегала, когда директор приюта начинал ее громко благодарить.

Через три месяца Аньку срочно вызвали в обком партии. Она, разумеется, перепугалась. Потом решила, что если бы это из-за Бори, то она бы уже сидела в ГПУ и рассказывала все, что знает. Но такой интерес партии, особенно после инцидента с агит-трамваем, все равно оптимизма не вызывал.

– Анна Ивановна, – начал серьезно Федор Яковлевич Голуб, председатель исполнительного комитета Одесского областного совета. – Мне было передано письмо от одесситов, касательно ваших (он хмыкнул) подпольных действий...

Анька побледнела. Конец... Сейчас ей припомнят все...

А Федор Яковлевич, симпатичный рослый парень, как окажется, всего-то на четыре года старше ее, продолжит:

– Анна Ивановна, ну вы же одна живете! Без кормильца, и половину пайка в приют носите! Вот письмо от директора и благодарных воспитанников пришло. Это хороший пример. Я товарищам предложил присоединиться, но, увы, мещанство еще не побеждено. Отказались. Так что позвольте составить вам компанию. А вы обещайте, что половину будете оставлять себе. Такие кадры не должны голодать.

Анька выдохнула.

– Родина гордится вами.

– Спасибо, – кивнула она. – Я пойду?

Ну вот опять

Жизненная спираль с каждым витком выносит на новый уровень – и радостей, и испытаний. Петька, для которого еще два года назад переезд во Фрунзовку означал практически конец света, зашел в комнату и прикрыл дверь:

– Я завтра уезжаю. Собери мне вещи.

– Как? Ты же только с рейса пришел? – вскинулась Женька.

– Я уезжаю... в Москву. Надолго.

– Ура! – подпрыгнула она. – Я с тобой!

– Нет. Я еду один.

– Как это один? Я что, не жена тебе? Значит, в деревню эту вонючую можно, а в Москву нельзя?!

Иногда Петьке невыносимо хотелось ударить свою жену. Он сглотнул и еле слышно произнес:

– Я еду в школу НКВД. Членам семьи не положено. Тебе болтать, где я, – не положено. Понятно?

– Отлично! А как надолго, мне знать тоже не положено?!

– Минимум полгода.

– А с чего ты вдруг решил в чекисты податься?

– Это Родина так решила. – Петька помолчал. – Меня не спрашивали.

Женька расплакалась:

– А я?! А мы? А что мне делать-то?

– Тебе – ждать. Мой спецпаек остается за вами.

Женька молча собирала вещи, потом ушла на кухню. Петька вышел за ней, обнял за плечи.

– Я тебе налистников сделаю в дорогу.

– Не надо... пойдём лучше в комнату.

Женька задрала голову, чтобы слезы затекли обратно, и шморгнула носом:

– Я приготовлю и приду.

Она жарила блины, со всей дури ударяя чугунной сковородой по плите. Петька в комнате сжимался и вздрагивал от каждого удара, как от пощечины. Он опять был маленьким, таким же маленьким и беспомощным, и абсолютно потерянным, как в тринадцать, только

никого, кто мог бы защитить, ободрить или просто пожалеть, уже не было. Он вытер влажные глаза и аккуратно привычными движениями собрал чемодан. Вышел на кухню. Отодвинул Женьку и снял с плиты сковородку. Женька зарыдала и повисла у него на шее:

– Не вой, я не на войну. Это просто командировка. Переживем.

Штормовое предупреждение

Это будет последняя поездка Аньки за золотом Вайнштейна. Она накопит достаточно, чтобы выдохнуть. Да и санатории в это время года практически пустые. А таскаться самой, без командировок, не с руки – увидят, доложат... Но с одной стороны, Боря ныл, что в межсезонье совсем голодно, с другой – нависала Лида, настойчиво уговаривая добыть хоть чуть-чуть лома, хоть самого низкопробного... И Анька с тяжелым сердцем решилась. Километров за десять до поворота налетел шквальный ветер, начался дождь. Она остановилась в укромном переулке и, кутаясь в шинель, рванула к Борьке.

– Привет! Я недолго, дай чаю горячего, и я назад. Погода портится.

– Хорошо, – пожал плечами Боря. Он достал чай, урюк и вяленый инжир, стал давить в горсти орехи, подкладывая очищенную серединку Аньке.

– На, для силы и для мозгов, говорят, полезно.

Аня устало качала головой и сербала, обжигаясь, чай из старой кружки.

– Ханка, не спеши, я не отберу.

– Да, Боря, мне еще по серпантину на ночь глядя переть, а там ветер – аж зубы выворачивает.

– Так, может, останешься? Заночуешь? Я приставать не буду.

– Да какое останешься?! Пошли уже! – Она сгребет угощения в горсть и сунет в карман. – По дороге доем!

Она вышла и пошатнулась. Борька успел поддержать ее.

– Ты что на ногах не стоишь?

– Да скользко!

В лицо летел хлопьями мокрый снег. Борька дернул ее за руку:

– Оставайся, не балуй, ты смотри, какой кошмар.

– Я поеду! Ты все прикрепил?

– Давно, – вздохнул Боря.

Они дойдут до машины. Анька дернет подмерзшую дверь. А Боря, хмыкнув, постучит по лобовому стеклу, покрытому коркой:

– Слышь, ты, конькобежка, коньки к автомобилю готовы? Марш в дом!

Анька со всей дури пнула по колесу и вернулась обратно.

– И вот надо было ходить голову мочить и зад морозить, – ворчал Боря. – Маяки второй час ревут – шторм начался. У тебя такие таланты, Беззуб, ты и в солнечный день можешь служебный транспорт разнести, а на такой каше ледяной и подавно. Все! Пить будем! Греться.

Он вытащил бутылку самогона и плеснул в ее остывший чай.

– Я не хочу пить!

– Надо. Как лекарство.

Анька поморщится и выпьет.

– Вот, – улыбнется Борька, – а теперь можешь меня поздравить.

– С чем?

– Как с чем? С днем рождения!

Анька опешит:

– Да как это?

– А вот так: – Я еще загадывал – приедешь – не приедешь? У меня тут плов заготовлен. Будем сейчас отмечать.

После плова и пятой рюмки Борька устался на Аню:

– Спорим, не пересмотришь!

– Спорим! – Анька покраснелась и повеселела, подперла подбородок кулаком и уставилась на Борьку не мигая.

Не выдержав, сморгнула, хихикнула, а Боря продолжал смотреть... Аньку бросило в жар.

– А давай сыграем, – предложил он.

– Я? С таким шулером?! Да ни в жизнь!

– Не в карты! Ночь длинная. Давай вопросы задавать.

– А игра в чем?

– А только правду говорить.

– Мы что, в НКВД играем? пытки будут?

– Ну, тебе виднее, Беззуб, – изменил тон Борька.

Анька дернулась.

– Ну ты чего? Ну? А если я отвечать не хочу?

– Тогда пошлешь меня.

– Ну, начинай, именинник!

– Правда, что ты жила с Дейчем?

– Да. Моя очередь. Ты убивал?

– Да, случилось. А почему расстались?

- Пошел ты! Что у тебя с Женькой было?
- Жениться хотел. Ты его бросила или он тебя?
- Он ушел.
- А ты?
- А сейчас моя очередь: ты Петьку на нож поставил?
- Пошла ты!
- Значит, все-таки ты...
- Ты его любила?
- Да, конечно... А ты Женьку?
- Не знаю, наверное... давно... – Борька запнулся. Уже не разберешь... Выпьем?
- Да!
- Это был не вопрос, а тост! Так нечестно.
- Анька опрокинула стопку.
- Ладно, давай свой вопрос.
- А слабо поцеловать именинника?
- Да пошел ты!

Анька поднялась, пошатываясь, обошла стол, наклонилась к сидящему Боре и поцеловала его. Тот сидел не двигаясь, и только когда она медленно отстранилась, схватил ее за руки и притянул к себе...

– Ужас! Какой ужас! – Анька проснулась, но глаза не открывала: она переспала с Борей... И была не настолько пьяной, чтобы это можно было списать на алкоголь...

– Кошмар... Та-ак, – она старательно прикидывалась спящей и лихорадочно думала, что сейчас надо быстро встать и уехать. Красиво отшутиться не получится – не ее конек. Просто скажу: – Ну вот поздравила, и забудем. И уезжать срочно, и не возвращаться сюда никогда. Она даже забыла про золото под дном. Выскользнула из-под одеяла.

– Ну куда босая! Пол холодный! Я тебе носочки несу! – Боря шел к кровати с парой вязаных носков и, опустившись на одно колено, бережно, как на ребенка, надел их на Анькины ледяные ступни.

– Почему они горячие?

– На печке согрел. И белье твое там лежит, чтобы в теплое оделась. Иди обратно под одеяло – я пока завтрак соберу. – Боря

пригладил ее взлохмаченную голову. Анька дернулась. Он очень бережно прижал ее к себе:

– Ханочка моя... как же я долго тебя ждал.

– Боря, Борь, ты понимаешь... ну это неправильно. Ну ладно уже, хватит, – Анька осторожно пыталась высвободиться из ее рук.

– Я тебя люблю, – даже не прошептал, а выдохнул Борька Вайнштейн ей на ушко...

1934

Московский гость

Московская «командировка» Косько затянулась на полгода. Без права переписки. В центральной школе ОГПУ (объединенного главного политического управления) НКВД программа была насыщенной. В восемь часов подъем, до четырех – сплошные занятия, обед, лабораторная и самостоятельная работа, и в полночь официальный отбой. Будущая элита получала не только знания, но и сытное питание и спецпайки, но отправить хоть часть домой было нельзя.

Помимо теории и лекций были ежедневные многочасовые практические занятия – от общей физподготовки, рукопашного боя и стрельб, где одесский курсант под именем Машинист легко давал фору необразованным, но идеологически подкованным бывшим батракам – до верховой езды и даже... бальных танцев. С верховой ездой было совсем печально. Одно дело проехать шагом через двор на добром медленном и широком, как кресло, першероне биндюжника Гедали, а другое – с лету заскочить в седло и перемахнуть через препятствие на норовистом боевом коне. Ну а с танцами совсем не заладилось, особенно после того, как учитель пообещал самых бестолковых откомандировать в субботу в клуб при швейной фабрике на обязательную практику.

– Никак нет! – процедил Косько. – Не могу. Я женатый человек.

– А ты не женись! Просто ноги обтопчи – и назад, – хохотали курсанты.

Но в столицу из их закрытой школы они выезжали регулярно. Большинству предстояла оперативная работа. Время было беспокойное.

После вечерних рейдов и охраны крупных мероприятий курсантов направили на сборы в подмосковный лагерь «Динамо» в Мытищах. Это были бесконечные три недели. Первая – посвящена изучению военно- оперативной работы, топографии и военной техники, а затем участие в двухнедельной военной операции, организованной для каждой учебной группы. Глядя на реакцию и активность курсантов в поле, командиры, как театральные режиссеры, уже распределяли роли и записывали в личные дела те или

иные качества. Тут уже было понятно, кто рвется в бой, а кто в командиры, кто будет собирать осторожно по краю, а кто предпочитает лобовую атаку и грубую силу. Петя попал в самую любимую категорию – «холодные головы»: он не прятался, но излишне и не рисковал. Придумывал дельные ходы, и главное – в военной технике и работе с ней ему не было равных. Этим тихим авторитетом он одного за одним выбил всех крикунов и возглавил свой отряд по инициативе остальных товарищей. Доверие оправдал, сохранил всех. И получил соответствующую характеристику: оперативная работа, для публичной политической карьеры не подходит, отличный рабочий руководитель на местах. Психически устойчив и готов к ведению ближнего боя и, что самое ценное и редкое, боя в ограниченном пространстве. Только Петя этого о себе не знал. И если первые два месяца прошли как в тумане, то чем ближе к концу курсов, тем сильнее он тосковал по семье, по Женьке и Нилочке.

К выпуску их, как и полагается, распределили на стажировку. Петька радовался возвращению в Одессу точно так же, как его земля Мишка Каверзнев, которого оставили в НКВД Москвы и Московской области помощником уполномоченного. Для выпускников школы открывались просто невероятные перспективы – вплоть до поступления на курс красной профессуры.

Начальникам органов, в которые направлялись на стажировку слушатели ЦШ, предлагалось обеспечить новому оперативному пополнению максимальную поддержку, дать письменные отзывы о политических и деловых качествах слушателей, а после прохождения стажировки произвести назначение на соответствующие должности.

Василий Петрович, он же Ирод, заполучив обратно своего Машиниста, распорядился иначе.

– Хорошее вино должно минимум два года отыграть, – вздохнул он, выписывая Петру Косько направление обратно на железную дорогу. – Будем считать – ты пока агент под прикрытием.

Возвращение домой началось со скандала. Женька открыла дверь отъевшемуся и раздавшемуся в плечах от ежедневных тренировок Петьке и, поджав губы, прошипела:

– А чего сюда? Сразу к матушке своей идите! Вперед!

– Женя, ты с ума сошла? – опешил Петька.

– Папочка приехал! – рванулась из-за Женьки Нилочка. Женя поймала ее за ворот платья. – Папа сначала к бабушке Леле пойдет. Он ее больше нас любит. – И захлопнула дверь.

Петька стоял ничего не понимая – с полным вещмешком гостинцев, с чемоданом подарков... Потом он развернется и медленно пойдет по галерее в квартиру Гордеевой. На этом пути он представил себе все что угодно – что Женя нашла другого, что получила какую-то дезу от местного НКВД, например, что он ей изменял, чтобы Петька остался один и без привязки к семье мог выполнять долг перед Родиной, что... Что она его просто разлюбила навсегда за эти полгода...

Гордеева была дома и, поцеловав Петьку, сильно удивилась, что тот с вещами.

– Мама, что случилось? Меня Женька на порог не пустила... Ты в курсе почему?

– Понятия не имею, – буркнула Гордеева и отвернулась. – Я тебе всегда говорила, что она без царя в голове! Иди знай, что этой дуре пригрезилось.

На последней фразе она спалилась – Петька не сводил с матери глаз и после полугода подготовки моментально вычислил, что та врет или скрывает, ну или и то, и другое.

– А ну правду говори!

– Ты чего это на мать кричишь?! – гаркнула Гордеева. – Совсем о своими чекистами страх потерял! – Она вышла и громко хлопнула дверь в свою комнату.

Петя снова сделает круг по галерее, не дойдя до своей двери, стукнет в окошко Нюсе Голомбиевской и, сразу оттолкнув ее, зайдет в квартиру и прикроет дверь.

– Ого, Беззуб, ну ты стал дерзкий!

– Тетя Нюся, что моя... моя мама сделала Жене? Та дверь мне не отпирает. Я точно знаю, что вы в курсе. Что уже стряслось?

Нюся вздохнула:

– Женька психовала. Она одна с дитем. Сидит как пришитая. Сильно хоть какой весточки от тебя ждала. Вон даже помогать белешвейкам начала, чтоб хоть что-то заработать.

– Так она же получала?..

– Ну получала, а сидеть в четырех стенах бабе молодой? Муж то ли есть, то ли нет! Рехнуться можно! День рождения – одна, Новый год – одна, Рождество – одна! Ты все-таки свинья, Петька.

– Я не мог писать. Запрещено было.

– А Лельке ты как писал?!

– Да я никому не писал!

– Понятно... – Нюся выдохнула и покачала головой. – Тогда у меня слов нет. Лелька совсем из ума выжила... Она на Новый год Нилку поздравляла и Женьку спросила, что ты ей пишешь. Женька ответила, что писем нет. А мамаша твоя... Сука такая, прости господи, сказала – да, странно, а мне открытки шлет...

Петька выскочил на коридор и остановился – куда раньше?

Метнулся домой, к Фердинандовне, схватил свои вещи и крикнул в закрытую дверь:

– Это даже для тебя перебор!

Он затарабанит в двенадцатую квартиру. Откроет заплаканная Женька:

– Что надо?

Петька резко подхватит ее под колени и на руках занесет прямо в комнату. Поставит на пол, закроет дверь:

– Здесь мой дом, моя семья, моя жена... Любимая жена и ребенок. Ты чего меня, как собаку паршивую, отшвыриваешь?

– Я? А ты?! Ты?! Это ты меня, как щенка на даче, бросил!

– Я не писал маме. Никогда. Ни строчки. Ни разу. Кому из нас двоих ты веришь?

Женька осеклась.

– Это правда?

– Вот! – Петька сунул ей под нос обручальное кольцо из гайки на своей ручище. – Смотри! Навсегда. Только твой! Ты или веришь мне, или разводишься!

Женька обняла его и зарыдала:

– Я думала, ты меня бросил... навсегда.

Возвращение Пети по семейной традиции, заложенной Беззубами, было отмечено новой беременностью.

– Вот теперь точно будет сын, – заявит Петька. – Как там говорят: – Сначала нянька – потом лялька. Мы действуем согласно инструкции.

Не оглядываясь

Анька сидела на краю кровати, подтянув колени к подбородку. Обхватив себя руками, она тихонько покачивалась.

– Ну что ты сжалась в камушек? Ханночка, – Боря присел рядом, обнял и ткнулся носом в ее плечо, притянул к себе, стал целовать в теплую тонкую шею у самой ключицы.

– Ненавижу уезжать! Ненавижу! – брызнула слезами Анька и вцепилась пальцами в руку Борьки намертво.

– Ненавижу-у-у-у-у, сука... Каждый раз по-живому рвется. Почему нельзя просто выдохнуть и быть! Никого не трогать, ходить на службу или мыть кастрюли дома, обниматься вечером, ужинать, ходить за руку и не прятаться? Я так устала от этих добровольных разрывов. Ты же рвешься с кожей, с мясом, каждый раз. И только я залижу раны, вздохну и смогу разжать кулаки, я снова приезжаю, и эта пытка любовью начинается по новой. Это как дать ребенку игрушку и через час вырвать из рук.

– Ну что, что ты, – шептал обескураженный Борька и гладил ее по голове. – Девочка моя, ну ты что... Ну жизнь такая, ну нашлись же мы друг у друга...

– Да что ж по-людски-то нельзя? – вспыхнула она. – Без расставаний по графику? Без шифров? Как украли – у кого? И не женаты, и не из враждующих кланов! Мама с папой вообще все, что могли, махом нарушили и жили счастливо! Может, нам уехать? – спросила.

– Куда? За границу? Кто нас там ждет? – вздохнул Борька.

– А можно подумать, мы здесь сильно кому-то нужны...

– Да вопрос же еще в том, кто ж нас отсюда выпустит.

– Ненавижу эти встречи-расставания, – расплакалась Анька. – Черт рыжий! Расковырял ты меня, Вайнштейн! Вынул из панциря, слабой сделал, слезливой! Я только успокоилась... Ну зачем я в тебя влюбилась? – Анька шморгала носом, уткнувшись в мокрое Борькино плечо.

– Ты скоро вернешься, – утешал он ее. – А я тебя буду ждать. У нас еще целая ночь впереди...

– Нет, – отстранилась она. – Я через час уеду. Сил нет. Нареву рожу до утра. А мне с сотрудниками ехать.

Аня вырвалась из-под Бориной руки и вскочила. Закинула в баул чулки, сдернутый халат, теплую кофту... По-солдатски моментально оделась и рухнула на стул:

– Я не могу-у-у... Не хочу никуда уходить...

Боря присел и уткнулся носом ей в колени:

– Остайся на день, дай им телеграмму, что приболела.

– И что этот день изменит?

– Ничего. Но у меня завтра день рождения!

– У тебя в ноябре день рождения, если не забыл.

– У меня – завтра. А в ноябре – это первое, что пришло в голову, чтобы ты осталась.

– Ага, чтобы напоить и воспользоваться!

– Ну тебе же понравилось...

– Да пошел ты! – Анька подскочила, схватила баул и вылетела из дома.

На посошок

– Не думал тебя здесь встретить, – Макс Дейч слегка пожал руку Анне Беззуб. Он бессовестно врал. На самом деле, скитаясь последние десять лет по предприятиям и трестам, он сходил с ума. Но не от любви, а от невыносимой скуки и непонимания. Он решительно ничего не понимал в промышленности и в ее управлении. Он был ликвидатором, гончим псом, а уж никак не хозяином. За старые заслуги его от греха подальше убрали из НКВД, подкидывая сладкие хлебные должности, но он умел только контролировать, и лучшей мотивацией считал маузер у виска или выбитые зубы. А еще он умел убивать. И как по нотам буквально «убивал» прибыльные конторы, которые с таким жестким подходом разваливались за считанные месяцы. Списать старого революционера, соратника и друга Дзержинского было не с руки, равно как и допускать ближе к власти. Помнил ли он об Ане? Конечно. Как о факте. Их роман сейчас казался ему чем-то неправдоподобным – сном, наваждением. Дейч уже забыл, что чувствовал тогда, но помнил состояние безмятежного спокойствия, когда рядом находился с ней. Как лежать на спине в августовском Черном море с фосфорецирующими звездами под и над головой. Как настоящий зверь, он держал ее в поле зрения – как члена своего прайда, и всегда был в курсе ее глобальных, территориальных и карьерных перемещений. Конечно, он знал об аварии и ее травме. Он не мог приехать, впрочем, и не хотел. За годы революции и в Губчека он достаточно насмотрелся на растерзанное человеческое мясо. Раны его не трогали, а вызывали физическое отвращение. Поэтому портить приятные воспоминания и смотреть на свою статуэточку в гипсе и шрамах он не собирался. Зато по старым связям моментально передал, что если чрезвычайно ценный сотрудник Беззуб умрет – все отделение ургентной хирургии пойдет за вредительство под расстрел вместе с семьями. Озадачиваться романтическими приветами Ане он не стал. Он уже пообещал, что с Одессой все кончено.

На прошлой неделе, увидев, что Анька приедет в Харьков с какой-то лекцией о социалистическом реализме и наглядной агитацией, Дейч просто позаботился, чтобы делегацию отправили питаться в лучшую столовую. Ему было интересно посмотреть.

Но Макс всемогущий еще не знал, что Анна Беззуб, несмотря на ее почти искреннее удивление при их встрече, всеми правдами и неправдами готовила эту командировку, чтобы получить шанс увидеть его. Зачем?

Слишком уж пугающе беззаботным и стремительным был ее роман с Борькой. Подозрительно ласковым и легким. Это было больше чем просто секс. И Анька, настоящая беззубовская порода, пыталась «измерить гармонию алгеброй» и понять, что так влечет ее к Борьке – голод по теплу, месть Максиму, обычные потребности тела или все-таки та самая, обещанная Фирой любовь? А для этого в ее понимании был только один способ: увидеть Максима. Прикоснуться к нему. Снова вдохнуть его запах и понять – она наконец свободна или по-прежнему принадлежит ему? Или владеет им? За столько лет разрыва это встреча была не любовной лихорадкой, а скорее азартом первооткрывателя.

Они оба вышли на охоту. Макс увидел и понял, как изменилась та золотая девочка. Ушла последняя детская припухлость губ, ее светлые кудри были по-мальчишечьи коротко обстрижены и прибиты уродским гребнем на затылке. Вместо плавных движений – армейская жесткость.

– На походку не смотрите! Это после аварии. Говорили, что не встану – встала. Правда, в балет уже не примут, – Анька изменилась. Покрылась броней. Это хорошо. Правильно.

Макс вежливо растянул губы:

– Вам к лицу такой образ. Достоинно.

– Была рада повидаться. Я пойду к своим за стол, – она кивнула и отвернулась, а Макс невольно повел носом – несмотря на аварию, звериные всполохи в глазах и жесткость, пахла она все так же головокружительно – спелыми абрикосами и солнцем.

– Знаете, Макс Абелевич... – вдруг обернулась Аня... – У меня есть пара интересных идей для вашего предприятия. Я понимаю, что в рекламе вы не нуждаетесь, но есть политическое воспитание сотрудников... У нас очень плотный график встреч. Но вы загляните ко мне вечером – я расскажу...

– Но...

– Только не говорите, что не знаете, где мы остановились, – засмеялась.

Макс придет. Они оба, не говоря ни слова, не включая свет, разденут друг друга в темной комнате и так же беззвучно перейдут на

пол, чтобы не скрипеть кроватью.

На следующий день он снова придет. И включит свет:

– Дай насмотреться...

Голая Анька встанет, подбоченясь, и медленно обернется: – Ну смотри. Достаточно особых примет?

Дейч внезапно встанет на колени, прижмется головой к ее животу и очень бережно, едва касаясь, поцелует уродливые рубцы швов на бедре.

– Девочка моя... бедная моя девочка...

– Уже не больно, – горько ухмыльнется Анька и почти беззвучно прошепчет: – И ты тоже больше не болишь.

Утром она уедет. Максу позвонят и срочно вызовут в Москву. «Проколотся», – подумает он. Но романтические увлечения председателя правления «Харьковуголь» не интересовали Кремль. Дейчу вспомнили старые заслуги. В восемнадцатом году после разоблачений вражеских организаций и массовых расстрелов в Саратове его заметили и перевели в Москву членом Коллегии Секретного отдела ВЧК, начальником железнодорожной милиции. В его задачи входила борьба с «мешочниками» – крестьянами, пытавшимися привозить свои продукты на продажу в города. Макс Дейч лично устраивал массовые облавы. И подготовил летучие отряды, которые на станциях изымали продукты у горе-продавцов. «Преступников» обрабатывали так, что те были рады отдать последнее, лишь бы уйти живыми. Недовольных и выступающих расстреливали на месте как «злостных спекулянтов». Успехи были феноменальными. Равно как и заработки Дейча, его сотрудников и старших товарищей. Потому что настоящие воротилы и спекулянты просто платили ему или его заместителям солидные суммы. Разумеется, в золоте и драгоценностях. За что получали не только неприкосновенность, но и организованную охрану их грузов.

И вот после десяти лет опалы и ссылки по предприятиям Дейча вернули в родную стихию. Член бюро комиссии советского контроля (КСК) – отличная должность с минимумом обязанностей и практически безграничными полномочиями. Новый орган государственного контроля, созданный в 1934-м вместо Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции для систематической проверки

исполнения постановлений правительства и укрепления государственной дисциплины во всех звеньях советского и хозяйственного аппарата. Проще говоря – «смотрящие по стране».

Во время прогулки по парку ему намекнули, что схема его работы как с мешочниками приветствуется, но больше десятины себе оставлять не положено.

Дейч закончил разговор и оскалился: Анька, его золотая Анька снова принесла ему удачу.

Ну а ей он преподнес совершенно другой подарок.

Отрада

– Господи, что это, Ксения!! Ты рехнулась?!

Ксения Ивановна Беззуб с черными и масляными, как августовское море, глазами, холодной волной на смоляных кудрях и выдающимся носом стояла посреди пляжа «Отрада». Даже чайки поперхнулись от такого зрелища, не говоря уже о приличных замужних женщинах и их ручных мужьях.

Это был верх неприличия да и низ тоже. Купальник... Черный глухой цельный купальник, который раньше заканчивался, как и положено, почти на середине бедра, был разрублен на две части. И мало того, что был виден живот, так еще и трусы были подкатаны и подшиты практически под самую попу. В общем – настоящий скандал и практически нудизм в публичном месте и в социалистическом обществе.

Женя снизу вверх осмотрела сестру, тихонько погладила по руке маму Фиру, медленно достала папиросу и затянулась.

– Эффектно... – произнесла. – Не припекает?

– Наоборот, освежает.

– А по-моему, тебя сейчас испепелят... Или сожрут взглядом... Тебе что больше нравится?

Ксения хмыкнула и эффектно заложила руки за голову:

– Ой, мне все очень нравится!

– Ты, шикса, где так купальник спаскудила? – зашипела, не выдержав, Женя. – Сама же ж не могла, у тебя руки не оттуда растут!

– Послушай, Женечка, – кинулась в бой Ксения, – я понимаю, что тебе с твоими костями гордиться нечем, а мне что скрывать? Молодость? Красоту? Пусть хоть посмотрят, как должно быть. И вообще – два года назад я в одних трусах ходила и никого не смущала, потому что еще школьница. Хоть и со вторым размером.

– Каким вторым? – обалдела Женя. – Ты посмотри на себя сейчас – отъелась в своем кабаке, вон, задница больше моей в два раза!

– Ну так кто сказал, что это плохо? Ты посмотри, какая талия! – Ксения по-цыгански тряхнула бедрами и вызвала приступ кашля на соседней подстилке – какой-то засмотревшийся страдалец подавился пивом.

Ксения жила абсолютно счастливым человеком. Она была настолько уверена в своей неотразимости, что ни массивный еврейский нос, ни крупные уши, ни пышные не по годам бедра ее не волновали... Она просто по-царски несла свои кустодиевские формы, так что никто из мужчин даже не думал усомниться в такой красоте.

– Так тебе я не нравлюсь или купальник? Женя, ты определись! Вон женщина тоже в трусах и лифчике.

– Эта женщина была на пенсии еще до революции, и трусы у нее солдатские, сатиновые! – рявкнула Женя.

– Мне что, с солдата трусы снять? – заржала Ксения.

– Лучше с себя! Чего уж мелочиться!

– Ну должна же оставаться маленькая загадка...

– Я бы сказала: крошечная...

– Я могу отойти – навроде я не с вами...

– Да уж, сделай одолжение, а то мне те гости города сейчас слюной всю подстилку закапают!..

Сестры препирались без остановки. При этом Ксения развлекалась, изучая еще один вид манипуляций и схем – влияние полуобнаженного тела на окружающих. Ну какие же они все! Ну как же таким не воспользоваться!..

Сюрприз

Анька не сразу поняла, что беременна. Цикл сбился после аварии, какие-то дополнительные тянущие боли, с ее-то травмами, были нормой. Никаких традиционных недомоганий вроде токсикоза у нее не было.

Первым перемены в ее теле заметил Борька:

– Душа моя, или я так соскучился, или у тебя грудь стала в два раза больше.

– Ничего не стала, ну на эти дни, наверное.

– А ты, часом, не залетела? – Борька внезапно приподнялся на локте и уставился на нее. – У тебя лицо изменилось. И даже запах.

– Какой запах?! – возмутилась Анька. – Я себя в чистоте содержу!

– У всех есть свой запах, – усмехнулся он. – И это не пот. А сейчас ты пахнешь иначе...

Он схватил Аньку и обцеловал:

– Мы родим Семочку!

– Да ну тебя, дурак, какая беременность, с моими-то травмами! – вырывалась она.

– Беременность тринадцать-четырнадцать недель. Поздравляю! – торжественно объявил через две недели Моисей Кранцфельд, потомственный врач и отец поэта и врача Сашки Кранцфельда, который, в отличие от папы, предпочтет гинекологии борьбу с эпидемиями.

– Какие тринадцать недель? – опешила Анька.

– А что-таки три месяца без крови вас никак не смущали?

– Да каких три месяца! Быть этого не может! – Анька пошла пятнами. Считала она быстро, и самое страшное, что не знала, чей это ребенок – Макса или Бори. – Вы можете сделать аборт?

– Милая моя! На тринадцатой неделе? Я врач, а не убийца. Там здоровый активный плод. И вообще – как не стыдно?! С вашими травмами – это чудо из чудес! Я не знаю, что вы исполняли, но при таких повреждениях вы априори не могли зачать. И теперь хотите потерять? Я не религиозен, но вам явили персональное чудо. Не смейте отказываться. Второго шанса не будет. Это я гарантирую.

Анька растерялась:

– Я могу подумать?

– Да что тут думать! На таком сроке! Не морочьте мне голову! Рожайте и будьте счастливы – кто бы ни был его отцом. А вот ходить по бабкам сильно не советую – больше половины умирает от сепсиса и кровопотери.

– Какой ужас! – Анька ввалилась домой и уткнулась в плечо матери.

Перепуганная насмерть Фира пыталась успокоить рыдающую дочь.

Когда с пятого раза она поняла причину слез, то подскочила:

– Счастье какое! А кто отец?

– Я не знаю!

– В смысле? Тебя изнасиловали?

– Нет, конечно. Просто... ну просто... ну мама...

– Он женат? – догадалась Фира.

– Ну, можно и так сказать, – облегченно выдохнула Анька.

– Это... он?

– Да нет... не знаю я!

– Ну и ладно! Родишь – мы воспитаем.

– Как?! Как я буду ходить беременная?! У меня партийная работа!

– А ты ходи! Пока не видно, а там что-нибудь придумаем. Вон наша соседка и местами родственница троих так родила, и ничего. Камнями не закидали.

Через месяц Анька снова приехала в Крым. Боря был просто невыносим.

– Мы поженимся!

– Ни в коем случае! Ты рехнулся – тебя же сразу узнают.

– Я хочу, чтобы ребенок носил мою фамилию!

– Чью? Убитого татарина? Или расстрелянного Вайнштейна?

– Господи, за что ты такая невыносимо умная! Ну скажи хотя бы, что он будет Семен! Папа лежит без имени.

Анька остекленела и отпихнула Борю:

– Мой тоже лежит без имени! Мой папочка. Любимый, светлый, гениальный! А будешь давить, так и отчество тоже будет Иванович!

– Ой, вы беременные такие вредные! Знаешь, мне все равно. Главное – у меня будет сын!

– А если дочь?

– Сын. Там точно мальчик. Я знаю.

Гешефты

Ксения практически не появлялась на парах. Но каждый ее визит регулярно срывал занятия – все начиналось с ее эффектного появления в новом платье. Да, Ксения, которая с четырнадцати начала зарабатывать, не откладывала на черный день, а наслаждалась сегодняшними. Поэтому с шиком могла пообедать в ресторации и шила по одному новому платью в неделю. Портниха для такой клиентки даже завела персональный манекен, чтобы не тратить времени на примерку. Мода второй половины тридцатых словно была придумана для ее гиперженственной фигуры. В обтягивающем грудь платье с широкой юбкой, маленькой шляпке из той же ткани и белых перчаточках Ксения врывалась в аудиторию, опоздав минут на десять, чтобы ее гарантированно увидели и рассмотрели все. Визит прекрасной дамы начинался с перепалки, напоминающей разборки в ее дворе.

Декан кафедры статистики Бориневич страдальчески закатывал глаза:

– Студентка Беззуб! Сначала вы доводите половину руководства кредитно-экономического до цугундера^[6] своими театральными слезами и просьбами о переводе, а потом неделями не появляетесь в институте!

– Закрывала сезон в Аркадии, – пожмет плечами Ксения и улыбнется неотразимой фирменной улыбкой для пожарного надзора. – Ну Антон Самойлович, я такие статданные собрала по курортникам – на две диссертации хватит! – Она бесцеремонно шла не в уголок, а напрямик к кафедре, вынимая на ходу из сумочки скрученные в трубочки листочки.

– Та вы бы до пар дошли! До зачета неделя! Мне надоело! Я вас не допущу!

– Чего это? Вам надо крестики в журналах или чтобы студенты в предмете разбирались?

Сокурсники затихали в предвкушении.

– А как же они разберутся без лекций? – вопрошал Бориневич.

– Я на вас сильно удивляюсь, Антон Самойлович! Вы сами написали гениальный учебник, по которому даже наш сосед камнетес

и Ася со Слободки смогут статданные собрать, а я с таким оружие в руках в полевых условиях ежедневного контакта минимум с двумястами респондентами не справлюсь с зачетом? – Ксения выставила вперед свернутые листы, как рапиру. – Дуэль, Антон Самойлович! Я уже посчитала статистику по гостям города за лето. Там такая динамика!

– По сравнению с чем?!

– Ну, прошлый не показатель – засуха была, голод... С тем же двадцать восьмым. Табличку показать?

После экзамена профессор снова ворчал:

– Такая светлая голова должна жить в библиотеке, писать научные работы, а не сидеть в Аркадии до ноября!

– Такая светлая голова должна поднимать экономику Одессы, или вы не согласны?

– А этот ваш шикарный вечерний наряд как связан с экономикой?

– Ну как можно говорить о развитии и подъеме города, если не можешь достойно обеспечить хотя бы себя?

Профессор согласится. И порекомендует юную очень перспективную практикантку старым друзьям в Рыбаксоюз – Одесский филиал Всеукраинского союза кооперативно-промышленного товарищества трудящихся рыбаков. Фима будет люто и совершенно справедливо ревновать. Летний сезон закончился вместе с его объемом тайных знаний и личных открытий, переданных Ксюше. Не то чтобы ее интересовала в нем только экономика, но одного секса юной Беззуб точно было мало. Она выйдет на новый уровень, тем более что рыбная тема, правда, в ином масштабе, была ей отлично знакома.

Иван Беззуб второй

– Мальчик! Какой хороший, и явно в отца! Продоминировал! – констатировал дежурный акушер.

Аньке вручили орущий сверток. Черные завитки на макушке, сквозь темную мутную младенческую пленку уже было понятно, что мальчишка кареглазый. Припухший от слизи и родовых путей нос... Черты были однозначно и бесповоротно семитскими. Но кто отец – Макс или Боря, – было по-прежнему непонятно. Одно она знала точно – это Ванечка. Ванечка Беззуб. Как папа. Такой же прекрасный, умный и сильный. Лучший на свете. И не важно, от чьего семени. Оба мужчины были на редкость живучими и удачливыми.

– Не-е-ет! Нет! Это мое имя! Это у меня Ванечка!

– Женечка, да успокойся, тебе нельзя нервничать, – пыталась уговорить дочь Фира, – ты ж на сносях уже!

– Тем более, – продолжала бушевать Женя, – это я папина дочка! Это я одна хоть что-то в технике понимаю! Это я на его любимом Петьке женилась!

– Вышла замуж, – мягко поправила ее Фира. – Женя! Да успокойся уже! Что ты орешь! У нее ж молоко пропадет!

– Да пусть она сама пропадет пропадом! Анька! Ты же знала!

Анька стояла посреди комнаты со свертком в руках и никак не реагировала на Женину истерику.

– Мало тебе имен, что ли?! Первенец мальчик в семье мой! И имя мое! И я в папину породу, а не ты! Надо было раньше рожать!

Фира закатила глаза:

– Ой, вэйзмир! Ваня, ты это слышишь? Ты посмотри, кого ты мне оставил? Дайте моего мальчика, истерички, и хоть головы себе порасшибайте! – Фира уверенно вытянула младенца из Анькиных рук и, воркуя, вынесла на галерею.

– Ванечка, Ванечка мой... Бог благословил... Беззуб, родной, смотри, вот твое продолжение, вот твой род и фамилия... Живы. Счастье какое, – всхлипнула она.

А в комнате продолжалось противостояние.

– Я тебе все патлы оборву!

– Ты жирная сейчас, не догонишь, да и не дотянешься!

– Я тебя прокляну!

– Ой, как страшно, давай, еще Лиду попроси усилить!

Анька повернулась и вышла из комнаты.

– Ай, мама! – Женька присела на корточки. – Ай... схватки начались!..

– Я тебе говорила, дура заполошная! Не истери! Тебе еще носить... Я сейчас, за Гордеевой! – причитала Фира.

– Не хочу ее!

– Ой, хватит уже!

Женька села на стул.

Гордеева, вытирая руки о переброшенное через плечо полотенце, вплыла в комнату.

– Что ты опять вытворяешь? Хочешь моего внука угробить? А ну ляжь, я посмотрю!

– Не лягу!

– Так, – Гордеева подняла свою черную монобровь, – знаешь, что такое рауш-наркоз? Вот здесь, – она молниеносно легко коснулась Женьке за ухом. – Сча как двину туда скалкой и не посмотрю, что беременная, и двадцать минут покоя двору обеспечено.

Женька скрипнет зубами, приляжет и задерет юбку. Гордеева прижмет к животу старую деревянную трубку-воронку, пошевелит губами и расплывется в улыбке:

– Ну слава Богу... Дите бедное напугала, аж икает там, слышишь?

– Слышу, точнее чувствую... даже страшно, – отозвалась присмирившая Женька.

– Это ему было страшно, а у тебя схватки разминочные, неделя-полторы осталось, – она похлопала по животу. – Внук мой, все в порядке.

– А откуда знаете, что внук?

– Это я точно знаю, слава Богу, родов приняла под тыщу.

– И там мальчик?

– Мальчик, мальчик. Сердцебиение пацана. Железно. Наследник. Радуйся.

Гордеева не могла без своих шпилек, поэтому, дойдя до дверей, обернулась:

– Кстати, мадам Косько, как тебе имя Фердинанд, раз Иван уже занят? Я Пете намекну.

И, не дожидаясь ответа, вышла от невестки.

– Да я лучше сдохну! – крикнула вслед Женька.

Через десять дней она родит здорового, крепкого мальчишку.

– Владимир – без вариантов, – объявит Петя.

– Это почему еще? – возмутится Женья.

– Ну, по-моему, так честно – ты девочке имя придумала, я – мальчику. Или Фердинанда хочешь?

– А Владимир-то в честь кого?

– Ленина! – совершенно серьезно произнес Петя. – Поверь, так будет правильно.

Через две недели Анька отлучится по работе, а Фира срочно приведет из Алексеевской церкви отца Владимира и прямо дома у колыбельки окрестит Ванечку.

– Анька тебя убьет. – шепнет ей Женька. – Ты что устроила? Тем более, ты у нас тоже не слишком верующая.

– Убьет, если узнает, – ответит ей Фира. – А папа вас всех крестил. Он бы так хотел. Это важнее меня и важнее Ани. Будет теперь Ваню с неба защищать.

– О, да тут еще мой тезка без ангела-хранителя, – улыбнется батюшка Женьке с малышом.

– Нет, – мотнет она головой, – мы не будем. Не сейчас. – Развернется и уйдет в свою комнату.

На недоумение Фиры ответит: – Ты в своем уме? Забыла, кто Петя? Он сам предупредил и запретил. Тем более, у Вовки, в отличие от Вани, отец есть. Он и защитит.

1935

Наша кровь

Анька проснулась – ни Ванечки, ни Бори не было. Она потянулась и с удовольствием впилась в фиолетовый инжир. Наконец-то она выспалась. На Фонтан приезжала мама, часто Анька вместе с Ванечкой оставалась у нее на Мельницкой, но Фира работала, да и Анька с ревностью отдавала любимого сыночка даже его родной бабушке. Поэтому вечно невыспавшаяся, немытая-нечесаная, с киснувшими в тазу пеленками и ползунками. После того, как Ванечка проведет один день в яслях для грудничков, увидев вечером опрелости на ножках и запухшие от слез глазки, Аня наотрез откажется от яслей, тем более круглосуточных.

Зато в Крыму наступило настоящее блаженство. Борька подскакивал первый и среди ночи – и гулять, и подать упавшую игрушку, и даже вымыть попу наследнику. Аня оставляла ребенка и ездила спокойно по санаториям, возвращаясь к вечеру и находя в саду идиллию со спящим малышом и Борей, который газеткой второй час отгонял от него мух. Вайнштейн оказался идеальным отцом. Да и партнером тоже неплохим. Вот целую миску инжира вместе с лепешками оставил ей.

Она забеспокоилась через час – долго гуляют. Через три металась по селу – никто никого не видел.

Украли! Украли ребенка! Куда идти? В милицию? Что скажу?!

Еще через полчаса Анька готова была идти в НКВД и сдать Борю с потрохами. Что случится дальше – ей было уже все равно. И тут под окном остановилась брочка. Из нее выпрыгнул Борька, неся на руках спящего Ваньку, которого он поддерживал снизу огромным букетом цветов.

– Где ты был?! Ты что, с ума сошел?! – шипела, чтобы не разбудить ребенка, Анька. – Почему он зареванный?! Вы где были?

– А... Уже все хорошо, Ханка, – улыбался Боря. – Теперь все замечательно!

– Ты что сделал?! – похолодела Анька и ударила его в плечо. – Я тебя спрашиваю!

Борька посмотрел на нее совсем другим, темным, тяжелым взглядом и выдавил:

– Теперь я спокоен.

– Идиот!!! Что ты натворил?!! Ты что сделал?!

– Ну, с медицинской точки зрения – это очень гигиенично. – Борька сиял. – И в постели, думаю, ты оценила преимущества. Это называется обрезание. У нас сегодня праздник! – Он чмокнул Аньку в нос. – Кстати, а ты знаешь, что Йоханан, Иван, означает «Бог пожалел, был милостив», ну точно про нас.

– Придурок! Ненавижу! – Анька дернула к себе Ванечку, который проснулся и захныкал. – Ребенка покалечил! Изуродовал!

– Ой, что-то ты не пугалась такого уродства.

– Ненормальный! Это же все запрещено! Синагоги закрыли! Обрезание запретили! Я же коммунистка!

– Ханка, скажи честно, ты что, не понимаешь, что ты тоже из наших? Мама твоя, Фира, на каком языке вас ругает? А колыбельные на каком пела? Неужели не слышала? У тебя что, твоя кровь ни разу не проявлялась?

Анька осеклась. Покраснела, нахмурилась.

– Да ты чего? Мы ж крещеные все! Православные.

– Но ты забыла или даже не знаешь, что у нас национальность по маме, а не по отцу. И поверь, твоя мама – еврейка. Я бы от шиксы не рожал.

– Совсем идиот! Ну тебя! Как ребенок теперь будет? С обрезанием?

– Да отлично он будет. Вон, кстати, татарва вся тоже обрезанная. И Иисус ваш тоже.

– В смысле?

– В прямом. Он где родился? У кого? Ханна, я сильно удивляюсь твоей дремучести.

– Я атеистка!

– Тебя не поймешь, коммунистка-атеистка-православная. Ага. Я слышал эту атеистку. В машине, в бессознанке. А если атеистка, то тем более тебе должно быть все равно. Так что праздник у нас сегодня. И у Йохана Борисовича. Ресторана, увы, здесь нет, но я дома не хуже накрою. Держи дите.

– Ненавижу тебя!

– Потом спасибо скажешь!

Куплетный конфуз

Ирод, цедя по словечку и упиваясь любопытством Лидочки, напомнил ей об акцентированных песнях и конфузе его коллеги, который решил подловить самого Утесова.

– Лидочка, вы оцените – это практически анекдот! Идет Утесов по Тверской улице, а навстречу ему – руководитель Главреперткома Платон Керженцев. Леонид Осипович, – говорит он, – я знаю, что вы, вопреки запрету, исполняете на своих концертах одесские песни «Гоп со смыком», «Лимончики», «С одесского кичмана». – Если вы еще хотя бы один раз исполните их, то считайте, что на эстраде вам больше не выступать! Ну, Утесов промолчал и пошел по Тверской дальше. В тот же вечер в Кремле состоялся концерт его оркестра – кажется, посвященный покорителям Севера... Утесов исполнил несколько «залитованных», то есть разрешенных, песен. И тут к нему подходит Ворошилов или кто-то еще из официальных лиц и говорит: «А теперь спойте “С одесского кичмана”». – «Но я не могу...» – «Са-а-а-ам, то есть Сталин просит...»

На следующий день снова идет Утесов по Тверской, а навстречу ему Платон Керженцев.

– Представляете, вчера на концерте спел «С одесского кичмана», – сообщает ему Утесов.

– Все! Вы свободны! Больше вы на эстраде выступать не будете!

– Но меня попросили спеть эту песню. И я не мог отказать. Ну Клим попросил сильно. Но не за себя!..

– И, и... – ерзала на кресле Лидочка.

– ...а за товарища Сталина. Он его послал. Так что Керженцев только пискнул и пошел дальше как мешком прибитый!

– Очень похоже на байку, – рассмеялась Лида. – Вы сами придумали?

– Да бог с вами, нашли выдумщика. Вы ж знаете – со мной только правду и ничего, кроме нее. А жизнь намного затейливее наших самих смелых фантазий. Ну вот хоть на нас посмотрите...

Фенечка и Сенечка

Феня Московчук уже год как не жила в немецкой семье. Уволили ее из-за ерунды. Она намывала полы в гостиной, а проходящий мимо хозяин весело шлепнул ее по заднице. Суровая фрау Эмма, осмотрев округлившуюся во всех нужных местах фигуру Фени в слишком тесном платье, объявила, что в ее услугах больше не нуждаются, и завтра она может быть свободна. Жалованье в полном объеме с небольшой премией «на дорогу» ей выдали тут же.

– А куда ж я пойду?

– Не знаю. Откуда пришла, – отрезала фрау Эмма.

Феня за три года жизни в немецкой семье немно- го изучила город и хоть изредка, но выбиралась из Люстдорфа ближе к городской жизни. Судьба ее решится мгновенно. В трамвае, курсирующем между Люстдорфом и железнодорожным вокзалом, она увидит объявление – требуются вагновожатые. Обучение и койка в общежитии для иногородних. Так она и переедет в трамвае в новую городскую жизнь. Водить трамвай Феня научится быстро, ну а новые подружки по общежитию покажут, как пользоваться косметикой и где ближайшие танцы. Феня по старой привычке будет откладывать даже от крошечной зарплаты, но раз в месяц баловать себя чем-то роскошным – мороженым, походом в кино или на танцы. В этом месяце выбор был сделан: открытие городского парка культуры и отдыха. Бывший Александровский парк за четыре месяца ремонта преобразился – аттракционы, огромная танцплощадка. Правда, и цены были высоченные: карусель с конями – 50 копеек за две минуты, колесные коньки – рубль, час на танцплощадке – рубль!

Феня с трудом читала по слогам, но жизнь в немецкой семье научила ее быстро считать в уме. И она справедливо решила, что с тех колесных коньков можно еще лоб расшибить и единственные чулки порвать, а час на танцах намного выгоднее двухминутной радости на карусели. Она встала в длинную очередь.

– Кто последний? – раздался голос за спиной.

– Последняя у попа жинка! – не оглядываясь, парировала Феня.

Ее легонько дернули з рыжую косу: – А ты что такая наглая?

Феня оглянулась. Перед ней стоял Сенечка – самый красивый парень из Помошной. Тогда ей было тринадцать, а ему пятнадцать. И разумеется, он такую соплю не замечал. А через год уехал в Одессу.

Сенечка по-хозяйски рассматривал Феню:

– Лицо у тебя знакомое. Откуда знаю?

Белокожая Феня покраснела со всеми своими веснушками до корней.

– Сеня, ну ты ж жил через два дома. Я Феня Московчук.

– Точно! Ого ты вымахала!

Они проболтали до самого входа, и Сеня заплатил за нее, а потом купил воды с сиропом и провел до самого общежития.

– Ну что – в субботу увидимся? – улыбнулся он.

– Можно...

Сеня потянется поцеловать ее, но Феня с силой отпихнет кавалера:

– Еще что придумал?! Совсем стыда нет!

Роман будет развиваться. Сеня станет подсаживаться в трамвай и «отвлекать вагоновожатую во время движения».

Феня очень захочет замуж. Очень. Ну а Сеня идти в загс не спешил, зато на развитии отношений настаивал регулярно. Шаг за шагом, свидание за свиданием, – он шел к намеченной цели.

Феня не знала поговорки «целоваться – не отдаваться», однако она уже с упоением целовалась, но девичью честь строго блюла.

– Фенечка, ну послушай. Ну как ты не поймешь? Ну ты на базаре, когда фрукту покупаешь, ты ж ее пробуешь? А тут на всю жизнь надо выбрать. Ну как это без пробы? – Сеня снова запустит свои руки ей под кофту и схлопочет по уху.

– А ну отвали! – Феня одернет одежду. – Знаешь что, Сенечка, напробуешься – придешь. Я тебе не с помойки, чтоб ложиться под всякого!

– Под всякого?! Ну и ходи, дура, одинокой!

Ссора вышла знатной. Сеня сядет в ее трамвай на первое сиденье в компании яркой городской блондинки с модным коротким каре и в шляпке.

В ближайший выходной Феня выгребет из потайного карманчика все свои сбережения и пойдет в парикмахерскую.

– А кто меня может подстричь?

Несколько свободных мастериц оглянутся.

– Да ну, тут такие косы... По прейскуранту стрижка – два рубля, а работы часа на три, – фыркнет одна из них и отвернется.

Оробевшая, расстроенная Феня будет стоять, наматывая косу на палец.

– Так шо, никто не будет?

Молоденькая девчонка оторвется от клиентки и подойдет к ней.

– А волосы тебе нужны?

– Чего? Я ж остричь хочу! Зачем мне чужие? – удивится Феня.

– Да нет же! Твои косы отрезанные тебе нужны? Или можно забрать?

– Да на кой они мне?

И тут с мастерицами случилась странная метаморфоза. Они все кинулись к ней наперебой, предлагая свои услуги. Феня понимала, что случайно оказалась владелицей ценного товара.

– Я к ней пойду! – Она ткнула пальцем в ту самую добрую девчонку.

Стрижка, к великой радости Фени, оказалась бесплатной. Она вышла модной, городской и, по ее мнению, невероятно красивой.

Феня не знала, что ее тяжеленные отрезанные косы даже по официальным расценкам парикмахерской стоили примерно как сутки на каруселях.

Первая часть мести Сене удалась на славу.

Он сильно удивится и, заглянув в кабину, скажет:

– Ну и зря! Такие косы были!

1936

Перевод

Петя вез семью в далекий Чернигов. Назначение по службе не обсуждалось. На сборы – привычные двадцать четыре часа, под ворчание Женьки и причитания тещи. Они успели. Фира напекла с собой еды дней на десять и долго-долго стояла на вокзале, заглядывая в их окошко. Петька всегда удивлялся этой семье и их отношениям. Его мать в разы была скупой на чувства. И на вокзал не пришла, просто коротко благословила и поцеловала сухими сжатыми губами в лоб на прощание. А здесь обнимались, целовались постоянно и без повода. Ирина Ивановна после смерти мужа стала еще меньше, точно как воробышек. И все время пыталась своими крылышками закрыть уже давно выросших детей. А к этому Петька так и не привык.

Под колыбельную вибрацию поезда он с верхней полки смотрел на жену. Две беременности вообще не коснулись Женькиной талии. Точеная, поджарая, породистая, с алым ртом и чернящими глазами. Она отлично знала, какое впечатление производит на мужчин, и с удовольствием этим пользовалась. Впрочем, оставаясь всегда верной, как собака, своему адиёту Петьке. Да, дочка у Беззубов получилась не такая сердечная, как мать.

«Господи, куда ж меня занесло», – думал Петька, оторвав взгляд от Жениной шеи, – рядом возилась с куклой Нила. До чего солнечный ребенок, и глаза его, виноградные, правда, с янтарными всполохами, и эта смешная стрижка под горшок, и темный бархатный бант на макушке. Нилочка умело объединила два рода, взяв внешность Лельки и сердце Ирины... Она баюкала мишку, то-то мурлыча под нос, качала ножкой и нечаянно чиркнула сандаликом по подолу мамы.

– Да что ж ты неуклюжая-то такая! – зашипела Женя, старательно отряхивая чистый подол. – А ну сиди тихо!

Петьке иногда казалось, что Женя не любит Нилочку. Ну как же так – родная дочь, не может быть, это все проклятые чекистские штучки – с поиском чернухи в людях! Он тряхнул головой, отгоняя тревожные мысли. Свесился с полки – под ним, посапывая, раскидав тонкие ножки и приподнимая на каждом вдохе животик, сладко спал Вовочка.

Петька не ошибся. Врожденное чутье и наблюдательность, усиленная тренировками и спецкурсами, считали то, что Женька скрывала.

Она так и не привыкла. Не смирилась, что первенец не сын, похожий на ее обожаемого папу, Ивана Несторовича. Рядом с ней жила и ежедневно напоминала обо всех прошлых обидах маленькая веселая копия ее свекрови.

По прибытии в Чернигов новоиспеченному младшему лейтенанту госбезопасности с семьей был выделен добротный каменный дом на высоком фундаменте с большим и ухоженным садом. Сопровождающий солдат, заноса их вещи, пояснил:

– Дом поповский, богатый, все в целости сохранили, только иконы убрали. Живите спокойно.

Куда делся поп и его семья, он не сообщил, хотя Женя спросила напрямую. Солдат сделал вид, что не услышал вопроса, попрощался и ушел, сказав перед этим:

– Если что-то нужно будет, сообщите дежурному по управлению.

Нилочка вихрем носилась по комнатам, восторженно крича от все новых и новых открытий, призывая всех посмотреть, что она тут волшебного нашла или увидела. И когда выбежала из дальней комнаты, прижимала к себе старого, явно залюбленного до обгрызанных ушей плюшевого медведя...

Женька присела посреди гостиной на край стула и шепнула:

– Петя... что-то мне не по себе... Здесь все обжитое и чужое... Здесь везде такие вещи, такие мелочи, как будто хозяева вышли на минутку и сейчас вернуться, а мы зашли без стука и без спроса, и нам пора уходить... Мы чужие здесь, это не наш дом...

Петька попытался отшутиться:

– Вам, гражданка Косько, не угодишь – то хоть бы какой, но свой угол, то фу жить в библиотеке с ходоками, теперь собственный дом не нравится!

– Петь, а где хозяева?

Петька резко сменил тон:

– Женя, ты жена лейтенанта Наркомата внутренних дел! Увы, такого выбрала. Теперь выбирают за нас. Скажи спасибо, что не барак. Будь добра, радуйся тому, что есть, обживайся, налаживай быт,

а я пошел в горотдел НКВД, оформлять нас, ставить на довольствие и принимать дела. Служба...

Сосницкий РО НКВД возглавлял лейтенант Горлинский, человек достаточно образованный для того времени, несмотря на свое более чем пролетарское происхождение. Он был очень рад пополнению и оказал всемерную поддержку своему заместителю. Оформление и все бюрократические процедуры заняли не более часа, может, потому, что начальник лично прошел с Петькой по всем кабинетам, балагуря, болтая о всяких пустяках и шутливо представляя сотрудников Сосницкого горотдела. По завершении всех формальностей пригласил его в кабинет.

Тут он стал серьезен:

– Ну так как, Петр Иванович, положение у нас в районе, да и в самом городе, не очень веселое, кроме личного оружия, получишь внизу в оружейке автомат и два диска к нему, патроны и гранаты. Без оружия ходить по городу запрещаю! – Помолчал и спросил: – Как семья, обживаетесь?

– Да как вам сказать... – начал было Петька.

– Когда мы одни, переходим на ты, если не против... Разница по возрасту у нас, кстати, всего один год с небольшим, я тут глянул твое личное дело... Так что я – Николай, Коля значит. Ты – Петр, Петя... Со всеми вытекающими... Ну а при всех прочих, разумеется, Николай Дмитриевич и Петр Иванович – идет?

– Идет, – облегченно выдохнул Петька и продолжил: – Слушай, Николай, а можешь мне выдать какое-нибудь оружие для жены, она очень хорошо стреляет...

– Хорошо, говоришь? Ну, учитывая оперативную обстановку, что-нибудь придумаем, а пока вот что. У нас тут все семейные, так чтобы задницу перед начальством прикрыть и стволы барышням нашим раздать, мы решили укороченные стрелковые курсы организовать при горотделе, жены комсостава и родственники работников НКВД города и района пройдут обучение, и выдадим им какое-никакое оружие после сдачи зачетов. Вот только инструктора найдем толкового, не хочу я со стороны вольнонаемного брать, момент нынче не тот... Кстати, а ты ж у нас бывший инструктор, так?

– Было такое, отрицать глупо, ты ж мое личное дело видел, – угрюмо ответил Петька.

– Тогда назначаю тебя с завтрашнего дня моим заместителем по стрелковой подготовке на общественных началах...

– Я могу отказаться? – спросил на всякий случай Косько.

– Конечно, нет. Но в знак благодарности и в порядке компенсации я тебя обеспечу личным транспортом, на выбор – жеребец-трехлетка, конь боевой, выстрелов и разрывов не боится, или мотоцикл, но водителя не дам, сам будешь рулить...

– Да ну его, твой мотоцикл, да и не везде проедешь на нем, дороги-то у вас аховые, не дороги, а рыдание сплошное...

– Правильный выбор, одобряю... Край тут казачий, значит, и кони добрые, выпестованные. Так что получай обмундирование, оружие, продукты, денежное довольствие и с завтрашнего дня приступай к исполнению обязанностей. Жду утром, познакомлю с оперсоставом.

– Николай, а что ты там про невеселое положение в городе говорил? – спросил уже в дверях Петька.

– Да на прошлой недели почистили мы этот славный городок от всякой нечисти – повыселяли подкулачников, офицерье неблагонадежное, недовольных всяких и служителей культа... Ну не без перегибов, конечно, сопротивлялись... Вот и поднялась буза в народе, не понимают они, что мы не для себя, мы ж для общего дела, для страны нашей стараемся...

– Ну побузят и перестанут, у нас в депо достаточно было горлопанов всегда чем-то недовольных.

– Э, не скажи, – вздохнул Горлинский. – Сосница, брат, городок маленький, кто кум, кто сват... Как тут говорят – все спят под одним одеялом. Вот и дошли до меня слухи нехорошие, могут и в открытую выступить, к тому же среди недовольных много бывших фронтовиков, обстрелянных, опытных... И леса кругом на много километров... Потому и приказ: без оружия – ни шагу! Ладно, до завтра...

Петька спустился на первый этаж и первым делом получил оружие – новенький, в заводской смазке ППД-34 – пистолет-пулемет Дегтярева, два барабанных магазина в подсумках, патроны и две гранаты. Сержант еще предложил три вида ножей в ножнах, на выбор. Косько легко опознал каждый из них. Тут был простой пехотный тесак в кожаном чехле и два вида пластунских ножей – с узким прямым лезвием и бебут – с изогнутым клинком. Он не раздумывая взял

пластуна с прямым клинком в деревянных, обтянутых кожей ножнах. Сержант одобрительно крикнул, потом не удержался и сказал:

– Ну вот наконец-то нашелся знающий человек, – и пояснил в ответ на недоуменный взгляд лейтенанта: – Да наши все больше тесаки выбирают, за размер, наверное... А этот красавец, – он кивнул на выбранный нож, – для понимающего и умелого человека предназначен...

Добравшись домой, где уже пахло чем-то съестным, Петя под одобрительные охи и ахи всей семьи выгрузил все, что сумел донести, остальное обещал забрать завтра. Домашние на продукты смотрели не очень внимательно, разве что сахар и кулечек конфет их порадовали, а вот диковинное оружие все разглядывали с большим интересом – ППД на тот момент был редкостью, и потому понятное дело – все хотели поддержать и потрогать его.

На курсах НКВД ППД-34 изучали очень подробно – этот автомат как раз стал массово поступать в войска НКВД по всему СССР. Он был достаточно тяжелым, не только для детей, но даже для Женьки: еще бы – почти шесть кг... А ведь из него еще и стрелять надо, а значит, отдача и увод ствола в сторону... Зато в пластунский кинжал Женька вцепилась моментально:

– Петечка – это мне!!! – безапелляционно заявила она и крепко прижала нож к груди.

– Да твой, твой... Для тебя и выбирался... – ухмыльнулся довольный Петька. – Помнишь тот первый, что я тебе подарил? Ну так вот этот поинтереснее будет, клинок дамасский, затыльник литой, как на арапнике у отца твоего, голову пробьет на раз...

Женька взвизгнула, повисла на шее мужа и впиалась в губы долгим поцелуем:

– Ну я тебе ночью задам, – прошептала ему в самое ухо, – живым не выпущу... – И закружилась по комнате, воинственно размахивая клинком в ножнах, делая выпады и разя невидимых противников направо и налево...

Петька сгрел ее в охапку: – Да подожди ж ты, заполошная... – И сам зашептал на ушко: – Там в под сумке еще две гранаты. Одна тебе, другая мне. Подумай, где спрятать, чтобы дети не нашли.

– Я уже три таких места нашла, – быстро ответила она. – Не беспокойся, все очень надежно и недоступно для детей...

Женька лукавила, – она нашла четыре места, пригодных для схрона оружия, просто в четвертом уже лежали пять украденных из схрона во Фрунзовке гранат и браунинг – ее личный арсенал.

Служба для Косько началась как обычно – хлопотно, суматошно и непонятно. Перфекционист и педант, он уговаривал сам себя: «Потерпи, оглядись, дальше будет легче», но легче не становилось. Наоборот, видя, что новый зам все делает очень ответственно, нагружать его поручениями стали, помимо непосредственного руководителя, и начальники отделов – по сути уже его подчиненные. Быстро это поняв и изучив обязанности каждой должности, со второй недели службы Петька четко ограничил круг своих дел, и на все попытки подкинуть ему новые задания стал задавать очень прямые и предельно короткие вопросы:

– А кому поручено это дело? Кто ответственный? Где резолюция?

На все попытки взывания к партийной взаимовыручке, товарищескому плечу и титулу новобранца он нудным голосом начинал цитировать параграфы про «наблюдать за процессом и контролировать сроки», а трем особо хитрым и непонятливым сотрудникам жестко и достаточно громко, чтобы слышал дежурный, ответил:

– Товарищи, вы не справляетесь? Так и скажите, и я в течение дня найду, кем вас заменить, а вам подберем другую, менее ответственную и совсем простую работу! Например в карауле или конвоировании.

И как бабка пошептала – все от нового зама сразу отстали. А еще через неделю, в субботу, начальник горотдела посмеиваясь сказал:

– Ну ты, Петр Иванович, и крут однако... Мне тут на тебя только ленивый не пожаловался...

– А на что жаловались? – вскинулся Петька. – На то, что служебные обязанности напомнил и за неопрятный внешний вид отчитал?

– И на это тоже, но в основном все говорили, что ты слишком жестко разговариваешь и никогда не просишь, а приказываешь...

Косько встал, расправил гимнастерку и процедил:

– Я действую исключительно по уставу и в рамках своих обязанностей. Если в уставе есть пункт, что командир должен не

отдавать приказ подчиненным, а просить их, я буду неукоснительно его выполнять.

– Да не кипятись ты, чего вскочил?! – махнул рукой начальник горотдела. – Я же очень рад, действительно рад, что нашелся тот, кто моим разгильдяям перьев-то понадергал! Распустил я их, каюсь, текучка заела! Но теперь нас двое, теперь мы им спуска не дадим! Ну и поздравляю – самую бытовую проверку на прочность прошел на отлично.

Потом они еще долго говорили о делах – и служебных и семейных, – в конце начальник напомнил Петьке об обещании провести занятия с женами комсостава по стрелковой подготовке и положил на стол подписанный Главным управлением НКВД рапорт о создании курсов.

– Только не затягивай, – попросил он, – проведи ускоренными темпами, возможно, все наши умеют обращаться с оружием, так что нужна только бумажки о сдаче зачета по матчасти и проведении зачетных стрельб. Занятия будешь вести в нашем клубе, плакаты и наглядную агитацию уже развесили, винтовки есть, стрельбище есть, патронов – завались. Дело за тобой. Завтра – первое занятие.

– Как завтра? – опешил Косько. – А когда ж я сам подготовлюсь?

– Зачем? Ты не сможешь рассказать, как устроена трехлинейка? Так многие со школы ее знают, стреляют хорошо. Давай ускоренными темпами – пару занятий по теории, сразу же зачет, кто не сдаст – список ко мне на стол, и в тот же день стрельбы. Значки «Ворошиловский стрелок» я обеспечу, скажешь только, сколько первой степени и сколько второй степени. Протоколы стрельб напишешь в трех экземплярах, я в Чернигов, в управление, один перешлю, что б никто не задавал вопросов, почему я раздал оружие неподготовленным людям. Все, до завтра! В 9-00 в клубе встретимся.

Значок «Ворошиловский стрелок»... Женька дома постоянно изводила Петьку:

– Я хочу значок! Я отлично стреляю!

Положение о создании звания «Ворошиловский стрелок» было утверждено еще в октябре 1932 года Президиумом Центрального Совета Осоавиахима СССР, сам знак появился в декабре. Через пару лет, чтобы повысить стрелковое мастерство, будут введены две

степени – «Ворошиловский стрелок» и «Ворошиловский стрелок-2», но для получения второй степени требования были жесткими – начиная от дальности и скорости и заканчивая стрельбой только из боевой винтовки. Выдать Женьке боевое пока случая не предоставлялось.

Когда Петька уже шел к двери, Николай Горлинский добавил:

– Да, я назавтра корреспондентов районной газеты и нашей многотиражки вызвал, с фотографом, так что предупреди жену – их будут фотографировать.

– А это-то зачем? – удивился Петька.

– А для всего сразу: и для народа – пусть все знают о том, как и чем живут те, кто охраняет их покой, и для наших девочек – им же приятно, что о них пишут, и для начальства, а то у нас принято только жучить за недочеты и плохие результаты, а за что-то хорошее и достойное похвалить забывают! Ну вот мы напомним. Так что все в масть, – он улыбнулся и совсем по-мальчишески подмигнул Петьке.

Занятия прошли на удивление быстро. Но если зачеты по матчасти все сдали на отлично, то стрельбы прошли средне. Все слушательницы знали, как правильно держать оружие и целиться, но единственной, кто показал класс в стрельбе и сдал нормативы на «Стрелка второй степени», была Женька. Петька довольно смеялся:

– Такое чувство, что фотограф заранее знал, кто тут самый меткий. Он же вообще только тебя снимал.

– Ай, – отмахнулась Женька – ну ты остальных видел? Предупредили же, что газета будет! А они? Ладно губы не накрасили, так разве что в халатах домашних не пришли! Они что, не знали, что стрелять надо лежа? Нарочно опозориться для истории решили!

Петька посмотрел на Женю, – в пижонском галифе, идеально подогнанном под бедра, и в такой же облегающей гимнастерке. Красная косынка на черных кудрях, алые губы... Где ж она в этой глуши помаду раздобыла?

К концу недели начальник горотдела утряс все формальности в Осоавиахиме с получением значков и в том же клубе в воскресенье, в торжественной обстановке, вручил их слушателям. Снова были корреспонденты и фотограф, и вышла еще одна статья на первой

полосе – с фотографией, где лучшей в стрельбе выпускнице Евгении Косько начальник жмет руку.

– Да, не зря ваш муж так вас хвалит и оберегает. Я его понимаю, – улыбнулся Николай, вручая значок и грамоту Женьке.

Та расплылась в улыбке от комплимента и посмотрела своим отработанным убийственным взглядом «снизу-вверх» на начальство:

– Как я рада знакомству!

– Взаимно!

А через неделю, уже без всякой помпы и прессы, всем женам начсостава было вручено оружие. В основном это были старые, зато очень надежные револьверы системы наган.

Женька и тут отличилась – она прилегла грудью на окошко выдачи и недовольно сунула туда только что полученный ствол:

– А можно мне не этот, а десятого года выпуска?

Дамы в очереди оживились. Дежурный буркнул:

– Этот вам чем не подходит? Он посвежее и рабочий.

– Так есть десятого?

– И чем он лучше?

Женька взяла модель десятого года, развернулась к остальным дамам, молча сдвинула стопор и откинула барабан вправо, показала его всем и так же, молча, одним коротким движением, вернула его на место.

– Ну и что все это значит? – удивленно спросила стоящая рядом девушка.

– Перезарядишь быстрее, чем в других моделях, – коротко пояснила Женька. – Пока ты в свой по-одному будешь пихать и проворачивать – тебя уже подстрелят.

– Ого! Все правильно, Евгения Ивановна, ни отнять ни прибавить, – раздался сзади веселый голос.

Барышни расступились, и Женька увидела начальника горотдела. Николай Дмитриевич с интересом смотрел на нее. Она же, не смущаясь, деловито протянула ему руку для рукопожатия:

– Спасибо за поддержку!

Горлинский энергично тряхнул ее узкую ладонь и развернулся к глазеющим дамам.

– Учитесь, девочки! Это сегодня важнее борща! – А потом перешел на обычный командирский тон:

– Товарищ сержант, продолжайте выдачу оружия, не задерживайте, женщинам пора по домам, у них забот выше головы, – и снова, повернувшись к Женьке, продолжил: – Евгения Ивановна, впечатлен. Супругу вашему лично вынесу благодарность за воспитание настоящего бойца.

А возле окошка волновалась небольшая очередь:

– Нам давайте, как у Косько! Слышал, что начальство сказало!

Ну а дома Зоя Александровна, супруга Николая Дмитриевича, подав ужин и дождавшись, когда муж доест, спросила:

– И что это было в оружейке? Я так понимаю, борщ вам теперь не нужен?

Николай насупился:

– Ты нужна. Не понимаешь, что ли, чем в воздухе пахнет. Нас дома нет никогда, а мстить сюда придут. Так хоть какой-то шанс в живых остаться, когда меня рядом нет. И да, еще похвалю! И в пример поставлю! Ты тоже вместо того, чтобы вот это, – он потряс перед женой салфеткой со стола с вышитыми розами, – мещанство разводить, лучше бы оружием нормально владеть научилась. Видел я твои результаты!..

Николай Дмитриевич был настоящим стратегом и на самом деле достиг еще одной цели. Этими обязательными протокольными курсами с разрешенной раздачей оружия он буквально удвоил свой крошечный относительно местного населения и прилегающих лесов гарнизон. И кем! Не вольнонаемными, не отставниками, неизвестно под какими флагами и за чью власть воевавшими, а проверенными боевыми подругами, которые не выстрелят в спину, не предадут и будут стоять рядом до конца. Причем чем страшнее ситуация, тем отважнее жены, матери и сестры будут защищать свои семьи. Ни один самый идейный местный комсомолец так не сможет.

Крест и молот

Этого взрыва Мельницкая не услышала, но уже к вечеру от клуба Иванова до коньячного завода бурлила толпа. Фира, возвращающаяся с джутовой фабрики после суточного дежурства, настороженно разглядывала толпу возле Алексеевского храма.

Она секунду поколебалась у двора, но усталость победила любопытство, и она пошла домой – спать. Но не дошла. Внизу ее перехватила встревоженная мадам Полонская:

– Ирочка, ты слышала за этот ужас?

– Который? – скучным голосом переспросила Фира.

– Ну как же! Кафедральный собор на Преобра... на Красной армии взорвали!

– Как взорвали?

– А вот так! Сначала выкинули всё оттуда, даже кости Воронцова с женой, золото и награды поободрали, иконостасы дорогие увезли, а гробы выкинули. Они еще хотели памятник Воронцову скovyрнуть, но не вышло.

– Да что ты за страсти рассказываешь? Я ж не засну! – воскликнула Фира.

На галерею вышла Гордеева:

– Говорят, они взорвать не смогли – фундамент крепкий, так колокольню подорвали изнутри, она рухнула и собой храм развалила. Там все оцепили – народ, говорят, рвется...

– Ой горе, – простонала тут Ривка.

– А ты-то чего? – вскинулись все.

– Вчера Гедале сказали с восьми утра с рыдваном на Соборке дежурить... Куда ж его подвязали, сволочи?!

После взрыва собора шесть автомобилей и две дюжины портовых грузовых подвод неделю вывозили обломки мрамора и камня...

Часть обломков и вырезанных блоков на трамвае перевезли и сгрузили на Слободке – для строительства новой школы. Это было так оглушительно и страшно, что город сжался, скукожился на пронизывающем мартовском ветру и, скуля, уполз по дворам и комнатам. Плакать, жечь лампы, молиться или... отмечать победу. Как профсоюзный камнетес Макар.

Он вышел утром во двор – проветрить голову и похмелиться. Жадно отпив полстакана, поднял его над головой: – За власть советов без попов и крестов! Всех взорвем! – прохрипел.

И только поднес ко рту вторую половину, как сверху его накрыло ледяной волной с устойчивым запахом рыбьих потрохов. На галерее, победно опираясь на уже пустое помойное ведро, стояла Нюся Голомбиевская:

– Слышь, православный коммунист, забыл, что Бог любит триицу? – расхохоталась она.

– Нюся, – шепнула ей выскочившая на вопли Макара Фира, – ты отчаянно храбрая женщина, хоть и католичка. И отчаянно дурная. Он же настучать может.

– Да ладно, может, мне просто вниз спускаться было лень? И кому он настучит? Он же не дотянется, маломерок!

– В контору настучит!

– Ну у меня же есть свидетельница – что он на самом деле меня домогался, а я дала отпор.

– Ой мишигинер... ты, Нюся... на всю голову! – отмахнулась Фира.

К вечеру следующего дня приедет Гедаля. Как обычно, пьяный, но впервые без букета.

– Горе какое... горе, – будет он шептать своим першеронам, снимая с них упряжь, – гибнет город... Великие грешники все мы... Господь един... он покарает... всех покарает...

Одесса замолкла. Несмотря на запреты, в воскресенье Молдаванка заполнилась новыми людьми. Воцерковленные прихожане, а большей частью прихожанки, приехали сюда, в пока целую и невредимую Алексеевскую церковь – поддержать и за поддержкой.

Воскресная проповедь в новом главном кафедральном храме Одессы была на удивление короткой.

– Святой апостол Павел. Послание к галатам, – объявил серьезный настоятель и, выдерживая долгую паузу, зачитал: – Написано в пятьдесят седьмом году от Рождества Христова: «Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет!»

И, помолчав, наверное, с минуту, в гробовой тишине, от себя добавил: – И ничего с тех пор не изменилось!

Но пока ни молния, ни другие кары небесные не покарали святотатцев. Наоборот. Новая власть стремительно создавала новые ценности, свои. Не прошло и двух месяцев, как в голодном, карточном тридцать шестом парк Шевченко – бывший Александровский – снова стал центром народных гуляний и семейных воскресных дней.

Оперативный душ

Постепенно сослуживцы и подчиненные Петра Косько привыкли к его требовательности и, правда, не без сожаления и сопротивления, отказались все же от прежней вольной жизни. Не все и не сразу, но он упрямо гнул свою линию, причем не только в соблюдении обязанностей. И всем волей-неволей пришлось смириться, что вольница закончилась и надо считаться с новыми порядками в виде старого устава. Ну а в начале октября произошло будничное событие, после которого многие взглянули на нового зама другими глазами.

Октябрь в Чернигове – это не тот октябрь, что в Одессе: никакого тепла, солнца, бесконечного ласкового бабьего лета... Дожди окончательно размыли все дороги и тропинки вокруг Сосницы, машины безнадежно вязли, буксовали и постоянно ломались, поэтому оперсостав пересадили на лошадей. Грязь не щадит никого, даже проверенных коммунистов. Оперативники возвращались с заданий или с патрулирования, покрытые ею с ног до головы, причем и люди, и лошади. В один из таких ненастных дней Петька увидел во дворе у колодца изгвазданного по шею человека в форме, который набирал воду в ведро. Такого разгильдяйства Косько спустить не мог и резко спросил:

– Представьтесь!!! Почему в таком виде? Что за вонь от вас???

– Командир опергруппы сержант Кирсанов, – отставив ведро, устало козырнул человек.

– Немедленно приведите себя в порядок, и ко мне в кабинет! – потребовал Петька.

– Товарищ младший лейтенант, разрешите доложить: я командир опергруппы, вернулся с задания пятнадцать минут назад. Личный состав приводит себя в порядок. Позвольте напоить лошадей, почистить оружие... Прошу дать мне 30 минут... – услышал в ответ.

Сзади раздалось короткое ржание, Петька оглянулся – перед конюшней, у коновязи, нервно перебирали ногами пять лошадей, от них валил пар.

– Хорошо, но ни минутой больше, – сухо сказал.

– Есть! – прозвучало.

Ровно через тридцать минут в дверь постучали и в кабинет вошел командир опергруппы. Видно было, что приводил он себя в порядок поспешно, и гимнастерка на нем была хоть и сухая, почти новая, но явно чужая, без знаков отличия.

– Вы сержант, почему на вас гимнастерка рядового? – услышал в ответ.

– У дежурного одолжил, мою так быстро не очистить, стирать надо, лошадь моего разведчика в «окно» на болоте угодила, пока вырочали, вымазались все... Ну и погода, конечно, не располагает к чистоте, – спокойно ответил опер.

– Но вы же командир, – строго продолжал Петька, но вдруг осекся, посмотрел еще раз внимательно, увидел разводы грязи на шее опера и уже другим тоном продолжил: – Так, понятно... А где вы моетесь, у нас есть баня или душевая?

– Нет ни бани, ни душевой... – усмехнулся опер. – В конюшне сливаем друг другу из ведра, вот и вся на-ша баня.

– А обмундирование где стираете?

– Дома.

– Правильно я понимаю, что сейчас вы переоденетесь в свою гимнастерку и мокрый и грязный пойдете по городу к месту жительства? – настаивал Петька.

– Ну... да... а в чем же еще... другого обмундирования у меня нет, – совершенно растерянно ответил командир оперов.

– Я вас понял, можете быть свободны, – скомандовал Косько.

Вечером за закрытыми дверями начальник горотдела и его зам долго совещались.

И утром следующего дня в конюшне два плотника соорудили раздевалку-выгородку, взгромоздили на сеновал большую бочку – и душ был готов. А вечером, вернувшись с задания, оперативники почувствовали себя королями – на каждого из них в кухне столовой горотдела было приготовлено ведро кипятка, и завхоз выдал под расписку – опять же каждому! – комплект нового обмундирования и офицерскую плащ-накидку.

– Что случилось? Откуда такая неслыханная щедрость? – недоумевали опера.

– Это новый зам расстарался, сказал, чтобы вы внешним видом нас не ди... дисре... дискредитировали... – последнее слово завхозу

далось явно с трудом.

– Чего???

– Да чтобы не ходили как черти чумазые по улице, что непонятно?!?! – разозлился он.

– Да лучше бы он нам еще один пулемет дал! – с досадой воскликнул кто-то из рядовых оперов.

– Иди ты в баню! – в сердцах рыкнул завхоз и добавил: – Во всех смыслах!!!

Без защиты

Бабье лето цеплялось стеклянной паутиной на еще зеленые ветки акаций и на чугунные кружева ограды Свято-Алексеевского храма. Фира открыла окно – на улице было солнечно и тепло, как в августе, только небо ярче и воздух чище. Она глубоко вдохнула и блаженно пробормотала: «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора... где день стоит как бы хрустальный и лучезарны вечера...» Именно такой день был сегодня. Фира подобрала разбросанные по полу и стульям вещи Ксени – совсем, зараза, одежды не бережет! А уже девятнадцать. Давно невеста, а в голове не пойми что! И ладно бы танцы или женихи, а то один гроссбух на уме.

Фира ворча, но медленно, с удовольствием, перевернула стулья на обеденный стол, смахнула пыль веником и принесла ведро. Вчера «агроисен бухгалтер» устроила культурный поход и чуть не силой вытащила ее в кино. В иллюзионе Фира последний раз была, страшно подумать, – в двенадцатом году, и поход тогда закончился скандалом, крысой и отошедшими водами у Нюси.

– Что-то после того раза меня это искусство настораживает, – отнекивалась Фира. Но Ксеню разве можно было переубедить?

– Так! Мама, не делай мне нервы! – Она смешно насупилась. А потом притащила из шкафа свое платье из панбархата. – Давай! На тебе уже скоро мох с грибами вырастет – сидишь на своей фабрике у горшков и света белого не видишь!

– Меня устраивает, – огрызнулась Фира.

– А вот меня – нет! Включила бабушку-старушку! Носит одно платье четвертый год! Мама, голод пережили, мы выросли. Давай, гулять пошли! Одевайся! – Она силой вручила ей свой лучший наряд.

Фира, хихикая, выглянула из комнаты. Она утонула в бархате, как в смиренной рубашке. И, закатив глаза, вытянула вперед руки со свисающими, как у Пьеро, рукавами. Сильно картавя и манерничая, она пропела Вертинского:

– «В бананово-лимонном СингапуГе, в буГГе... БГаслетами и кольцами звеня...»

Ксения хохотала до слез:

– Мама, ну ты чего?

– Сама его пластинку притащила запрещенную и теперь спрашиваешь!

– А куклу-то что из себя строишь?

– Ксения! Ты не знаешь, кого слушаешь, – а я его живьем видела! В восемнадцатом. Он еще запрещен не был. На концерте в кафе. Выступал твой Вертинский, между прочим, в точно таком же наряде. Только лицо набеленное. Грустный клоун. Ну а меня белить не надо, я и так синяя, как кура. Расстегни там, давай, я что-то запуталась...

За эти прошедшие четверть века кино сильно изменилось. Фильм был не просто звуковым – музыкальным! Да еще каким! «Дети капитана Гранта». Фира просидела весь фильм, по-детски приоткрыв рот от восторга. Ксения периодически косилась на нее и улыбалась.

Вышли из кино уже в сумерках. Фира захлебывалась от эмоций:

– Нет, ты видела! Ой, помнишь! А музыка! Музыка какая! – Она легко, по-девчоночьи подпрыгнула, пристукнула в воздухе каблуками, а потом, помахивая юбкой, пропела:

– Капитан! Капитан, улыбнитесь!

Ксюха улыбалась до ушей. Мама щебетала не умолкая.

– Мам, – в ночной сорочке и в папильотках на черных кудрях Ксюша заглянула к Фире в спальню, – мама, ну как тебе не стыдно! Кинотеатр – за углом на Степовой, то есть... Мизикевича! Билеты копеечные! Обещай, что будешь ходить со мной гулять! Хоть раз в месяц.

– А ты обещай, что будешь ходить-гулять с кавалерами! Хоть раз в месяц!

– Ну смотри-и-и, мамочка, – протянула Ксения, – чтоб потом не жаловалась. А то, как там Фердинандовна говорит, – втянешься не переломишься?

И вот сегодня, наполненная, восторженная, вдруг помолодевшая Фира, продолжая мурлыкать ту самую запавшую строчку «Капитан, капитан, улыбнитесь», опустила с тряпкой на колени и полезла протирать дальний угол, который, как обычно, никто из детей не вымывал...

«Ка-пи-тан, ка-пи...»

Потом она услышала, как от взрыва содрогнулся весь дом. Открытое окно уцелело, второе – которое она не трогала – добавило верхних нот и осыпалось осколками на Фирины ноги. Она замерла и медленно выползла из-под кровати:

– Господи, что это?

Не обращая внимания на порезы, выскочила во двор, оттуда на улицу выбегали соседи. Она бросилась следом за ними и остолбенела... Алексеевской церкви не было – ни креста, ни купола, только растерзанные куски стен. Прозвучал второй взрыв – кто-то упал, кто-то присел, кто-то закричал...

Вместо главной церкви Молдаванки осталась гора обломков. Фира не пошла смотреть. На прямых ногах она вернулась в дом, оглохнувшая, одуревшая, стала собирать осколки. За окном были слышны крики, кто-то громко рыдал, слышалась ругань милиционеров, проезжали телеги... В ее комнате по стеклу, разделенному деревянным крестом рамы, пробежала длинная кривая трещина. На полу лицом вниз лежала упавшая с полки икона Божьей Матери, та самая, которой их с Ванечкой благословляли в Никополе.

Фира подняла ее, прижала к груди, как ребенка, и прошептала:

– Ванечка... мы совсем без защиты... – Она села на кровать, положила икону рядом с собой и тихо заплакала:

– Совсем... Ванечка, защити деток, защити, больше некому...

Начеку

Через два дня после взрыва Алексеевской церкви, на Покрова, случилось ЧП, которого так боялся лейтенант Горлинский. На праздничную службу в Сосницу из окрестных сел пришло много народу. Церковь была закрыта на замок, и недоумевающие селяне стали скапливаться у бывшего поповского дома. На шум вышла Женька, на беду, в том же наряде, что и на стрельбы ходила, только без косынки красной.

– В чем дело, товарищи?

– Праздник сегодня, церковь на замке, а мы к бабушке, – нестройно отвечала толпа.

– Нет тут никакого бабушки, тут живет семья заместителя начальника городского отдела НКВД, расходитесь по домам, – громко и властно ответила Женька.

– А ты кто такая, чтобы нами и тут командовать? Где отец Сергей?! – взвизгнул истеричный бабий голос.

– Вот же сучка партийная, нквэдэшная подстилка, все отобрали, теперь уже и помолиться негде, нехристи проклятые!!! – враз поддержали ее со всех сторон.

Дальнейшие события развивались стремительно – из толпы в сторону Женьки полетели камни, звякнуло разбитое стекло, заплакала Нилочка, следом громко и истерично заревел Вовка.

Женя бросилась в дом и закрыла дверь на засов, но это только раззадорило толпу, в окна снова полетели камни, доски забора, все, что попало под руку. Скоро в доме не осталось ни одного целого стекла.

Женька с браунингом и гранатами в охапке влетела в гостиную, закричала:

– Дети – на пол, под кровать, в угол! Нилочка, держи, одеялом накройтесь. Ничего не бойтесь, только уши закройте руками – будет очень громко!

Она встала в простенок между окнами и что было сил закричала:

– Граждане, расходитесь, я буду стрелять!!!

– Ишь, сука, стрелять она в нас будет, а ну, мужики, вытащите ее сюда! – прозвучал над толпой старческий голос.

Ну, не загоняйте в угол суку, которая кормит щенков. Не загоняйте – она перегрызет горло любому. Даже хозяину. И не важно – волчица ли это, комнатная ли собачонка или обычная баба. Главное то, что если от ужаса она не впадет в ступор, то в момент смертельной опасности для потомства разум ее, может, отключится, но инстинкты – никогда. И просыпается в ней древнее, темное, хтоническое женское начало.

– Назад, сволочи, – всех положу!!! – заорала Женька и, сорвав предохранительную чеку, одну гранату бросила влево от окна, другую – вправо, стараясь отбросить их как можно дальше от толпы. Сильный взрыв потряс весь дом, по стенам стеганули осколки...

– А-а-а-а... убили, убили, спасите! – завопило сразу несколько голосов.

– А-а-а! Церковь отняли! Нас убиваете! Сдохни, тварь! Огонь давай! Пустим красной шалаве красного петуха! Поджарим жидовскую тварь! Спалим это гнездо поганое! – бушевал на улице народ...

Петька был у себя в кабинете, когда услышал сдвоенный звук взрыва и вскочил:

– Женька!!!

В кабинет без стука вбежал запыхавшийся дежурный:

– Там вашу семью убивают! – задыхаясь, еле смог проговорить он.

Внизу слышались команды:

– В ружье, тревожная группа по коням!

Петька одним каким-то бесконечно-непрерывным движением вынул гранату из ящика стола, сунул наган в карман, слетел на первый этаж к оружейке, где очень серьезный сержант сначала молча сунул ему в руки автомат с уже пристегнутым диском, потом еще три запасных сгреб со стола в вещмешок, а наконец добавил четыре гранаты, потом все это протянул Петьке и скупно произнес:

– Патрон в патроннике, просто снимешь с предохранителя и жми на курок...

Косько вылетел во двор к конюшне, повторяя, как молитву:

– Женечка, Женечка, держись, я сейчас...

Два взрыва... – считал. – Два! А граната у нее была одна... значит, бросили в ответ... Значит...

По двору метались какие-то люди, спешно седлая коней, со всех сторон раздавались разные команды, но он ничего не слышал, не замечал...

Седлать было некогда, он вывел своего жеребца и просто с места в галоп понесся в сторону дома...

И минуты не прошло, как Петька влетел в открытые ворота усадьбы, увидел бушующую толпу, разбитые окна дома, кто-то окровавленный, спотыкаясь и падая, полз вдоль забора... Несколько человек карабкались с факелами на высокий фундамент к окнам, а один здоровенный парень уже наполовину торчал в проеме окна, только ноги свешивались на улицу...

Счет шел на секунды.

– Назад!!! – и очередь в воздух! Конь от неожиданности прынул в сторону. Петьку обожгли многочисленные горячие гильзы...

– Назад, суки, всех положу!!!

Толпа развернулась в его сторону, и большая группа мужиков рванула к нему.

«Ну вот и все, – мелькнула мысль, – сейчас эти меня завалят, а оставшиеся Женьку, если еще жива, и детей порвут на куски, пока наши подоспеют...»

Больше он не ни о чем не размышлял – направил автомат на толпу и не отпускал курок, пока затвор не лязгнул вхолостую...

Первая настоящая Петькина кровь была массовой. Эту «точку невозврата» он прошел в секунду, без размышлений и угрызений совести, на уровне дремучих инстинктов, как волк, который рвет всех за свою стаю...

Во двор влетела «тревожная группа», раздалась команда:

– Всем лечь, за неповиновение расстрел на месте!!!!

Петька, не раздумывая и не обращая внимания на толпу и команды, подлетел на коне к разбитому окну и, крикнув на всякий случай: – Женька, это я, не стреляй!! – перекатом влетел через окно в дом и покатился по полу.

В простенке между окнами стояла бледная Женька, держа что-то в окровавленной правой руке.

– Петя... Петя... Я испугалась... я так ждала тебя... Ты все не ехал и не ехал... Я боялась не удержать...

– Спокойно, все в порядке, где дети?

– Под кроватью... Целые, – она мотнула головой в угол.

Петька рванул в сторону от стены металлическую кровать с панцирной сеткой. Взвизгнула Нилочка. Он с трудом приподнял одеяло, которое она, подвернув под себя, держала изо всех сил, обняв и укрыв брата. Дочка смотрела на него не мигая, а Вовка заткнул уши, зажмурил глаза и тихонько подвывал от страха.

– Слава богу, – вырвалось у Петьки, и он инстинктивно трижды перекрестился. – Слава богу, – повторил. Потом развернулся к Женьке:

– Спасибо, спасибо, родная, детей спасла, сама жива осталась... Герой ты мой...

Женька дернулась в сторону:

– Уведи детей подальше, срочно, – вдруг произнесла своим обычным голосом.

– Что случилось? Успокойся!!! Наши всех повязали – чего ты??? – не понял Петька.

– Уведи!! – И Женька подняла на уровень его глаз окровавленную правую руку с намертво зажатой в ней гранатой. Предохранительной чеки на ней не было...

– Я руки не чувствую давно, могу выронить и не заметить...

Петька метнулся к окну:

– Сержант, ко мне! Держи! – и прямо через подоконник передал ему детей.

В секунду зажал Женькину руку в своей лапище, прижал к себе и поцеловал:

– Ваше приказание выполнено, Евгения Ивановна, – намеренно бодрым тоном шутливо отрапортовал он, стараясь разрядить обстановку, и тут же, без перерыва: – Где кольцо???

– Не знаю...

– Было два взрыва! Я слышал!! Это значит, где-то здесь должно быть минимум три кольца! Вспоминай, где стояла, как двигалась!!!

– Я не помню-у-у-у-у-у! – вдруг заплакала Женька.

– Без истерик!! – мертвым голосом прошипел Петька. – Соберись!!! Вспоминай!!! – и тут он увидел предохранительную чеку под окном.

– Так... это... Женька, растяпа! Ну вон же она, под окном!..

Через время Петька с большим трудом смог разжать сведенные судорогой пальцы Женьки и вынуть уже обезвреженную гранату.

Вывинтив взрыватель, он положил ее себе в карман:

– Так, что с рукой? Дай посмотрю, – приказал.

– Все нормально, – отозвалась Женька.

– А откуда столько крови?

– Это его кровь, – она указала на оконный проем, где до сих пор безжизненно висел, касаясь окровавленной головой пола, тот здоровенный парень, которого Петька увидел, когда влетел во двор.

– Петечка... я его убила?? Да??? Убила??? – Женька начала мелко трястись.

Мужик так и висел – половина в доме, а ноги – на улице.

Петька пощупал пульс:

– Да живой он... урод... А ну пошел вон, – одним движением он перекинул беспмятное тело в сад.

– Зачем же так, а если убьется? – неожиданно укоризненно сказала Женька.

– Не убьется... а если убьется, ну так туда ему и дорога, – сплюнул сверху на тело Петька. – Он бы тебя не пожалел, – вздохнул.

Ступив шаг назад, Косько задел ногой что-то необычное... Под окном лежали три гранаты со вставленными запалами...

– Это что такое?! Откуда?!! – только и успел спросить он.

– Оттуда, – успела ответить Женька и тут ее накрыло...

Рыданиям ее, казалось, не будет конца.

Но плакать она смогла не долго, потому что за стеной раздались шаги, и, деликатно постучав в наличник открытой двери, не заходя в комнату, сержант попросил:

– Товарищ лейтенант, заберите деток, мне ж пора, надо ж задержанных оформить, тела опознать и заактировать...

Петька вышел в прихожую и открыл дверь:

– Много убитых? – спросил шепотом.

Сержант кивнул и, не выпуская из правой руки винтовки, трижды сжал и разжал ладонь.

– Пятнадцать, – понял Петька. – А раненых?

– Больше двадцати, но могли и сбежать. Тяжелых уже в больницу повезли, я наряд выставил у входа, но надо людей добавить, здание ж одноэтажное – не уследим, еще разбегутся.

– Не разбегутся... – хмыкнул Косько. – Ты, это, возьмите караульный взвод, свободных конвоиров, вызывайте участковых, если

надо, попросим помощи у пограничников и военных... – Сержант изумленно посмотрел на своего начальника.

– Поставьте людей внутри и снаружи здания, перекройте все подходы к окнам и дверям, в каждую палату своего человека, – продолжал Петька. – Как только врач закончит осмотр – сразу начинать допрос. Допросить жестко! Если не получится, немедленно прислать нарочного за мной, я сам проведу дознание!

Сержант слушал, кивал после каждого слова, но не узнавал своего прежнего командира – теперь это был совершенно другой человек – жесткий, предельно собранный, и говорил он совершенно иначе...

Вернувшись в комнату, Петька промыл руку Жене, осмотрел ее и детей, не нашел никаких ран, ничего даже подобного, и бодро, как ни в чем не бывало, сказал:

– Жена, а кормить мужа будешь?

И тут Женька снова зарыдала в голос и попыталась его ударить своим скрюченным от спазма кулачком-клешней:

– Зараза! Я чуть не сдохла от ужаса!!! Ненавижу! Ненавижу!

Петька сгреб ее в охапку и держал мертво, пока она не затихла, Нилочка, рыдая, тоже обхватила их обоих за ноги и уткнулась мокрым носом в отцовское колено. Когда все успокоились, Женька поднесла Петьке к лицу правую спазмированную руку, которая так и не разжалась, и покачала укоризненно головой:

– Зачем издеваешься? Помогии лучше...

– С радостью! – откликнулся Петька. – Пошли на кухню, заодно расскажешь мне кой-чего...

– Чего рассказывать? – Женя сделал вид, что не поняла вопроса.

– Да про гранаты... – не стал увливать Косько. – Я тебе оставил одну, да еще та, что военком подарил. Взрыва было два, плюс вот эта штучка, – он достал из кармана гранату со следами крови, – кстати, а кто этому облому голову разбил? Ты? Вот этим? – Он снова показал гранату... – Зачем??? У тебя же браунинг был в руке...

– Ну да... не сообразила... Я не заметила, как он забрался на подоконник, увидела, что тянется к гранатам, и, перепугавшись, несколько раз ударила его по затылку... У него там что-то хрустнуло... – У Женьки снова искривились и затряслись губы, все предвещало вторую волну истерики...

– А ну тихо!!! – рявкнул Петька и стукнул ладонью по столу. Женька от удивления замерла и замолчала.

– Теперь говори, откуда гранаты?.. – снова начал он.

– Из Фрунзовки, – пробормотала она.

– Так я и знал! – хлопнул, не сдержавшись, он себя руками по коленам. – Вот видел же, что глаза бегают... У-у-у-у... бесстыжая!!! Отвечай как на духу: куда запалы для гранат дела?

– Взрыватели, – автоматически поправила его Женька.

– Так были? Да? Куда дела? – не унимался Косько.

– Закопала, куда ж еще... Если б оставила, ты бы сразу догадался и все бы отнял. А так мы хоть живы остались, скажи спасибо, что так обошлось...

– Спасибо, – улыбнулся Петька. – Ладно, раз такое дело – держи вот, – он достал всю в крови гранату и еще две такие же из вещмешка. – Будет тебе спасибо... А я пока закрою окна... ну, что остались... как-то... уложу детей спать, а ты пока занеси арсенал в спальню, до утра далеко, спать нам нельзя, а ну если кто-то захочет заглянуть в гости, так я еще кой-чего поспрошаю у тебя...

Поздно ночью Петька, который вообще после пережитого не мог заснуть, вглядывался в спящую Женьку, в ее лицо, приоткрытый рот, который она периодически кривила, как ребенок после пережитого горя, и потом еще коротко судорожно всхлипывала во сне... Он, несмотря на прохладу, откинул одеяло и задумчиво разглядывал ее родное тощее тело в куцей почти прозрачной батистовой сорочке на тонких бретелях... Петька как фотокарточки перебирал в голове события дня и три разомкнутые пятерни сержанта... Пятнадцать душ...

«Мало! – внезапно подумал он. – Я бы их всех, тварей, положил!»

С этого момента его работа приобретет смысл – он будет сражаться не с врагами Родины, а с личными врагами своей семьи, которая таким странным образом объединится в его голове с государством, безвинно пострадает за него...

Петька снова с умилением и болезненной нежностью посмотрит на жену. Ее правая рука со скрюченными пальцами продолжала держать несуществующую гранату. Могло показаться, что Женька во сне протягивает кому-то невидимую стопку, чтобы чокнуться. Петька вдруг по-детски хихикнул, поднялся, на цыпочках сбегал на кухню

и аккуратно вложил в ее не до конца разжавшийся кулак лафитничек – рюмашку голубого стекла, почти такую, какая была у них дома. После этого, когда уже рассвело, он заснул со счастливой улыбкой на лице...

С глаз долой

Произошедшее в Соснице потрясло ее и моментально обросло десятками мифических подробностей, одна другой страшнее и мистичнее. И главными героями, разумеется, стала проклятая красная пара – Женька и Петька.

– Антихрист, душегуб, – шипели ему вслед. Петька не разочаровывал и лично подключился к допросам в госпитале, не стеснясь в выражениях и средствах.

Ну а про Женьку пошли такие легенды, что Фрунзовке и не снились. Как и положено в народном мифотворчестве – теперь все детские болезни, обрушившийся на город затяжной дождь и даже дефицит в магазине связывали и лично с ней, и с ее мезтью. Потому что ладно граната – постепенно в рассказах появлялся черный морок, который связывал по рукам и ногам и не давал вдохнуть, но завалить с одного удара огромного мужика, который на спор поднимал телегу, могла бы только нечистая сила. Пострадавший в который раз в подробностях рассказывал медсестрам, что Женька только глянула и мотнула головой, а чугунная сковорода сама поднялась и, пролетев через комнату, ударила ему в голову.

Из-за шуток со стаканом Женя не выходила несколько дней и еще неделю не разговаривала с Петькой. А потом она появилась во дворе в своем фирменном галифе и перекроенном черном кожаном плаще. Секунду помедлив, вздохнула и, решительно толкнув ногой остатки калитки, вышла за ворота. Руку из кармана плаща она не вынимала даже в магазине. По характерно оттопыренному карману было понятно – там оружие, и рука на спусковом курке.

В гробовой тишине она купила хлеб и повернулась к выходу.

– Как тебя земля носит, убийца, – пробормотал кто-то за спиной. Женька медленно, всем корпусом развернулась и уставилась на очередь.

– Вякнешь еще хоть слово – колено прострелю, – отчеканила.

– Це не я! – отшатнулась в сторону стоявшая ближе всех старушка.

– А у меня патронов на всех хватит, – хмыкнула зло Женька. – Так что тише ведите себя. Скромнее.

Она развернется и выйдет. А ночью наконец-то заговорит с Петькой, точнее – завоет в голос в подушку:

– Да сколько же можно!!! За что? Мне это за что? Я же в тюрьме за окнами заколоченными, да хуже, чем в тюрьме, – там хоть охраняют! А здесь?! Я спиной к окнам повернуться боюсь, за ворота выйти боюсь, оставаться одна тоже... Это же невыносимо! Это не исправишь уже! Это не жизнь, Петя!

Тот молча гладил ее по голове, пока она не заснула в слезах.

По другую сторону, за воротами гарнизона, была совсем другая реальность.

Там был Петр Косько, новый зам, который собственноручно ликвидировал банду врагов социалистической Родины, воспользовавшихся безграмотностью и отсталостью народных масс и организовавших заговор с целью убийства семьи чекиста. Николай Дмитриевич умел подать любую ситуацию начальству в самом выгодном свете, тем более такое громкое дело. И не только выхлопотал своему заму сладкий кусок, но и заработал премию и личную благодарность за бдительность в подготовке, обучении и защите офицерских семей.

Петька придет домой и осторожно скажет Женьке:

– Жди, завтра придут стекла вставят. Я договорился. И, Женечка, как ты смотришь, чтоб немного развеяться? С людьми поговорить... Может, седьмого ноября, после официальной части, устроим дома, так сказать, дружеский ужин, начальство позовем, пару моих подчиненных с женами, ты их на стрельбах видела. Все веселее? Тем более вроде еще один повод намечается...

Стекла вставили, званый ужин удался на славу. Редкие праздники были настоящим событием – поэтому к ним готовились все. Кто добыл хорошего самогона и сладкой наливки для дам, кто принес патефон и пластинки, но главной героиней праздника стала, конечно, Женька. Она готовилась так, будто в Сосницу должен был приехать сам нарком внутренних дел СССР Николай Ежов. Недаром она хранила мамины письма с рецептами Мельницкой. Стол произвел фурор – ни такой подачи, ни таких диковинных блюд, как гефилте фиш, пирожки «поцелуйчики» с куриной печенкой или налистники размером с дамский мизинец с острой закуской, и уж тем более торт «Мишка»

товарищи офицеры и не пробовали никогда. Женя в гарнизоне и так была легендой и образцом идеальной жены. Но тут к внешности и боевым навыкам добавились еще и кулинарные таланты. Изголодавшаяся по общению и вниманию, она наслаждалась триумфом и комплиментами.

После выпитого за революцию, Ленина и Сталина пили практически только за хозяйку. Петька уже не знал – гордиться или тревожиться. Но тут с рюмкой в руке поднялся Николай Дмитриевич с лукавой улыбкой.

– У нас еще один повод, – произнес. – Петр Иванович, это правда, что ты был самым молодым машинистом в Одессе?

– Да, так получилось.

– Не скучаешь?

– Ну, бывает иногда.

– Тогда, чтобы не скучал, – вот тебе, машинист, шпалы! – Под свист и аплодисменты начальник вручил Петьке два прямоугольника в петлицы – воинские знаки отличия лейтенанта госбезопасности, которые в народе называли «шпалы». Надо сказать, что звания чекисты получали редко, и воинская иерархия отличалась от армии – лейтенант государственной безопасности соответствовал капитану Красной армии.

Николай поднял ладонь, и все затихли. Он подошел, приобнял Петьку за плечи:

– За мужество и отвагу в борьбе с врагами нашей Родины! Поздравляю!

– Служу трудовому народу! – гаркнул Косько.

– Ну, теперь с официальной частью точно все, – улыбнулся Горлинский.

– Не все, – влезла Женька, – еще горячее и торт.

– Ну так нельзя, помилуйте, мы уже еле дышим, но устоять не сможем! Так! Товарищи офицеры! Давайте танцы! – скомандовал Николай. – Разрешите?

Он отточенным движением склонил голову и лихо прицелкнул каблуками. Женька хихикнула:

– Если муж не возражает!

– Ну нельзя быть такой идеальной! И вообще, Евгения Ивановна, я его начальник, он не откажет!

И ночью, и на следующий день, и через неделю Горлинский будет проклинать себя за этот чертов танец.

Он, как и Петька, женился в шестнадцать, но не по любви – по залету. Особо не размышлял – баба под боком, симпатичная, ласковая, обед подаст, обстирает – ну и славно. Его Зоя сидела сейчас за столом и с наслаждением ела диковинный торт. Ей было не до таких барских глупостей, – она их готовить не умела да и не хотела: дочь, сынишка, прочие домашние хлопоты, не до того.

Вальсируя, на повороте Женька резко повернула голову... Ее кудри, едва коснувшись, скользнули по выбритой до синевы щеке Николая, и он вдохнул ее запах. Эта женщина была из другой, далекой, красивой, но так и не случившейся жизни. Волосы ее пахли не маслом и стряпней, а духами. Они были блестящими, тяжелыми, и ему невыносимо захотелось запустить в них пальцы, чтобы потом еще раз медленно вдохнуть там, у шеи, и поцеловать в губы, так, чтобы она задохнулась, а потом обмякла и прижалась, ответила... А потом... задрать это дурацкое платье... Николай Дмитриевич был отличным танцором. В центральной школе танцы преподавали вместе с боевой подготовкой. И тело его помнило тренировки в танцклассе. Но тут от неожиданности он неловко оступился, и Женька на мгновение влетела в него всем телом, как будто услышала эти мысли, но тут же отстранилась.

– Простите, совсем разучился, – смущенно сказал Горлинский и, поклонившись, отошел от Жени, – отпускаю вас колдовать у стола.

Он выйдет покурить в сад, чтобы успокоиться и отряхнуть с себя Женькин запах. Ничего не вышло.

Николай Дмитриевич был хорошим начальником и отличным другом. За короткий срок он успел привязаться к Петьке, удивлялся его усердию и терпению, умелым рукам и педантичности. А влюбиться в чужую бабу, тем более своего товарища! Его личный кодекс чести такого точно не позволял. Он думал – отпустит. Минутная слабость, алкоголь... Но... Прошла неделя, потом вторая, а эта зараза Женька не шла из его головы ни ночью, ни днем.

– Николай, ты не заболел? Плохо выглядишь, – озабоченно спросит Петька.

– Да, похоже, застудился. Пройдет. А ты мне скажи, как ты, как семья? Местные не донимают?

– Да нет вроде. Ну плюют вслед, так привык уже.

– Непокойно мне, Петр Иванович, – Николай уже принял решение. Невыносимое, но единственно правильное в этой ситуации решение. – Нехорошие слухи дошли. Надо вас срочно эвакуировать.

– В смысле?

– В прямом. Я подал рапорт о твоем переводе в связи с угрозой для жизни семьи. И твоей жизни. Мы не на Кавказе, но у тебя полгорода в кровных врагах. И у Жени твоей. На нее особо взъелись. Ты сам знаешь, на что это стадо способно. И если вас не достанут, то отыграются на детях. Надо уезжать от греха подальше. Пока не поздно. Я помогу.

Петьку как ценного сотрудника действительно через неделю переведут спецраспоряжением в Каменец-Подольский.

– Ну вот, как ты хотела, – скажет он дома. – Будем надеяться, что в Каменце народ гостеприимнее.

– От греха подальше... Пока не поздно, – задумчиво произнесет Горлинский и не пойдет провожать.

1937

Феня перейдет работать на пятнадцатый маршрут, только чтобы не видеть каждый день Сеню с его новой подружкой. Сдаваться она не собиралась. Или замуж – или никак. Это правило ей мать вдалбливала хворостиной с тринадцати. Главное замуж. И ее пятнадцатый трамвай, как верный конь, привез ее к мужу. На конечной у горбольницы, чуть прихрамывая, забрался в вагон милиционер с двумя товарищами. Заглянул к ней в кабинку:

– Так! Имя фамилия, адрес? – рявкнул.

– Феня Сергеевна Московчук, общежитие трамвайного депо, – в ужасе пролепечет она.

– Рад знакомству! Яков, – он потрянул соломенным чубом и улыбнулся: – Вечером зайду! Подружек для моих друзей позовите. Только проверенных комсомолок!

Яков Верба придет отмечать выписку из госпиталя. Ранение в колено, долгое лечение и наконец-то свобода. Сидеть они будут за полночь. И комендант вмешиваться не будет – побоится выгонять или делать замечание человеку в форме.

Яша окажется серьезным и строгим. Но основательным. Совсем другим. Двухметрового роста, с огромными ручищами, неласковый, скупой на слова, с массивным квадратным подбородком... Совсем не такой, как Сенька. И главное – через месяц катаний в трамвае и визитов в общежитие позовет замуж.

Феня посчитала, что ей уже двадцать один, и если и дальше перебирать харчами, то куковать ей в старых девах до конца дней. Ну а не любит, так кто сказал, что надо любить? Уважает. Вот любила она этого проклятого Сеню – и что толку. Только всю душу вымотал и бросил, кобелина.

1938

Каменец-Подольский

Каменец-Подольский оказался «тихой гаванью» для семьи Косько. После стольких бессонных и тревожных ночей в Чернигове, после всех страхов и волнений, связанных с переездом, это было неожиданно и удивительно, потому что район одной только географией ничего хорошего не обещал: до польской границы – тридцать километров, в другую сторону до Румынии – от силы двадцать семь.

Петька был готов ко всему, но, вопреки всем негативным ожиданиям, жизнь и служба на новом месте потекли плавно и спокойно. Он, со своим немецким педантизмом и системностью, оказался желанным звеном в цепочке местного командного состава городского НКВД.

В народном комиссариате вовсю шла реорганизация – окружные отделы были заменены на облуправления, подразделения и штабы менялись... зданиями. Параллельно шло строительство нового укрепрайона вдоль границы на сто сорок километров. В такой бурной деятельности помимо хлопот был и необычайно радостный момент – параллельно с развитием укрепрайона построили трехэтажный дом на пятьдесят семей, который тут же окрестили «Домом начсостава» и вторым «Офицерским домом».

В доме начсостава для нового начальника, лейтенанта НКВД Косько, была выделена отдельная квартира. Женька не могла нарадоваться. Куча бытовых проблем ушла в небытие. Никто больше не шипел вслед, не тыкал пальцем, не обещал скорой смерти, самое главное – детей оставили в покое, можно было уже перестать бояться любого громкого звука или шороха в ночи.

А еще в относительно небольшом пограничном городе была школа, огромный стадион и – как завершение парадного списка – двухэтажный Клуб пограничников на Ленинградской улице.

Петя с Женькой решили не нарушать традиций нового гарнизона и устроили в штабе горотдела дружеские посиделки по случаю вступления в должность лейтенанта Косько. Женя, как всегда, наготовила своих лучших закусок, быстро накрыла на стол и, сняв крахмаленный передник, присела рядом с мужем. В отличие от него, она успела заметить пару недоуменных взглядов – она была

единственной женщиной за столом, остальные офицеры своих боевых подруг не взяли, тут было так не принято.

Выпили, как и положено, за Сталина, за дело партии, за Ленина и еще много раз по разным поводам, и когда разговор от службы плавно перешел к женщинам, кто-то спросил у Петьки: а правда, что его красивая жена хорошо стреляет и умеет гранату бросить?

Петька с удовольствием ответил, что да, и даже что она «Ворошиловский стрелок второй степени». Чуть захмелевший Косько попытался рассказать о том, как организовал в Чернигове ускоренные курсы для жен, но начальник горотдела презрительно махнул рукой:

– Обезьяны с гранатой! Куда им оружие? Да еще дома. Не бабское это дело!. Уж простите, Евгения Ивановна. Но мужчина – защитник, а ба... ну, женщина – дома ждет. Хотя... наверное, – он скользнул по Женьке сальным взглядом, – в каждом правиле есть исключения.

Под общий хохот выпили за жен, умеющих быть умелыми не только в постели. Петька почувствовал, как напряглась Женька, и мысленно молился, чтобы она не устроила публичного скандала или не метнула свой стакан в чью-нибудь уж совсем хмельную голову.

На счастье, кто-то предложил пойти пострелять, показать, кто что умеет, но этот призыв потонул в хоре пьяных голосов – куда, дескать, идти и где стрелять – ночью в городе опасно. Начались хвастливые рассказы про беличий глаз и сбитый в Первую мировую вражеский самолет. Но предлагавший не успокоился и предложил метать ножи. Стали искать пригодные, но на столах ничего подходящего для метания не было – только обычные столовые ножи, которые единодушно были признаны негодными.

– Да такими только масло ковырять. Он же гнется и тупой как... как... – юный сержант рядом закончил: – как баба!

И вот тут пунцовая от гнева Женька, сидевшая рядом с Петькой в торце стола, пружиной подскочила. Взяла свой тот самый негодный столовый нож и с короткого замаха метнула его в агитационный плакат, изображающий толстого уродливого буржуя, кусающего край пирога в форме тогдашнего СССР, и с надписью по периметру «Защитим Родину от империалистов!»

Нож вонзился точно в голову подлого обжоры-империалиста, и почти на треть лезвие ушло в деревянный щит, к которому был прибит плакат.

В мигом наступившей тишине зазвенела злая как черт раскрасневшаяся Женька:

– Ну что, товарищи офицеры? Кто сможет, как обезьяна с гранатой?

Поднялся шум, офицеры принялись метать ножи, но неудачно, а потом в дело пошли вилки, одна из которых все-таки вонзилась в плакат, но через пару секунд бесславно упала вниз, жалобно звякнув в конце падения. Петька сидел сцепив зубы, после первой фразы: «Не бабское это дело» – он понял, что быть беде. Женя уже вышла на тропу войны, и пощады не будет. Но такого поворота не ожидал даже он. Смущенные мужики что-то бормотали про удачу для новичков и неуклюже шутили, что сочувствуют Петьке – это ж страшно в собственном доме слово лишнее сказать, а налево сходить вообще опасно для жизни. Гулянка была испорчена. Офицеры торопливо засобирались по домам и налили «на посошок». Женька в это время копалась в дальнем углу, собирая в сумку разделочную доску и салфетки. Как и ее мама, родись лет на пятьдесят позже, она узнала бы, что не дура, а феминистка. Но – не знала и находилась на том уровне ярости, когда, по народному выражению, «берегов не видят». Женька не думала о последствиях, ей снова было четырнадцать, и она по семейной традиции, которую Гедаля называл «Всрамся – не поддамся», просто добила:

– Ну... и я на посошок, товарищи.

Из дальнего угла в плакат прилетел второй столовый нож и вошел в стену точно рядом с первым. У империалиста появились мельхиоровые рога.

– Ух ты! Опять бабе повезло! – улыбнулась она.

Начальник несколько раз хлопнул в ладоши и процедил:

– Убедили. Был не прав.

Праздник и знакомство были окончательно испорчены. Женька и здесь умудрилась сразу и навсегда оказаться чужой. Ну а Петька, как всегда, оставался мудрым и стойким. Он помог жене собрать тарелки и не произнес ни словечка. Не задал ни одного вопроса, хотя сгорал от любопытства и негодования – такие феноменальные способности требовали месяцев упорных тренировок. Как?! Когда?! И главное – почему она это скрывала?

Выходка Женьки была погребена под обычной бытовой суетой переселенцев. За следующую неделю она нашла себе работу в бухгалтерии отдела рабочего снабжения, начала обустраивать быт. Петя вникал в новые дела и знакомился с вверенным ему масштабным фронтом работ, а Женя, записав наконец-то Вовку в детский сад, а Нилочку в школу, обнаружила, что оба синхронно и моментально вымахали из всех вещей и обувки. А значит – пора по магазинам.

Снабжение продовольствием и промтоварами здесь было много лучше, чем в Одессе и тем более в Чернигове, – сказывалась близость границ. Выбор был очень приличным по тем временам, но только у частников, и стоила одежда очень недешево, даже при Петькином окладе. Косько смиренно ходил следом за Женькой, которая, как настоящая женщина с Молдаванки, с упоением и страстью торговалась в каждой лавке. Местные продавщицы, а особенно продавцы, были, мягко говоря, удивлены. Торговаться тут было не принято, разве по соседски попросить рассрочку или поклянчить чуток скостить. Женя же сразу предлагала в лучшем случае половину цены. Продавцы, сраженные такой дерзостью, напором и оглушительной, часто парадоксальной, но железной аргументацией, уступали.

– Я тебя запомнила! Заходи через неделю. Будет новомодное женское белье. Европа! – Пышная пожилая продавщица, до боли похожая на мадам Полонскую с их двора, покосилась на Петьку и прикрикнула: – А этот пусть уши не греет! Пусть деньги готовит! А потом посмотрит!

Она понизила голос и, разулыбавшись, подмигнула Женьке:

– Если заслужит. Я – Сима Гершовна. У среду. Пóняла?

– Или! – Усмехнулась Женька и протянула ей руку: – Женя Ивановна.

– О, Шейна, приходи к закрытию, поболтаем потом.

Но не только гостеприимная Сима предлагала зайти «у среду». Буквально все как один продавцы отвечали, что поставка заграничного товара раз в неделю.

В то, как была налажена контрабанда, Петька особо не вникал, но со временем без особого труда понял, потому что дефицитные вещи появлялись во всех комиссионках города в один день, одни и те же люди громко и скандально гуляли в лучших городских кабаках, потом

наступало затишье – и снова залповый выброс дефицитного и модного зарубежного товара и шумная гулянка веселой компании.

Петька вспомнил рассказы Ивана Беззуба, всякие легенды и полуложь рассказов «деловых людей» Одессы, напряг местную агентуру и стукачей и просто составил график одновременного появления одинакового товара по сходной цене в магазинах города и окрест, список ресторанных транжир и мелких нарушителей режима приграничной зоны и попытался найти общую закономерность. Последние два списка совпали практически один в один... Что делать с полученной информацией, он не знал... Завел разговор в облуправлении – отшили со словами:

– Ерунда на постном масле! Вы, лейтенант Косько, тут без году неделя, а уже банду накрыли?!?! Поздравляем! Займитесь лучше своими прямыми обязанностями.

И вот тут служебное рвение сыграло с Петей злую шутку. Сам не зная зачем, но согласно инструкциям, он оформил, зарегистрировал и передал свои таблички пограничникам со служебной запиской, где попросил обратить пристальное внимание на систематическое нарушение режима приграничной полосы одними и теми же лицами, что на следующий день веселятся в ресторанах города, и высказал удивление, почему их не берут в разработку, почему не работает агентура.

Сам того не желая, этим поступком он настроил против себя и начальство в облуправлении, и погранцов. Все дело было в том, что почти у всех селян, которые жили в пограничных селах, было много родственников по обе стороны границы. И всегда были, есть и будут тайные тропы, проводники, всегда есть, были и будут способы транспортировки контрабанды без нарушения границ, подчас очень оригинальные. И всегда будут придумываться новые. И местные командиры среднего звена в той или иной мере были заложниками каких-то родственных или давних соседских связей, обязательств и просто договоренностей из разряда «ты – мне, я – тебе».

Петька был человек со стороны, пришлый, свободный от вышеперечисленных обязательств. Он честно и педантично выполнял порученную работу, он не знал и не хотел знать местной специфики. Косько перенес любимые законы механики на людей. Все было предельно просто – есть конкретная задача, есть средства для

выполнения задачи, есть способы достижения поставленной цели оптимальным путем. Петька, с его тевтонским псом-рыцарем внутри, уже не боялся ни крови, ни смерти и не мучал себя вопросами: «А прав ли я?!» или «Разве так можно?». После Чернигова он знал: оптимальное – это самое короткое. Без вопросов. Даже ценой сломанных судеб. Он был идеальным винтиком системы – механически точно выполнял свою задачу, обеспечивая работу гигантской машины. Если раньше для того, чтобы выполнить задачу – привезти вагоны из точки А в точку В, – ему надо было бросать в топку паровоза уголь, и он бросал его и приводил свой состав куда велено, то теперь в эту союзную топку надо было бросать людей, и он стал бросать.

Так как пограницы и облуправление никак не отреагировали на его служебную записку, Косько через неделю силами горотдела и своей агентуры провел аресты. После первых допросов и показаний контрабандистов были новые аресты, потом снова допросы и снова аресты...

Случай был настолько нетипичен для того времени – никакой 58-й статьи, никакой измены Родине, зато качественная экономическая составляющая всей цепочки происшествий – и так хорошо оформлен и подкреплен документами и показаниями контрабандистов, что московские проверяющие, вызванные паническими докладными и рапортами местными властью имущими не смогли обнаружить какое-либо из нарушений – им нечего было вменить лейтенанту Косько. Наоборот, он получил официальную благодарность за проявленную бдительность и принципиальность, а жалобщики отделались в лучшем случае выговорами, а то и увольнениями.

Все, кто был арестован по делу контрабанды, были приговорены к разным срокам заключения и незамедлительно отправлены на близлежащие стройки.

Укрепрайон, этот Молох, ежедневно требовал все новых и новых работников и перемалывал их пачками. Местные руководители стройки засыпали Москву жалобами на нехватку рабочих рук, а из Москвы, на места, спускались все новые увеличенные планы по обнаружению и искоренению врагов народа. Шел 1938 год, по малейшему подозрению, доносу или за неосторожно сказанное слово людей хватили пачками и отправляли в тюрьмы, и хорошо еще, если не

калечили и не убивали, а просто били – тогда был хоть какой-то мизерный шанс выжить... Времена наступили страшные для всех, и для работников НКВД в том числе. У них был выбор – утратить все человеческое, стать винтиком в системе и слепо исполнять любые приказы, или сгинуть без следа в застенках родного ведомства.

Петька принял решение довольно легко, он абстрагировался от душевных волнений и терзаний и задал себе простой вопрос: «Ты хочешь жить или подохнуть?»

Чтобы не подохнуть, надо исполнять поставленную задачу. Любую. Не раздумывая, по инструкции. Тогда есть шанс уцелеть. Он сделал свой выбор, это было несложно.

Подобное рвение и результативность были замечены, лейтенанта Косько стали ставить всем в пример, что не добавило ему любви со стороны сослуживцев и окончательно охладило отношение в коллективе, чему Петька был даже рад. Ему хватило первой вечеринки и месяца хамских завистливых и похабных шуточек в адрес своей семьи. Так что когда пропала необходимость общаться с подчиненными по каким-то вопросам, кроме служебных дел, Петька испытал огромное облегчение.

1939

Убить дракона

В чудовище превращаешься медленно. Сначала маленькая болючая ранка, ты ее скрываешь, а она мокнет и растет под повязкой. Потом рубцуется в шанкр, и ты облегченно выдыхаешь, не замечая, как по крови разносится вирус. Человек – тварь удивительная. Привыкает и приспособливается к чему угодно. Мутирует медленно – вот в ужасе обнаружил за ухом чешуйку, оторвал с мясом, плакал, сокрушался, а потом привык... А потом стал играть по правилам, чтобы выжить, чтобы этот вирус не сожрал тебя изнутри. Ты становишься им, а он – тобой. И правила понятнее, и двигаться на когтистых перепончатых лапах легче, и пугать. Сначала ты сокрушался – я же не такой, за этим хитином – живые глаза, израненное сердце, измученный мозг, поймите, протяните руку... Потом привык и стал получать удовольствие пугая. Я же ради Женьки, ради детей... Да кому я вру – ради себя – и от страха сдохнуть и утащить за собой в ад всю семью. Единственное, что осталось – это дом. Тут он сбрасывал змеиную кожу и принимал человеческое обличье. Как он завидовал Ивану Беззубу! Его сердце было слишком молодым и крепким, чтобы взорваться, как у дяди Вани. Иногда дома Петька мечтал, что так и случится, и его жизнь наконец-то закончится. Он приходил домой и рефлекторно отряхивался, сбрасывая с себя работу. Потом перестал хирургически долго мыть руки, перед тем как обнять Женьку или подхватить на руки Вовку.

Человек – тварь редкая. В этом Косько убеждался, ежедневно читая доносы и присутствуя на допросах. Весь ужас был в безнадежности – бесконечной серой безнадежности, когда чужие сломанные жизни стали обычными буднями. Они стали обыкновенностью.

Сердце – как обоняние от постоянного резкого запаха – стало атрофироваться. Тевтонец, стальной рыцарь, закончил загрузку и перевоплотился. Теперь он состоял из устава, циркуляров и правил. Он не делал различий между своими и чужими, а действовал согласно инструкции. Как положено. И не думал, просто выполнял, добиваясь, по инженерной привычке, идеального результата.

Каждый день Петька с головой окунался в чужие пороки и страсти – зависть, гордыню, страх и вспоминал те дни, когда он возился в машинном масле. И как тогда, – отмыться до конца было невозможно. Это человеческое дерьмо въедалось под кожу и волочилось облаком следом. Ему казалось, что и Женька чует этот запах чудовища, чуть брезгливо касается, когда он приходит домой, стремится скорее выскользнуть из объятий и под каким-нибудь предлогом уйти на кухню. И только Нилочка и Вовка бросались к нему навстречу радостно. Все маленькие дети любят родителей абсолютной, божественной любовью. Им все равно, кто их папа, – спившийся урод, мразь, бросившая их на улице, жирная гнида, ворующая у нищих, или жестокий убийца. Он для них все равно лучший на свете. Это было последнее, что помогало майне либе Питеру не сдохнуть внутри чекистского Левиафана, и единственное, что отравляло его серое служебное существование.

Система его не сломала, а поглотила. Он варился в ее соку до середины 1939 года. А потом она его смачно выплюнула. Так он наивно думал.

Приказом НКВД СССР 8 мая 1939 года начальник отделения 3 отдела УНКВД Каменец-Подольской области был уволен в запас согласно статье тридцать восьмой.

38-я статья об увольнении начальствующего состава из кадров и действующего резерва Главного управления государственной безопасности была особой. Это не выслуга сроков, не болезнь и не переброс на более важный участок или, упаси боже, служебное несоответствие. Это особые причины, «отдельные случаи», как аккуратно назвали их составители. Особых причин было всего три. Одна другой страшнее:

а) приговор суда или решение Особого совещания при НКВД СССР;

б) арест судебными органами;

в) невозможность использования на работе в Главном управлении государственной безопасности.

У Петра Ивановича Косько был пункт В.

Репрессии тридцать седьмого, а затем тридцать восьмого были такими массовыми, бессмысленными и беспощадными, что назревал бунт. Как загнанное в угол, обезумевшее от страха животное внезапно

вцепляется в горло более сильного и страшного соперника, так и советский народ, особенно за пределами больших городов, содрогаясь от ужаса, уже дошел до той черты, что был готов к восстанию. Это почували и в НКВД и, чтобы снять напряжение и выпустить пар... заявили про перегибы на местах и устроили чистку в органах. Под нее со своей немецкой дотошностью и пунктуальностью во всем – от отчетов до расстрелов – и попал Косько. Он не водил особой дружбы с коллегами, не интриговал, не заискивал и не выслуживался.

– У-у-у, свинцовожопый, раздавит и не заметит, – жаловался по пьяни его зам, – ни эмоции, ни реакции.

Вот и пошел он первым в запас с порицанием и понижением с лейтенанта обратно в младшие.

Петька пришел домой, обнял детей, разулся, сел за стол и спокойно и ровно сообщил, что они возвращаются домой.

Женька подпрыгнула: – Домой?! Правда домой? В Одессу! Слава богу!..

И, поймав колючий взгляд Петьки, осеклась: – Слава партии и чуткому руководству!

– Не ехидничай. Вещи собирай. Меня уволили. В запас. Младшим лейтенантом.

– Как уволили?! Как так можно? Просто вышвырнули и все? За что? За то, что ты им все планы перевыполнял? Под пулями ходил? Банды ликвидировал?!

Петька стукнул ладонью по столу.

Со звоном, перелетев через тарелки, грохнулась на пол ложка.

– Хватит! Вещи собирай!

Женька скинула с плеча полотенце, подошла и наклонилась к Пете:

– Ты, милый, не стучи. А то я же тоже могу сказать: «Хватит», и вещи свои ты соберешь и к любимой маме жить пойдешь. Не в церкви венчаны. Уволили? Пойди за дом, постреляй, пар выпусти. А на меня тут стучать не надо! – Она выдернула из пачки беломорину, прикусила и, швырнув на стол полотенце, вышла в сад.

– Дура! – шепнул Петя в тарелку.

Новый поворот

Возвращение в Одессу было нерадостным. После первых восторгов, застолий и гостей начались будни и вопросы: почему вернулись и кем будет Петя теперь? Что привезли? В какую школу пойдет Нилочка и как вообще у нее с учебой?

С одной стороны – с родными, с другой – за эти годы и Петя и Женя привыкли к своему, хоть и казенному дому. А тут снова и Фира за стенкой, и Фердинандовна через двор, и повзрослевшая Ксюха за полночь, и гостящий неделями у бабушки Анькин Ванечка... Работы у Пети не было. На учет поставили, велели ждать дальнейших указаний. На родной железке почти никого из старых знакомых не осталось, а те, что были, шарахнулись от него как черт от ладана. Петька умом понимал – в конторе его воспитывают, показывают, что без и вне системы он – никто. Но как себя вести? Каяться? Держаться? Просить помощи? Он не знал и решил выбрать то, что ему комфортнее всего – ждать. И просто пошел искать работу, с немецкой методичностью обходя контору за конторой, пока не устроился... на швейную фабрику Иванова. В охрану. Ни на какие ремонтные работы его не брали. Постигая смирение во всех формах, Петька особенно был рад ночной смене – там можно было спокойно дремать – без такого количества членов семьи на крошечные комнаты – и не слышать, как шушукуются за стеной сестры, а его Женя шипит на родственниц и соседок:

– Оставьте его в покое. Не под суд! Не враг народа. Документы, видимо, потерялись. Я – не бедная. А я считаю, что мне повезло!

Да, Петька, попал под показательную зачистку, но несмотря на крушение карьеры – легко отделался. Если бы он знал, кому обязан спасением от ссылки... Паскудная старшая сестра Женьки, та самая Лидия Ланге, которая воротила нос от бедных родственников, услышав от Ирода, что Петьке светит срок, уговорила его посодействовать. Разумеется, не бесплатно и с обязательствами с ее стороны.

Одесса – удивительный город. Здесь даже злейшие враги, отбросив публичные обвинения, садятся за стол переговоров, если дело касается бизнеса. Гешефты важнее принципов. Поэтому тут всегда можно договориться, а если не получилось – значит, не с тем

общались или решили сэкономить. Ирод, несмотря на свои маниакальные склонности, благоволил Лиде, да и она со своим салоном была источником не только ценной информации, но и редких сокровищ – как материальных, так и человеческих.

Ирод и сам присматривал за подопечным, с удовольствием читая доклады о всех его унижениях. Это было частью неведомого Петьке плана. А тут еще и Лида заступилась, и будет должна. Грех не воспользоваться.

Петька был, пожалуй, единственным человеком на Молдаванке, кто воодушевился, получив повестку в НКВД.

– Ну хоть какая-то ясность, – шепнул он Женьке.

– Нас не сошлют? – осторожно спросила она.

– Думаю, нет. Время изменилось. Мне кажется, самое страшное мы, Женечка, уже пережили...

Знакомая дверь без таблички. Не изменившийся ни на один седой волосок Ирод в своем кабинете. Он прошелестел приветствие не вставая и жестом показал Петьке на стул. Впервые в кабинете Ирода Косько ощущал себя относительно спокойно.

– Надо же! Петр Иванович, а вы, я вижу, осмелели! Заматерели, так сказать! – Хозяин с интересом, как диковинного зверька, рассматривал Петьку.

– Служу Советскому Союзу, – отчеканил тот.

Ирод презрительно скривился:

– Ой, Косько, я тебя умоляю, ты сам себе служишь. Даже в НКВД, И гордишься собой. Нарцисс вы, Петр Иванович, форменный. Но меня такой типаж вполне устраивает. Разница между нарциссом и вульгарным павлином огромна. Вы упиваетесь своей персоной тайно, в разных ипостасях, любуетесь смирением через служение, жалеете себя за лишения всякие, одобряете за стойкость. Вам так... удобненько. В мучениках за семью числиться. Да и мне тоже.

Петька смотрел на него в полном недоумении и плохо соображая, что за околесицу сейчас несет Ирод, думал, как бы досидеть, не взорвавшись, до конца аудиенции.

– Да... – продолжал развлекаться Ирод, – вижу, наука впрок пошла. Я правильно рассчитал! Ну что, Петр Иванович, если вы в состоянии покинуть такой ответственный пост, как каптерка швейной фабрики, то вас ждет она. Самая желанная и недоступная...

Догадываетесь, о чем я? В жизни не догадаетесь, младший лейтенант! О ней, родимой, о вашей школе...

Эта командировка в Москву была совсем другой, несмотря на то, что он снова, через пять лет, возвращался в Центральную школу, но уже не ОГПУ, а НКВД. Полгода назад здесь закрепили второй вид обучения – повышение квалификации кадров оперативных отделов.

За эти пять лет заматерел не только Петька – вместо застенографированных и размноженных лекций он получил настоящие учебники «Борьба с германской разведкой», «Учет, регистрация и контроль», «Наружное наблюдение», «Закордонная разведка», два учебника для оперативно-технических подразделений («Криптография», «Радиоразведка») и материалы по истории ВЧК-НКВД. Но куда важнее и бесценнее были сами занятия. Эти полгода после беспросветных оперативных и одинаковых будней в Каменце стали отдушиной, новым выстраданным и заслуженным очередным витком спирали. Похоже, он снова нашел себя. Впервые после первого рейса помощником машиниста Петька снова чувствовал азарт и увлеченность, несмотря на муштру и бесконечные задания. Это было похоже на уроки Беззуба, только еще интереснее. Да и механизмы оказались куда сложнее паровозных.

Петька был одним из лучших на курсе и точно самым старательным. Поэтому было принято решение – по окончании переподготовки и короткого отпуска младший лейтенант госбезопасности Петр Косько продолжит обучение в школе № 101 – самом известном учебном заведении закрытого типа и особого назначения, которое готовило кадры для Наркомата внутренних дел. Обучение длилось год, и в сороковом тут преподавали монстры советской разведки: Александр Воронцов, на тот момент военноморской атташе при полпредстве СССР в Третьем рейхе, чрезвычайный и полномочный посол в Британии от СССР Майский и десятки других безымянных, но обладающих энциклопедическими знаниями разведчиков. Помимо спецдисциплин и ежедневной огневой, физической, языковой подготовки, бросивший ремесленное училище Петька изучал международные отношения, экономическую географию и даже классическую русскую и мировую литературу. «Лесная школа» стала его местом силы.

1940

Жизнь замужем оказалась не совсем такой, как представляла себе Феня. Ее Яков оказался не просто с легкой хромотой, но и с сильной контузией. Приходя с работы, особенно после ночных дежурств, был злым, раздражительным и нетерпимым. Да и то самое заветное, чего так добивался Сеня, на деле оказалось совершенно противным занятием. Одна радость – длилось это мучение недолго: Яша минут через пять слезил с нее и засыпал. Но главное, утешала себя Феня, что все как у людей. Муж, которого боится вся округа. Отдельная комната. И даже его дорогой подарок на свадьбу – швейная машинка. Ей очень-очень хотелось похвастаться, как же сложилась ее жизнь в городе, и она упросила супруга познакомиться с ее старшей сводной сестрой и отблагодарить за помощь тогда, в далеком тридцать втором. Субботним днем они пришли на Мельницкую. Даша сильно удивилась, поздравила сестру, с удовольствием взяла подарок – отрез на платье, которое Феня долго и с любовью выбирала для нее. Муся тоже была обескуражена: – Ой, это твоя Баба Яга, что ли? Ну надо же. Ты смотри, как вычухалась! – И, с нескрываемой завистью добавила: – И даже мужа нашла! Такая... А нам что, пороблено с тобой, Дашка? Эй, Яков, а у вас друзья неженатые есть?

Сначала выпили принесенный портвейн, потом Муся достала самогонку.

– Может, не будешь мешать? – тихо спросила Феня у мужа.

– А ну не вякай под руку, – рявкнул он.

После самогона пошли песни.

Женька вышла на коридор и постучала:

– Эй, девчонки, давайте потише или колыбельные пойте – у меня дети заснуть не могут! Двенадцатый час уже!

К ней вылетел Яков, а за ним виднелись головы соседок и еще какой-то девахи.

– А ну заткнулась и к себе пошла!

Женя презрительно осмотрела милиционера:

– Ты чего форму позоришь? Патруль вызвать? Или сам тихо уйдешь?

– Да кто ты такая, курва?

Дашка сзади испуганно шепнула: – У нее муж лейтенант НКВД, Яков, не надо!

– А мне все равно!

Женька скрестила руки на груди и, не глядя на Якова, обратилась к нему за спину:

– Короче, подруги, закончили концерт, а то частников-кустарей и их пособников в органах сейчас сильно не любят. Даша, Муся, вам все понятно?

Даша засопит:

– Феня, уводи своего... А то сейчас дров наломает, а нам расхлебывать!

– Яков, пошли домой. Поздно уже, – дернет его за рукав Феня.

– Ты меня еще учить будешь! – он развернется и закатит жене такую оплеуху, что та отлетит к стенке.

Яков, не прощаясь, выйдет за дверь и, не оборачиваясь, прикажет: – Марш домой, молча!

Отпуск

За шестнадцать лет супружеской жизни Женя научилась ждать. Жить без смертельной тоски и поиска тепла. Обратной стороной такого опыта было то, что она, как свечка, уже растаяла до доньшка. Фитиль продолжал гореть, а воска не осталось. Она научилась налаживать, устраивать и систематизировать быт, именно потому что ненавидела его. Она убирала и готовила на рекордных скоростях – просто чтобы скорее покончить с нелюбимым занятием. А любила она читать, курить и вязать крючком. Когда в магазинах стали пропадать обычные вязальные нитки, она перешла на штопальные, самые дешевые и доступные. И вязала километры, считая сложные схемы, – то в уме, то вслух, выдавая периодически в обычной болтовне за чаем: – Надо Вовке новые ботинки купить, четыре с накидом, и тебе, мама, тоже что-то присмотреть, раз, два, снять не провязывая. – Ежедневные часовые медитации с вязанием укрепили и успокоили ее лучше метания ножей. Женька приобрела какое-то настолько несокрушимое фатальное спокойствие, что пугала им больше, чем криком и руганью. Она неожиданно тихо и обреченно восприняла новость о продолжении обучения Пети.

– Еще полгода? Опять в Москве? Понятно... Слушай, а ты думал, что мы как-то неправильно живем? – Она с жадностью затянулась отобранной у Пети папиросой.

– Ты о чем? У нас лучшая страна в мире, – Петька был не готов к философским вопросам в полночь, в супружеской постели.

– Я про нас. Я, например, все время жду и боюсь, злюсь сначала на тебя, потом на себя, и так по кругу, – Женька приподнялась на локте, поправила бретельку и уставилась на него.

– Да полстраны так живет, – попытался защититься Петя.

– Полстраны может жить, как хочет. Это не значит, что так правильно. Я тут с ума схожу, ты свои естественные, – она нежно погладила его по причинному месту, – потребности справить не можешь, только потому что шестнадцать лет назад пообещал, что ты со мной навсегда...

– Ты к чему это сейчас? – Петька повернулся к Жене. От нее пахло «Красной Москвой», теплом, свежей глажкой.

– Может, ты меня оставишь? Тебе так будет проще, я – как консервная банка на хвосте, все время грохочу, напоминаю о себе и заставляю оглядываться, а значит тормозить, пугаться. Я – твое слабое место. И ладно, если ты рядом, а так где-то за горизонтом, за полугодием. Ты правильный – пообещал, значит до конца. Может, тебя освободить?

Петька окончательно проснулся:

– Я не понял? У тебя что, кто-то есть?!

– У меня есть ты. И это, как оказалось, очень больно. Потому что ты есть и тебя нет. Ты как рыба – выскальзываешь из рук и уплываешь... Это неправильно. Нечестно друг к другу. Я даже не знаю, вернешься ли ты...

Петька развернулся и смотрел на Женьку, сопя и обдумывая каждое слово:

– Я не хотел так... так получилось... Я хотел быть машинистом, приезжать домой с подарками. Гулять с детьми на море, есть вишню на коридоре и подсматривать, как ты белье развешиваешь... Но вышло иначе... Не говори так мне. Ты – последняя ниточка, благодаря которой я еще человек. Ты и дети.

– Косько, вот на фига я в тебя, дурака, влюбилась?

На следующий день его без предупреждения, просто с Алексеевской площади заберет служебная машина.

Василий Петрович по кличке Ирод объявит:

– Вы так кстати оказались в Одессе! Рук не хватает. Так что отберу вас на пару дней у супруги.

Петьку включили в группу обеспечения по обустройству тайников и складов на случай возможной войны, точнее – оккупации, сделал вывод он сам для себя. Потому что 90 % этих складов и захоронок были оборудованы в катакомбах. Помимо продуктов долговременного хранения, оружия, боеприпасов, медикаментов и железных бочек с топливом и спиртом, там были чистые бланки советских и образцы немецких документов, большие суммы денег, причем бóльшая часть в рейхсмарках. Купюры были не новые, разного достоинства. А еще было много драгоценных камней, золотых изделий и... наркотики... Последнее удалось узнать случайно, когда оборвалась веревка на лебедке и разбилось несколько ящиков. Кроме того, было обмундирование, гражданская одежда, в основном, зимние вещи.

Весь процесс был обставлен с максимально возможной секретностью – людей, задействованных в работах, доставляли до места входа в катакомбы в закрытых машинах, кругом степь, никаких ориентиров, только вход или пролом в земле, куда спускались по крутой лестнице или, что чаще, – на лебедке, рядом были сложены ящики и бочки. Внутри, в определенном порядке, по схеме, укладывали все, что спускали сверху. Потом перекус сухим пайком. Если работы закончены, то погрузка в машину, крайние места на скамейках у заднего борта занимают два нквдшника с автоматами, тент наглухо зашнурован и опечатан снаружи, и в обратный путь, а если нет – то работа всю ночь, при тусклом свете фар. Каждый раз команда «По машинам!», а следовательно – вся работа заканчивалась только после того, как в катакомбы спускались незнакомые гражданские, пересчитывали весь груз, подписывали несколько документов, и все разъезжались в разные стороны.

На обратном пути машину несколько раз останавливали, но никто ничего не говорил – в кузов доносились только звуки открываемых и закрываемой двери кабины.

Вот тогда и пригодились Косько навыки слепого ориентирования, которые он освоил в школе.

Он легко определил – проезжают через несколько кордонов оцепления, проверяют водителя, затем целость тента и печати на брезенте кузова, впереди, судя по звуку, идет еще одна машина сопровождения, лязга двери не слышно – значит легковушка, возможно, командир не ниже полковника.

Дальше – больше: погрузка на работу происходила во внутреннем дворе военкомата, и Петьке не составило труда определить по количеству поворотов и покрытию мостовой, по каким улицам едет их машина, угадать направление, а потом просто считать повороты и внимательно слушать звуки снаружи, а время в пути и скорость движения он определял без приборов – тоже сказывалось обучение в школе. Всю дорогу он сидел с закрытыми глазами, делал вид, что спит, по примеру соседей, а в голове достаточно легко прокладывался маршрут.

Это было очень опасно, приходилось себя постоянно контролировать, вернее, контролировать спонтанные движения соседей, потому что когда на слишком крутом повороте все сидящие

попадали на дно кузова, Петька инстинктивно сгруппировался – он единственный не упал и тут же отметил на себе короткий взгляд из-под бровей старшего из охраны. Больше он таких ошибок не совершал, вместе со всеми падал и материл водителя.

Петька набросает свою схему расположения этих запасников. По зову крови, чтоб было. Чтобы в крайнем случае он или Женя смогли найти и выжить. Ну а пока что он надежно спрячет копию карты дома, в чемодане со старыми детскими вещами и мережаными крестильными сорочками Беззубов.

Уезжая в Москву, он шепнет ей на вокзале:

– Просто жди. Не думай. Я обязательно вернусь. – Он зайдет в купе. Женька с детьми будет стоять на перроне. Петька поймает ее взгляд, прижмет лоб к стеклу и поцелует кольцо.

Он и правда приедет еще раз, в мае сорок первого.

1941

Нюся любила завести светскую беседу. Особенно холодными и длинными зимними вечерами, заглянув по-соседски на чай.

– Ты смотри, Беззуб! Вашего почти родственника решили увековечить!

– Какого родственника? – удивится Фира.

– Серезу Уточкина! Вот читай – Водопроводную опять переименовали, а то была каких-то Двадцати пожарных...

– Двадцатилетия пожарной охраны, – поправила ее Женька.

– Не важно! Короче, теперь Уточкина. И кинотеатр в Горсаду, и еще предложили Дофиновку в Уточкино переименовать. Рива, ты помнишь, как твой Гедаля оттуда Ваню с Сереей забирал?

– Ой вспомнила... Когда это было? В прошлой жизни.

– Девочки, – вздохнула Фира, – иногда как подумаю – какие мы старые, аж страшно становится.

– Сама ты старая! – возмутилась Нюся. – Ну, может, Ривка чуток заветрилась уже, а я еще вполне молодая и красивая.

– Нюська, да я на год моложе тебя! – фыркнула Ривка. Ей в этом году исполнялось шестьдесят пять.

– Ты уже бабушка! А я – молодуха!

– То, что у меня внуки, еще ничего не значит! Это просто твоя балерина замуж не торопится! Вот не мешала бы ты ей с Котькой Беззубом, может, тоже бы внукам радовалась!

– Да упаси Боже! – по традиции хором сказали Фира с Нюсей.

Как в последний раз

Первомайская демонстрация в Одессе проходила масштабнее Венецианских карнавалов. Сборы с раннего утра, чуть ли не на рассвете, четырехчасовое шествие по улицам города. Огромные портреты, украшенные машины, отряды гимнастов. Нарядная Женя курила в переулке с коллегами из заводоуправления.

– Евгения Ивановна, по рюмочке? Глоточек? Мое, домашнее.

– Знаете что? С этими вашими рюмочками мы сляжем еще до начала.

– А ваши знаменитые пирожки, чтобы устоять?

– А пирожки после.

Женька действительно приготовилась к параду, зная, что проведет там полдня. В эффектном кружевном белом жакете, связанном крючком, в белом берете, с неизменно алым ртом и таким же кокетливым красным бантом на груди.

На нее засматривались многие. Но бухгалтер Косько благосклонно принимала все знаки внимания и никогда не давала повода развить ситуацию ни на заводе, ни за его пределами. Ее мужа никто никогда за полтора года не видел, да и она о семейной жизни, в отличие от других женщин, ничего не рассказывала. То ли он был высокопоставленным военным, то ли чекистом. Но точно влиятельным, судя по ее нарядам и слишком самоуверенному и надменному поведению.

День был теплый и солнечный, как по заказу. К полудню совсем по-летнему припекало. Закончив марш-парад, трудящиеся расползались группками по газонам и аллеям парка Шевченко и устраивали дружеские пикники.

Женя была рада выходу в люди. Они компанией шли по аллее. Здесь опять устроили тир. Она вспомнила, как разнесла выстрелом мороженое в руках Петькиной пассии, и улыбнулась. Теперь она выстрелила бы той дуре в толстую задницу, хотя брызги мороженого куда эффектнее.

«Где же ты, Петька?» – Ее воспоминания прервали хохотом и звоном стаканов:

– Не хотите пострелять, Евгения, говорят, вы «Ворошиловский стрелок»?

– Не сегодня. Настроения нет, да и я уже выпила, – отрезала Женя.

– За Первомай и товарища Сталина! Пора делиться пирожками. Они пахнут уже пятый час. Сейчас экспроприруем!

Женька придет домой к вечеру, слегка подшофе, скинет туфли и босиком прошлепает в комнату. За столом будет сидеть Петька. В гражданском.

– Ты что, демонстрацию до Черноморки довела?

Женька взвизгнула и повисла у него на шее.

– Еще и вином пахнешь!

Женька отстранилась.

– Ну извините, Петр Иванович. Не приготовилась. Полгода ждала. А стоило один раз за порог выйти – и ты приехал. Может, надо было раньше запить?

Петька вздохнул:

– Ну прости. Я в девять утра приехал. Не знал, где искать. Заждался уже. Ирина Ивановна вон с обеда собрала детей и уехала к Ане на Фонтан – медовый Первомай нам решила устроить... Давай не ссориться. Хоть в первый день.

– Петенька мой, – Женька уселась к нему на колени и обцеловывала всего, – как же я соскучилась. Ты домой? Насовсем? Скажи, скажи, что насовсем!

– Нет... – Петька замолчал. – На две недели.

– А потом?

– А потом обратно.

– Мне с тобой можно?

– Пока нельзя. Совсем нельзя.

– Петя, будет война, да? – вдруг спросила Женя.

Петька продолжал. Он сгреб жену и уткнулся ей в шею. Потом шепнул:

– Я не знаю. Возможно.

– Петя, родной. Ты же теперь начальник? Тебя же не убьют?

– Не убьют. Я теперь тевтонский рыцарь в броне.

– Кто?

– Шучу. Конечно начальник. И очень ценный сотрудник. Таких берегут и выдают коньяк и шоколад. Будешь?

Утром Петька открыл глаза задыхаясь. Ему приснился кошмар. Во сне, от ужаса он со всей силы вцепился в Женькину руку и проснулся от того, что второй она лупила его по голове и кричала: – Отпусти!

– Да что ж тебе такое приснилось-то? А ну рассказывай! – потребовала она.

– Взрыв.

– А дальше?

– А дальше я получил от тебя по морде и не узнал, чем закончится! Зато знаю, что сейчас будет!

Он повалил Женьку на кровать...

– Я боюсь, – скажет вечером Женька.

– Я тоже. Я боюсь за тебя и детей.

– Не бойся. Я буду ждать. Ты же знаешь. И оружие у меня есть, если что.

– Выбрось! – Петька моментально стал железным, чужим. – Отдай мне!

– Зачем?

– Если что-то случится, эту силу одним браунингом не остановишь, а вот беды точно не оберешься. Хватит с тебя кухонных ножей. Не разучилась?

– Нет.

– Вот и славно.

Они съезжают в Отраду, погуляют в парке Шевченко и накатаются с детьми до одури на всех аттракционах. Петька отведет Женьку в тир.

– Дети! Смотрите! Ваша мама «Ворошиловский стрелок»! Гордитесь! Сейчас она этот тир разорит!

Две недели промчатся незаметно.

– Петя, что нам делать? Если вдруг...

– Не переживай. Я все устрою. Я поговорил уже. Вас в случае чего прикроют и помогут. Пока деньги и паек получаешь как обычно. В крайнем случае, я что-то придумаю и приеду.

На вокзале Женька вдруг повисла на нем, влипла от шеи до колен, вжалась, вцепилась и что-то шептала, заливая слезами его воротник.

– Ну перестань... – Петька оторвал от себя Женьку. – Ну что ты как в последний раз?

Кому война – кому мать родна

Котья, в отличие от остальных членов семьи, не хотел карьеры и не искал приключений. Его устраивала спокойная, размеренная жизнь на родной «Январке». Ремонт броневых автомобилей для военного округа, просмотр чертежей, футбол по выходным. Как специалист он получил собственную комнату в общежитии, куда наконец-то мог спокойно приводить своих подруг. Дома на Мельницкой Котья появлялся только четыре раза в год – на дни рождения мамы и Ксени и на два календарных праздника – 1 января и 8 марта. Как шутила Фира: точно – раз в квартал. Это тихое холостяцкое счастье длилось до июля 1941 года. Константина Беззуба мобилизовали, несмотря на бронь, которая полагалась специалистам его уровня. Военком сказал в ответ на возмущение Котьи:

– А бронетранспортеры тоже надо кому-то ремонтировать!

Но Котья – вечный везунчик. Может, потому что фортуна – тоже женского рода, а с этой категорией у Котьи всегда были особые отношения. Ему выдали военную форму, поставили на довольствие и приписали к передвижному ремонтному батальону, который располагался на территории родного завода. Так что ему даже иной раз ночевать удавалось в родной постели. Поначалу редко, конечно, но со временем – почти каждую ночь.

Когда фронт приблизился к Одессе и началась осада города – ему снова повезло. Казалось, судьба держит над непутевым добрым Котиком ладошку.

Он придет к маме, нарушив привычный график. Обнимет, ласково, как в детстве, потрется носом о плечо.

– Мамочка, я уезжаю. Очень вас люблю.

– На фронт? – охнет и съежится Фира.

– Не, мамочка, не волнуйся. Какой из меня боец? Никаких боевых действий. Командировали обратно на Ижорский завод. Очень я ценный сотрудник вдруг оказался.

– Агройсен инженер, – хихикнула Ксения и потрепала его по пышному чубу.

Котья рассадил на два колена Вовку и Ваньку:

– И самый богатый дядя.

– Дядя, ты своих когда заводить собираешься? – встряла Женька.

– Ну не сейчас точно, – моментально парировал Котька.

– Ты пиши. Хоть раз в квартал, – попросила Фира.

– Я сразу адрес вышлю! И вы мне тоже. Пожалуйста.

Коте действительно повезло больше других – из Ижорска его перевели через месяц в Горький, где включили в группу разработчиков новой разведывательной бронемашины.

Оборона

В Одессу стали регулярно поступать раненые, и Лелька Гордеева, несмотря на преклонный возраст, растущую катаракту и тихую ставку в детской поликлинике, рванула в Еврейскую. Линия фронта стремительно сползала вниз, к Одессе, и больница снова захлебывалась. В одну из смен она, проходя по коридору, забитому койками, случайно толкнула склонившуюся над раненым санитарку с уткой и внезапно услышала вслед:

– Отрастила жопу, корова старая!

– Что? Кто сказал? – развернулась Гордеева. В Еврейской больнице не было таких безумцев, кто бы посмел не то что сказать – подумать про нее без уважения. Мелкая санитарка повернулась.

– Ирка? Ты что здесь сделаешь?

Фира, отряхивая и вытирая залитую содержимым утки руку о халат, буркнула:

– То же, что и ты! Нашим помогаю!

– Ну так помогай молча! Ишь ты! Маленькая собачка до старости щенок!

– Иди уже, карга старая!

Независимо от обид, возраста и клятых характеров они были матерями и не задумываясь, как и сорок лет назад, бросились спасать детей. Чужих, своих? Не важно.

Ксения вызвала всех сестер домой. После богатого ужина, уложив Аниного Ванечку, Вовку, отправив спать сопротивляющуюся Нилу, Фира, Лида, Женя и Ксения уселись за старинным обеденным столом.

– Так, – Ксения двумя руками разгладила скатерть, – слушаем, не перебиваем. Вопросы потом. Есть информация, что Одессу сдадут. Вероятность очень высокая.

– Да что ты несешь! – вспыхнула Анька.

– Да помолчи! Дай сказать! Это очень серьезные люди. Эвакуация началась еще в июле. И да, не только предприятий. Вся номенклатура свои семьи выслала уже. Лида, ты же в курсе?

Лидка молча кивнула,

– Короче, девочки. Я в списках. Плюс один взрослый. Могу протащить еще от силы одного. Включайте и мозги и связи, у вас у всех они есть, и неслабые. Вы все, особенно Анька с Женей, реально в опасности. И ты, мама, тоже. Женя, скажи мужу – ты жена чекиста, тебя же сразу убьют.

– Петя сказал – все будет в порядке. Обо мне позаботятся.

– Петя сказал... Ситуация меняется каждый день. Ты ж не дура – посмотри, где уже линия фронта! Найди мужа, пусть что-нибудь организует.

– С ним нет связи... вообще.

– Так в контору сходи. Попросись, больной прикинься. Аня – ты со своей красной звездой во лбу и еврейским сыном вообще...

– Что значит еврейским?

– Слушай, мы ему все попу мыли, все видели.

– Он крещеный, между прочим, – подала голос Фира.

– Чего?!!! – развернулась к ней Анька.

– Не сейчас, я вас сильно прошу. Девочки, решайте срочно. С каждым днем будет все хуже. Пакуйте чемоданы. Лида, скажи им.

– Я остаюсь.

– Ты серьезно?

– Я серьезно. Я никогда особо с коммунистами не водилась. Кто меня тронет?

– Тогда девкам помощи. Хоть узнай, где в списки можно влезть, а я деньгами подсоблю, если что.

Фира с удивлением смотрела на дочерей. Особенно на младшую. Откуда эта сила и уверенность? А Ксения продолжала:

– Девочки, спасайте себя, спасайте детей. И еще, если придут немцы... А они придут... Они массово убивают евреев, – она выразительно посмотрела на сестер. – Евреев, Аня. Несмотря на советскую метрику и фамилию Беззуб.

Проводив всех, Ксения подойдет сзади и обнимет Фиру:

– Мам, ты шепни там Риве с Гедалей аккуратно – пусть уезжают.

– Асенька, вы куда? – Софья Полонская выйдет на рассвете на странный звук и увидит Ижикевичей, выносящих узлы с вещами из квартиры.

– Мадам Полонская, не закудыкивай дорогу!

– Та где ты, заполошная, едешь?

– Домой, на Пересыпь. К папе! Моего призвали, а что я тут одна с Сережкой сидеть буду? Домой еду. Батя старенький совсем. Все веселее.

– Хоть бы попрощалась по-людски, – поджала губы Полонская.

– Тетя Софа, я ж ненадолго. Сейчас наши немцев выбьют, и я сразу назад!

Эвакуация

Зареванная Анька пришла домой на Мельницкую с маленьким чемоданчиком в одной руке и веселым Ванькой в другой.

– Уг-га! – грассируя, вопил он, прыгая на одной ножке. – Уг-га! Мы едем к бабушке!

Аня поставила чемодан и велела Ване идти играть во двор с Вовкой.

– Командировка? Одесса же в кольце? – покосилась на знакомый «гостевой» Ванькин чемоданчик Фира.

– Мама, – тряслась Анька, – мама, пусть Ксения увезет Ванечку...

– Да что стряслось?

– Мама... Киев... В Киеве убили всех евреев... Просто поставили у рва и р-р-растреляли в упор... и детей... и грудничков...

– Да откуда такое?! Когда?!

– На работе шепнули... Там всю прошлую неделю убивают... это правда.

Анька рухнула на колени:

– Мама, спасите Ваньку, у меня никого кроме него и вас нет...
Мамочка!

Фира заплакала и обняла Аньку:

– Моя девочка железная, ну ты что? Ну езжай вместе с Ваней и с Ксеньей!

– Я не поеду. Я на фронт.

– Да ты что, с ума сошла?! Какой фронт с твоим здоровьем? Ты ж оружия в руках никогда не держала!

– Я буду защищать Родину. Не спорь. Ты меня знаешь. Я буду защищать свою Родину. Пусть Ксения заберет Ванечку с собой.

Ксения постучала и заглянула в комнату Фиры:

– Мама... Мама, собирай вещи. Мы через два дня уезжаем. Сначала в Севастополь, оттуда на Дальний Восток. Я нашла лучшее, что было.

– Ну куда я отсюда поеду?

– На Дальний Восток. Смотреть на океан и крабов есть.

– Каких крабов! Война кругом!

– Там нет войны. И бомб нет. И евреев не стреляют. Ты и Ванька едете со мной.

– Не морочь голову! Тут Женя, внуки, Торичкина могила, Ванечкина – куда я поеду?

– Наши победят – вернешься. Мы же не навсегда. Вы уже дотянули – доигрались, что эвакуация только морем осталась! Мама, если ты не поедешь – тебя убьют как еврейку!

– Я православная, у меня паспорт есть!

– Убивают не по паспорту, а по лицу. Мама, у нас все по нему понятно. Ну, кроме Аньки. И вообще, кто за этим шибеником будет смотреть, пока я на работе?

– В сад отдашь.

– Ага, там просто открыли дверь, взяли каравай и ждут нас! Ты представляешь, какой там наплыв беженцев и какого уровня! Сада не будет! Будешь ты.

Никому!

– Ксения Ивановна, вы... вы что делаете?!

Ксения Ивановна в свои неполные двадцать четыре вела черные кассы самых дорогих ресторанов города и ежеквартально сводила их с белой бухгалтерией так, что подкопаться было невозможно. Ну а в миру продолжала работать в своем Рыбаксоюзе и на полставки в гастрономе на углу Мельницкой и Степовой, простите – Моисеенко и Мизикевича.

Ксения стояла перед выстроенными в шеренгу пацанами из соседних дворов, теми самыми, которые ежедневно забегали за хлебом и молоком и залапывали своими грязными руками витрину с конфетами.

Она придерживала подбородком стопку рыбных консервов и, проходя по ряду, выдавала по две банки в руки.

– Дверь закройте, я занята! – прикрикнула она на товароведа.

Через минут семь пацанов с полными торбами продуктов рыбной стайкой выскользнули из подсобки и шуганули по своим дворам.

– Ты все понял? – поймала она за рукав соседского пацана.

– Ну да, тетя Ксения. Могила! Клянусь сердцем Ленина!

Ксения вернулась в кабинет и потянулась, выпячивая свою шикарную грудь:

– Что-то я притомилась...

К ней снова без стука влетел товаровед и громко зашептал:

– Ксения Ивановна, вас начальник вызывает.

– Что, настучал уже? Ну вместе пошли.

– Только вас.

– И ты, Игорь Иванович, тоже со мной идешь.

В кабинете сидел директор гастронома.

– Вы, ты... Вы что себе позволяете?!

– Вы о чем?

– Эти консервы и другие продукты подлежат уничтожению! Вы нас всех под расстрельную статью загоните!

– Вы понимаете, о чем сейчас говорите? – Ксения без приглашения присела, откинулась на стуле и вольготно закинула ногу на ногу.

– Первое – я их купила. Это уцененный товар, банки вздутые. Подлежат реализации по сниженной цене. Ну а куда мои покупки девать – мое дело. Второе, – обратилась она к товароведу, – Игорь Иванович, фискальный чек о покупке мною продуктов имеется?

– Да...

– Ну так какие вопросы? А попробуете донести, так проинформирую: мой свояк – лейтенант НКВД, и почему вы так уверены, что мой рапорт о твоих ведрах с водой у мешков с сахаром еще не у него? В третьих... – она сделала паузу, – Игорь Иванович, вы уже свободны, идите...

Товаровед пулей выскочил за дверь.

Она подошла к директору и склонилась над столом:

– Вы понимаете, что город сдают и оставляют людей не просто под фашистами, а на голодную смерть. Мы-то с вами уедем. А пацанва эта? А мамы их, солдатки, куда денутся? Что жрать будут? Кто их накормит? Немцы?

– Да что вы такое говорите! Есть приказ!

– Есть мозги и совесть! А есть статистика. И для, – она ткнула пальцем вверх, – ...истории – мы просто цифры в сводках. Вдруг вы стали приказов бояться! Вы, который с тридцатого года здесь сидит и все проверки с зачистками пережил. Значит, колбасу с маслом списывать не страшно, а консервы с крупой – трибунал?

– Я по бумагам все оформила. Все списано и уничтожено. Никто не докажет. Дайте людям помочь. И вам спать спокойнее будет...

Гедаля

Ничего не оставлять врагам! За несколько дней до сдачи Одессы НКВД получил приказ уничтожить всех лошадей.

Часть государственных отправили на бойню и переработку в колбасу, но это была очень малая часть, не хватало мощностей мясокомбинатов и не работали холодильные установки, а по дымам из коптильных цехов моментально била артиллерия немцев. Через день лошадей начали расстреливать. Всех, без разбора – государственных, кооперативных, колхозных, частных...

Специальные расстрельные команды НКВД были вооружены самым новым оружием – автоматами ППШ. Они со списками шли по дворам, сбивали замки с конюшен, выводили лошадей на улицу, короткая очередь – и все кончено...

Пришли и к Гедале. Восемь человек с автоматами встали по периметру двора, а двое сноровистых мужичков в военной форме моментально свернули замок с ворот и в считанные минуты вывели его лошадей за ворота. Гедаля рванул с галереи вниз.

– Назад!! За неповиновение расстрел на месте!! Стоять!!! – крикнул командир.

Марик вцепился в старика:

– Папа, папа, прошу тебя, не надо... убьют же...

На улице прозвучала очередь, потом вторая, затем одиночный выстрел... Гедаля, обезумев, рванул что было сил, затрещала и оторвалась пола пиджака...

– Назад! Пристрелю!!! – неслось ему вслед, но он был неуправляем.

За воротами, на углу Михайловской, лежали обе его лошади, его любимицы... Он подскочил к ним: – Бубочка! Бубочка! – Потом на коленях подполз к залитому кровью мерину: – Кореш? Как же так... Кореш, прости... – и, обернувшись, закричал:

– За что? За что?? За что???

А потом еще что-то гневно крикнул на идиш одному из стрелявших, сержанту, который уже прятал револьвер в кобуру...

Сержант ничего не понял, но, в бешенстве скривив губы, прорычал:

– А ты что хотел, пархатый, чтобы эти кони немцам достались! Вали в дом, а то я и тебя сейчас рядом положу! – Он потянул автомат с плеча и навел его на Гедаля.

Тот бросился вперед. Сержант успел передернуть затвор, но в последний момент передумал и, вскинув автомат, ударил убегающего Гедаля прикладом прямо в лоб.

Удар был слишком силен, и Гедаля без памяти рухнул на пыльную мостовую. Подбежали солдаты с командиром, волоком оттащили беспмятного биндюжника в арку ворот. Сережка, давно выглядывающий из дверей у самой арки, рванул за помощью во двор. Гедаля облили водой из ведра, и он пришел в себя. Командир, молоденький лейтенант, присел на корточки рядом с ним:

– Ты, старик, не серчай на сержанта, он вчера узнал, что оба его сына и дочка погибли. Они на пароходе были. Шли без прикрытия. «Мессеры», наверное, час кружили над ними, куражились, гады, били на выбор... ушли только, когда расстреляли весь боезапас. Никто не выжил. Он второй день не в себе...

– Коняшки в детей не стреляют... За что их... – неожиданно каким-то тихим и смиренным голосом спросил окровавленный Гедаля.

Лейтенант молча поднялся и вышел из арки на улицу. Ривка, его обожаемая громогласная Ривка вместе с дочерью были далеко. Еще два месяца назад Гедаля с невиданной решимостью отправил обеих к далекой родне в Поти. А сам остался потому что – кони.

Гордеевой не было: она, несмотря на возраст, круглосуточно дежурила в больнице, и Гедаля женщины перевязали самостоятельно, как смогли, промыв рану на лбу остатками самогонки, которую принес его сын Марик. Потом помогли ему подняться наверх.

Рано утром Гедаля начал, как всегда, уборку в пустой конюшне. Он что-то говорил и пел, по своему обыкновению, уже не существующим лошадям, так, как обычно делал много лет, а потом, закончив уборку, сел у раскрытых ворот на чурбак, нашкрябал с тугого глинобитного пола утрамбованной глины с соломой и стал лепить фигурки коней, все так же что-то тихо напевая.

Любопытные дети с интересом и опаской стали подходить ближе, чтобы посмотреть, что же там делает дедушка Гедаля.

Тот завидив их, приветливо улыбался, кивал забинтованной головой и, протягивая на своих громадных, перепачканных ладонях глиняные фигурки лошадей, приглашал:

– Берите, берите, берите сколько надо – коняшки в детей не стреляют...

Дети испуганно разбежались по домам. Через считанные минуты возле Гедаля собрался весь двор. А тот, безмятежно улыбаясь, все так же протягивал ладони с фигурками лошадей и уговаривал:

– Берите, берите, не бойтесь, сколько надо берите – лошадки хорошие, они в детей не стреляют...

С вытянутыми ладонями он поднялся с чурбака, на котором сидел, и сделал шаг во двор, навстречу людям. На солнце стало видно, что из-под съехавшей повязки на его голове торчат неопрятные седые пряди в засохших кровяных сгустках, по лбу сочится сукровица.

Кто-то из женщин охнул, Нюська заплакала.

– Бедняга, рассудка лишился... – слышалось из толпы. Привели Марика, тот сделал попытку увести отца, но Гедаля отказывался категорически, не помогли ни уговоры, ни угрозы. Он так и просидел до заката в открытых воротах, а потом, прикрыв их изнутри, лег спать в конюшне.

С тех пор Гедаля ни одной ночи не провел в своей постели, спал только в конюшне и каждое утро начинал с уборки, разговоров и песен лошадям. А все остальное время лепил их фигурки.

Гордеева, вызванная всеми правдами и неправдами из больнички, провела наедине с Гедалей полчаса и, выйдя на улицу, угрюмо сказала сгрудившимся у входа бабам:

– Ему ничем не помочь... не изобрели еще лекарства от тоски. Ему там без ума легче...

Гедаля изо дня в день продолжал лепить фигурки лошадей, с каждым разом все лучше, тоньше и виртуозней. Он уже никого не узнавал, но неизменно вежливо благодарил всех, кто подходил к воротам конюшни, и уговаривал взять фигурки.

А через считанные дни в Одессу вошли немцы и начались массовые расстрелы евреев. В одну из первых партий попали Гедаля с сыном.

Он шел с краю колонны и все время предлагал соседям и конвоирам фигурки, неизменно повторяя одну и ту же фразу:

– Берите, они хорошие, сколько надо берите, лошадки хорошие, они не стреляют в детей...

Когда всю колонну выстроили на краю рва, под прицелом нескольких пулеметов, и конвоиры отошли на безопасное расстояние, рассудок на мгновение вернулся к нему – Гедаля сорвал повязку с головы и, подняв лицо к небу, громко закричал:

– Господи, ты все видишь, покарай меня! Я не сберег лошадей, погубил сына! Прости меня и покарай!.. – Остаток его фразы потонул в грохоте пулеметных выстрелов...

Шестнадцатого октября. Точно перед входом румын в Одессу, домой с тюками и сыном вернулась злая как черт Ася Ижикевич.

– Шо вам дома на Пересыпи не сидится? – вышла встречать ее Софа Полонская.

– Заткнитесь, мадам Полонская, – огрызнулась Ася. – Они дамбу взорвали!

– Фашисты?

– Наши! Ночью! Школу подожгли, а Пересыпь затопили. У меня теперь вместо дома по колено ли-мана!

– Ну у вас хоть вода есть, а тут теперь ни света и ни воды – один колодец за клубом Иванова.

Покидая город, сотрудники НКВД выполнили приказ – ничего не оставлять врагу, поэтому кроме дамбы взорвали электростанцию и все хлебзаводы. Горели школы. Портовые краны были выведены из строя.

Про оставшихся жителей (каких-то триста тысяч человек!) не думала ни одна из воюющих сторон.

За что?

Лида рыдала и рвала, рыдала и рвала второй час подряд.

– Нет, нет, не может быть, – повторяла, захлебываясь слезами, она и снова склонялась над ведром. Она ушла с утра, а дома появилась только поздно вечером, в оборванном платье, рваных чулках и совершенно невменяемом состоянии.

– За что? Какой ужас! Ужас! Ужас! – шептала без конца Лидка. Через час в этой истерике Николай сумел выловить по крупицам главное – она чудом осталась жива, а ее любимого Цербера, домоправительницу Галину Ивановну, убили.

– Галиночку мою... расстреляли! Просто расстреляли на улице! Фавинских, ты помнишь Фавинских? Я к ним приезжала на музыкальные вечера... Мы после базара решили заглянуть, а их... Их... их сожгли вчера. Сожгли заживо... Патроны решили экономить и в складах на Люстдорфской сожгли. Кому они мешали? Кому Давид мешал? А внучка его пятилетняя кому жить не давала? Это все тварь из Бельц, которую он приютил в том году, она их румынам сдала, чтобы их дом забрать! Убей ее, Коля, сделай что-нибудь! Коля, давай спасем кого-то? Давай спрячем у нас! В память о них, о Галочке моей, о Галочке любимой!!

Николай Николаевич ни разу в жизни не видел свою жену такой беспомощной, жалкой и... человеческой. Он даже не подозревал, что она умеет плакать и любить кого-то, кроме себя.

– А с Галиной что случилось? Она же хохлушка.

– Мы... мы шли домой, Новый же разбомбили... Мы вышли прогуляться и в лавку зайти, еще говорили по дороге, как ее Бог отвел – она, когда наши бомбить начали Новый рынок, как раз дома осталась, шторы не могла никак повесить. А пошла бы как обычно, и погибла бы. Шли, о судьбе говорили, о том, какие румыны нарядные зашли, как из бани, а не с фронта и тут... тут... – Лида снова захлебнулась. – И тут они налетели, улицу с двух сторон... и как цепью выстроились, всех хватали и вдоль дома строили. Она, Галочка, меня сразу в парадную пихнула, я упала за дверь, стукнулась так сильно – вот! – Лидка подняла руку с опухшим локтем и рваным рукавом. – А Галочку расстреляли! И еще каких-то людей. Я там

сидела за дверью... сидела, под лестницей, тряслась, как собака от гицелей, до вечера, а потом домой бежала... Коля, как страшно... за что? Коля, что нам делать?

– А твой друг этот неприятный? Из органов. Василий Петрович? Он уехал? Нет же вроде... Может, он как-то поможет?

– Он не друг мне... я его боюсь! Коля, ты можешь узнать, может, кто-то из Фавинских жив, может, хоть дети? У него же три дочери было... Господи, как страшно... Господи... Евреи им чем помешали? Галя моя в чем виновата?

– Ну ты же слышала взрыв. Я же говорил – дома сидеть. Ты не слушаешь никого! Комендатуру вчера взорвали. Сегодня утром объявили приказ: за каждого их офицера – двести человек. Вот и хватали всех подряд.

– Ненавижу! Я б сама их всех взорвала!

– И кого после этого взрыва повесят? Твоих племянников? Успокойся. Я тебе сейчас водки принесу!..

Первые расстрелы начались уже с семнадцатого октября, на следующий день после входа в оставленную Одессу. В артиллерийские склады на Люстдорфской дороге стали сгонять всех пойманных неблагонадежных – нераскаявшихся коммунистов и партийных работников, на которых оперативно донесли доброжелатели, интересующиеся их жилплощадью и добром, случайно оставшихся в городе красноармейцев, в том числе и тяжелораненых. И евреев, которых или сдали соседи, или они пришли добровольно – согласно приказу о явке и регистрации. Девять складов, набитых людьми. С 19 октября в течение нескольких дней их расстреливали – проделав для пулеметов отверстия в стенах. А потом поджигая. На последних двух складах решили сэкономить на патронах и амортизации техники – и, просто облив бензином, подожгли. Все заключенные сгорели заживо. По свидетельствам местных жителей, крики были слышны на несколько километров. И это было только начало.

Через два дня, 23 октября, за взрыв здания румынской комендатуры на улице Энгельса, которую румыны снова переименовали в Маразлиевскую, румынские солдаты и прибывшая в Одессу германская айнзатцгруппа D провели картельную акцию по

уничтожению заложников. За каждого убитого офицера – двести человек, за солдата – сто.

По всей улице оккупанты врываются в квартиры и всех найденных жителей без исключения расстреливали или вешали. Производились облавы на улицах и рынках города, в пригородах; людей, ничего еще не знавших о теракте, расстреливали прямо на месте облав у стен домов или заборов. По отчетам обошлись меньшим числом – за погибших сто шестьдесят семь офицеров было убито всего десять тысяч одесситов. Четыреста трупов висели вдоль всего Александровского проспекта. Снимать их запретили под страхом смерти.

Вместе с Гедалей с Мельницкой забрали и старую, смешную, вечно орущую Софу Полонскую. Она пыталась сопротивляться и доказывать. Ее не слушали. Ася, обняв Сережку, рыдала за стенкой.

Софа Полонская посмотрела на свой двор:

– Ну что же... двадцатое... четное число. Значит, и мне пора. Девки! Прощайте!

После того как ее, подгоняя прикладами, вывели со двора, Муся-белошвейка, оторвавшись от окна, сказала своей соседке по комнате Дашке:

– Ну вот. И за комнату больше не платить, и жить можно отдельно! Чур, я к Полонской, а ты тут оставайся! Там просторнее!

– Так это... – Дашка замерла. – Это ты ее... на нее...

– Да какая разница? Она все равно старая, еле ходит. А я пожить хочу. Для себя. А не с тобой! Ишь ты какая правильная выискалась!..

Бенефис

После сдачи Одессы Елена Фердинандовна вернулась из больницы домой, замкнулась в себе и моментально стремительно состарилась. Еще месяц назад она сутками торчала в госпитале и гоняла нерасторопных медсестер, сама делая перевязки, а тут словно отключилась от сети. Потухла.

Гордеева доживала. От ее великолепной мощи и сокрушительного безапелляционного обаяния осталась только тень. Она сидела на стульчике в углу галереи с тарелочкой или без, пробиралась обратно в квартиру, оставляя, как улитка, на стене серый лоснящийся след от ладони. Почти слепая, с по-прежнему задранном вверх носом и презрительно поджатой губой.

Она то ли сознательно игнорировала внуков и невестку, то ли просто погружалась в темные тихие, стоячие воды старческой деменции, изредка, как гиппопотам, приподнималась над их гладью и резными перилами балкона и осматривала двор, отпуская себе под нос язвительный комментарий.

Женя регулярно каждое утро отправляла Нилу на тот дальний край галереи с миской. Содержание менялось – от каши с маслом и перемолотым мясом до просто печеных лепешек из муки и воды. Гордеева поднимала белесые от катаракты глаза на Нилу, удивленно приподнимала бровь, заглядывала в миску и, хмыкнув, запирала дверь. Но еду брала всегда.

Ее не волновали ни бомбежки, ни перестрелки, ни слезы и прощания во дворе, ни оккупация.

Она совершит последний выдающийся поступок, который аннулирует все ее прошлые грехи и обиды.

Учение о карме тогда было немодно, но история с еврейскими корнями женщин клана Беззуб повторилась через тридцать шесть лет и совсем не как комедия.

За Женей Косько пришел немецкий патруль. Они уточнили на входе, где она живет, и постучали. Женька вышла на коридор.

– Жидовка, с вещами на выход...

Женя по привычке подбоченилась и приподняла тонкую черную бровь:

– Не пónяла? Я – русская! Или кто там – украинка? Идите, господа, дверью ошиблись. Или двором, – она посмотрела в глаза патрулю и пошатнулась: – Да, подождите!

Женька рванула в дом и притащила сложенный вчетверо листок.

– Вот, читайте, читайте! Выписка из церковно-приходской книги. Меня крестили здесь! Вон, в Алексеевской, – она махнула рукой в сторону пустого неба... – Там храм раньше стоял. До тридцать шестого. Какая еврейка?

Полицай рядом ухмыльнулся:

– Ты себя в зеркало видела, русская? У тебя же на роже все написано. Да и люди врать не будут.

– Какие люди?

– Знающие. Бдительные. Уж поверь. Рядом живут, и всё за вас и породу вашу знают.

Женин взгляд лихорадочно метался по галерее – кто? Кто мог такое сделать? За что? Почему еврейка? Она же жена чекиста. За это ее бы расстреляли прямо у дверей. А тут что-то непонятное... Почему? Господи, в квартире дети, Вова... Вовочку же тоже убьют! Петька, как же не хватает тебя с твоей железной логикой и спокойствием и маузером... Некому нас спасти. Я опять одна. Ну, пусть хоть дети выживут.

– Так, хватит уже, что зависла? На выход!

Нюся Голомбиевская, закусив край кухонного полотенца, смотрела, как Женька, поцеловав Нилу и Вовку, идет к лестнице.

– Нюсечка, присмотри, пока я не вернусь... Тут недоразумение какое-то.

– Угу, вернется она, недоразумение, прощайся, – хмыкнул полицай.

Женя через плечо бросила взгляд на патруль – у немцев автоматы в руках, у полицая кобура на поясе, даже если выдернет – все равно не успеет, а если успеет – ни ей, ни детям уже не жить.

– Мама, мама, ты куда? – заплакал Вовка. Нила обняла его и зажала рот ладошкой.

– Домой! Оба! – прикрикнула Женя.

Женя-Шейна Беззуб-Косько, по маме Беркович, на прямых ногах стала медленно спускаться. Эта медлительность спасет ей жизнь. Когда они окажутся уже на нижней ступени, из полумрака дальней

темной лестницы в конце галереи появится ее клятая, выжившая из ума свекровь.

С привычной скоростью, с которой она рассекала больничные коридоры и палубы круизных судов, наперерез патрулю выкатилась прежняя гроза молдавских сифилитиков, урожденная люстдорфская немка Елена Фердинандовна Хорт-Хортеева-Гордеева.

Она нахмурит свою разросшуюся к старости, но по-прежнему жгуче-черную монобровь и совиным немигающим взглядом уставится в старшего: – Was ist das für ein Geschäft? langweilig gestopft!^[7]

Абсолютно чистый немецкий обескуражил и пошатнул патруль. Немцы колебались, не зная, чему верить – то ли глазам и бумаге, то ли ушам.

А Гордеева начала вещать так, что слышно ее было и в соседних дворах.

Суть ее немецкой пламенной речи, щедро украшенной редкими и сложными ругательствами, сводился к тому что эта чернявая – моя невестка, я сама принимала ее в родах у матери. Она мало того что крещеная, но и отказалась вступать в компартию. Там у вас этого не написали? Так я вам сейчас расскажу. Эта дура замужем за моим сыном, истинным арийцем, инженером! И я сейчас перемеряю твой бараний череп и найду сто отличий от настоящего немца! А еще я (тут Фердинандовна перешла на русский) – найду и вырву своими руками все детородные органы той дряни, которая написала донос! А еще пойду в немецкую комендатуру и расскажу, как она, эта дрянь, партизанит и поливает грязью настоящих потомственных немцев, живущих в этом гадюшнике!

Старший патруль попытался вежливо перебить фрау Хорт и показать бумагу.

Но та снова перешла на язык Гейне:

– Подотрись этой бумагой! Как должно быть стыдно твоей маме, что ее сын – не воин, а дерьмо, которое ловит баб по дворам! Если ты, ублюдок, сейчас же не отпустишь мою невестку, завтра будешь гнить в окопе, а не бухать в Одессе! Уж поверь мне! А эту конченую оставьте мне – я пожилая женщина, я отдала ей своего сына, и мне нужно, чтобы за мной горшок выносили! Вон пошли!

Немец улыбнулся:

– Яволь, фрау Хелен. – И, наклонившись, шепнул ей: – Боже, как вы похожи на мою маму! Я как дома побывал!

Он прикладом легонько подтолкнул остолбеневшую Женю к Гордеевой.

– А...а? – Полицай обескураженно смотрел, как немцы отпускают списочную жертву.

Гордеева, внезапно резко для ее отекавших, как колоды, ног подлетела к полицаяу и оказалась в паре сантиметров от его лица.

– Ага! Так я и знала! – торжественно объявила она, уже по-русски, осмотрев его через прищуренные веки. Полицай покраснел.

– Я тебя узнала! Ты ж с Госпитальной! Из тринадцатого номера! Правда! В патрулях и летучих отрядах раньше с красными ходил! Только сопливый совсем был.

– Она сумасшедшая! – завопил полицай. – Идемте уже!

– Ну как же! Ты смотри – как триппером своим в моем кабинете трусить, так он на полусогнутых стоял и сопли на кулак наматывал, чтоб жена не узнала! А тут – сумасшедшая! Я тебе, милый, помню, в тридцать втором башку зашивала, которую тебе граждане недовольные раскроили. Шрам же остался?

Полицай побелел. А Фердинандовна упивалась триумфом:

– Старшим товарищам перевести?

Жертва феноменальной памяти Гордеевой судорожно затряс головой и направился к выходу под хохот немцев.

Женя стояла посреди двора в ступоре.

– Спасибо...

– На здоровье! – фыркнула Гордеева и поплелась враскачку к лестнице.

– И не таскайте мне это дерьмо пережаренное! У меня от него метеоризм!

– Что? – повела головой окончательно поплывшая Женя.

– Пердеж! Так понятно? Вот же ж тундра безграмотная! – хмыкнула Гордеева и продолжила восхождение на второй этаж.

Женька улыбнулась. А потом рванула через две ступеньки домой, захлопнула дверь детской и, зачихнув в рот Вовкину подушку, исходила слезами и беззвучным криком, пока не выплакала, не выорала весь ужас. Через час она выйдет на коридор, затанется папиросой и осмотрит двор.

Кто? Кто написал донос?

Из соседней двери выскочит Нюся:

– Женечка, деточка, ты как?

– Не дождетесь, суки, – отрезала Женя. – Тебе моя хата понадобилась? Бога не боишься? А мужа моего?

– Женька, дура! Ты чего? Совсем мишигинер?! Да я с твоей матерью сорок лет душа в душу жила!

– Тварь, я тебя найду! – Женька облокотилась на перила своими костлявыми бедрами и проорала в сонный двор: – И тебе будет мало места в Одессе! Слышишь?!

Путь на восток

Двадцать дней дороги прошли как в тумане. Ксения, самая младшая из Беззубов, умудрилась протащить Фиру и Ванечку через все дорожные ужасы эвакуированных с максимальным комфортом. Ее дар вычислять нужных людей, сохранять веселое, наплевательское отношение ко всем трудностям и возникшим препятствиям и чисто одесское умение договариваться в любых обстоятельствах помогали найти билеты, добывать еду и даже заполучить целое купе без попутчиков. Неслыханная роскошь. На третий день пути в поезде Фира вдруг заметит:

– Ксюша, а где твои серьги?

Серег, про которые Лидка сказала, что неприлично носить на себе новый «форд», тяжелых дореволюционных серег червонного золота с крупными сапфирами и осколками бриллиантов по периметру, не было.

– А, – беззаботно отмахнулась Ксюха, – еще заработаю. Мам, да что ты нервничаешь? Ты к золоту неправильно относишься – это же просто ресурс. Пришло, ушло, опять пришло.

В Хабаровске они за два месяца сменили три адреса от одной теплой, но маленькой комнаты с хозяйкой до предоставленной рабочей отдельной просторной квартиры. Ксения могла уйти на несколько суток, потом проспять часов четырнадцать, засесть на кухне с какими-то бухгалтерскими книгами и снова уйти в ночь. Еще через месяц ее круглосуточные дежурства стали редкими. И появились шубы. Сначала для Ваньки из котика. Через неделю для Фиры – каракулевая, в пол, с огромным воротником из чернобурки.

– Бабушка – буржуй! – расхохотался Ванька, когда Фира вышла в обновке в центр комнаты.

– Бабушка – королева, запомни! Чтоб жене своей такую купил, понял? – обняла его Ксения.

– Ну зачем ты тратилась?

– А зачем всю жизнь на потом откладывать? Сейчас надо радоваться.

– Так война идет!

– Тем более. А вдруг убьют завтра – так и помрем печальные и без шубы.

– Как у тебя все так легко?

– Так жить легко. Вы сами себе все усложняете. Носи на здоровье. – Ксения чмокнула маму в макушку.

Сама она продолжала гонять по морозу в своем пижонском тонком пальто. И категорически отказывалась надевать валенки вместо модельных ботиночек. Фира умоляла:

– Забери шубу! Застудишься!

– Мама, мне до работы добежать, а тебе полдня этого бандита по всем горкам ловить. И куда мне твоя шуба? Я ее вообще как детскую купила.

– Ксения... – Фира с опаской смотрела на дочь, – деточка, чем ты занимаешься? Это не опасно?

– Цифрами, мама, только цифрами, – смеялась Ксюша. – Если ты их понимаешь, то не опасно. А шуба мне ж особенная нужна.

И через месяц особенная шуба появится вместе с робким и обходительным СанСанычем, который заглянет за Ксаночкой Ивановной субботним утром.

СанСаныч будет любимого Ксениного фасона – взрослый – слегка за сорок, солидный, крупный во всех отношениях торговый работник. И Ксюша с удовольствием позволит ее обожать.

– Ксенечка, он тебе хоть нравится? – спросила после знакомства Фира.

– Мам, ну конечно. Отличный мужчина. Мне подходит.

– Не любишь?

– Любят маму, Родину, мороженое, красивые туфли, детей, – она потрепала Ваньку по макушке, – детей обожают даже. Ну и Саныча тоже люблю – он хороший.

Ксения и к высоким чувствам относилась так же легко, как и к остальным вещам в жизни. Любовь должна была быть для взаимного удовольствия, а не для страстей и страданий – зачем ей такое? Она оценивала кавалеров не по внешности, а по ресурсам – от физических до материальных. И чем их больше, тем привлекательнее. Отношение к ней тоже играло важную роль. Даже самых перспективных кандидатов, которые не сразу проявляли интерес,

Ксения вообще не рассматривала – зачем лезть на верхушку, когда можно не напрягаясь сорвать то, что под рукой, без усилий.

Порхая между работами и даже городами Хабаровского края, Ксения успевала все – поиграть в снежки с Ванькой, сходить в театр на премьеру и замечать все, что происходит дома.

– Ты бледная и похудела, – скажет она маме.

– Климат другой... я никак к этой зиме не привыкну. Тяжко без солнца. Разбаловалась в Одессе.

– Ты тоже заметила? И мне солнца не хватает.

На следующий день Ксения притащит бочонок красной икры и вручит большую ложку.

– Значит, так: два раза в день, а лучше три. Как лекарство. Тебе и Ваньке. Хотите с хлебом, хотите так. А то вы зеленые оба. Да, кстати, мам, а ты чего спину трешь постоянно? – Ксения внимательно уставилась на Фиру.

– Да что-то поясница разболелась. Так еще в Одессе бывало. Поболит-поболит и пройдет.

Через неделю, собираясь гулять с Ванечкой, Фира вдруг обнаружила, что ноги не помещаются в валенки. Не проходят. Отек не сходил. Она придумала повод не выходить и веселую игру, чтобы отвлечь Ваню. Но Ксения вечером сразу увидела:

– Мама, что с ногами?

– Отекли на вечер, – чуть скривилась Фира.

– Ничего себе отеки! Да они как колоды!..

Ксения на следующий день отвезет сопротивляющуюся маму в больницу.

– Похоже на воспаление почек. Отеки снимем, начнем с пенициллина. И понаблюдаем.

– Да у меня практически ничего не болит.

– Ну вот и славно, Ирина Ивановна, подлечим вас и пойдем на танцы, – врач улыбнулся Ксене, а та, подмигнув маме, быстро выдвинулась за ним из палаты.

– Почему такие отеки и нет других симптомов?

– Воспаление, скорее всего, хроническое, может, почка уже сморщилась, – вздыхая, объяснял врач. – Ну что вы хотите – пожилой человек.

– Да какой пожилой – ей всего-то пятьдесят шесть!

– Ну и не мало, я вам скажу, – огрызнулся он. – Не девочка, вот и начинают болячки одолевать. Не переживайте, подлатаем.

При румынах

С приходом немцев и румын в жизни Одессы многое изменилось. Запуганные массовыми репрессиями и расстрелами, горожане поначалу не знали, как относиться к этим событиям и можно ли верить, как надолго все эти сдвиги – открытие школ, ресторанов, магазинов, долго ли будет продолжаться свобода торговли, но когда 13 декабря 1941 года на сцене оперного дали «Евгения Онегина», в перемены поверили многие, и на премьере зал был переполнен. К репертуару румынские власти отнеслись очень лояльно, убрали только явно пропагандистские постановки, включили несколько румынских и немецких, зато остался весь репертуар зарубежной и русской классики.

Труппа оперного была по тем временам огромной – более сотни артистов, и театр давал по два представления в день. Культурная жизнь в оккупированной Одессе просто кипела. Помимо оперного работало еще с десятков театров, включая «Интимный», где давали вполне пристойные водевили. Практически сразу открылись магазины и кафешантаны, но только денег у большинства одесситов на такую сладкую жизнь не было. Румыны занялись и производством – за полгода отремонтировали и запустили взорванные хлебзаводы, успели посеять озимые, и даже уничтоженный при отступлении порт снова заработал.

Только партизанское движение, которое спланировали партия и военные, как-то не пошло. Массовые расстрелы мирных жителей за каждого убитого румынского офицера очень быстро свели практически к нулю все коммунистические настроения. Румынское руководство города сделало и более гуманный ход конем – специально к 7 ноября 1941 года был издан приказ, обязующий всех коммунистов зарегистрироваться, и если они дадут расписку, что заблуждались, никаких санкций в их отношении применять не будут, а специалистам будет предоставлена работа с хорошей оплатой и пайком. Многие не стали дожидаться, пока их опознают и выдадут оккупантам бывшие друзья-знакомые-соседи, и в обмен на спокойную жизнь, в лучших традициях сталинских времен, давали расписку-отречение и клялись в верности оккупационному режиму.

Ироду тоже пришлось остаться в Одессе. Его шикарная агентурная сеть и могущество сыграли злую шутку. Такого ценного и буквально незаметного сотрудника оставили присматривать за городом и его жителями в оккупации. Василий Петрович был раздосадован, но особо не сопротивлялся такому раскладу. Много было поставлено им на карту, но и в случае удачи выигрыш был бы огромен.

Но не всем его планам было суждено осуществиться – с началом оккупации дали знать себя кадровые многочисленные просчеты.

Больнее всего ударили по его самолюбию многочисленные кафе, ресторанчики и лавки, открытые бывшими нквдшниками и чекистами, которые с первых дней оккупации стали сотрудничать с сигуранцей, причем на деньги, которые им оставили для подрывной работы и диверсий.

И тут вдобавок агентура проинформировала его, что отряд московских чекистов, расположенный в катакомбах, после совместного обильного ужина с партизанами-одесситами устроил грандиозную драку, выясняя, кто из них кому будет подчиняться.

– Амбициозные идиоты! – возмущался Василий Петрович. – В темноте членами меряются!

Но Ирод не был бы Иродом, если б даже в такой ситуации кругового предательства не нашел достойного выхода. Он располагал огромными суммами в самой разной валюте, двадцатью шестью ящиками с драгоценностями из Одесского отделения Гохрана, которые не смогли вывезти, а еще в разных тайниках было спрятано очень много расписок, доносов, списков и прочих крайне полезных в данной ситуации документов. К тому же румыны ввели реституцию – если кто-то предоставлял документы, что ему ранее принадлежало здание, предприятие, дом или какое-либо другое недвижимое имущество, то оно возвращалось бывшему владельцу.

На подставных лиц, через своих верных агентов, он осторожно вложил хорошие средства в несколько торговых точек в разных частях города, а еще и дал Лидии Ивановне Ланге огромную по тем временам сумму для открытия шикарного ресторана в центре Одессы – по его выражению, «пустил сбережения в рост». Надо отдать должное – при ресторане в отдельном закрытом зале моментально организовалось подобие светского салона с вечеринками и концертами. Лидочка

доверие оправдала и регулярную прибыль моментально переводила в твердую валюту, скупая драгоценности и золото.

Но не только Ирод использовал Лидочку для своих гешефтов – сама она тоже очень расчетливо подошла к вопросу сотрудничества с ним в тот период.

В Центр полетели депеши от Василия Петровича, что им организовано несколько надежных мест для встречи с агентами и самое главное – для вербовки среди оккупантов. Неоднократно отмечалось активное участие в процессе агента под псевдонимом «Графиня». Салон получил благословение от Центра, а Лидочка – карт-бланш. В модный салон с удовольствием стали захаживать старшие офицеры, которые довольно необычно смотрелись в чопорном заведении из-за своих набриолиненных причесок и даже пудры. Своей ориентации они не скрывали. Да и их парадные мундиры тоже вносили приличное оживление в атмосферу салона.

Лидочка даже как-то не удержалась и подпустила шпильку куратору, произнеся с милой улыбкой:

– Ну наконец-то вы среди своих, мой дорогой друг...

Лидочка Ланге буквально озолотилась на новом ресторанном деле. Только свою долю в драгоценностях она теперь тратила на новое тайное и запретное увлечение. Ни Василий Петрович по кличке Ирод, ни Николай Николаевич Ланге, ни Женька Косько не знали, что светская львица, продажная немецкая тварь и законченная сука Лида выкупает из Слободского гетто еврейских детей...

1942

Фира удивлялась. Она размышляла вслух, сидя спиной к палате и глядя на снег за окном.

– Как же так получилось? Как у одних родителей получились настолько разные дети? Ксенечка, ну ты мой последыш, сахарная моя девочка, конфетка. Ну как так? Ты посмотри на Лидку и Аньку! Ну как две родные сестры могут так отличаться? Одна же просто пламя революции и страсти, а вторая – одна коммерция, просто счеты – костяшки влево-вправо, ни любви, ни сострадания, и я даже не знаю, что хуже для женщины.

Ксения смотрела на мамину худую, как у подростка, но сгорбленную, как у старушки, спину, на тонкую шею, которая до слез жалко торчала из ее шикарного халата, как из черепашьего панциря.

– Мама, по-моему, ты преувеличиваешь наши различия. Ты посмотри, как мы похожи. Мы же все одержимые. Ну, каждая своим. Мы все – как ты.

– Но я так, как вы, не считала гешефты-прибыли!

– Да ты просто считала быстрее, чем Лида, та еще взвешивает, а ты – на глаз. Как с папой.

Обе рассмеялись.

– Твой папа... Это мой самый лучший, самый ценный выбор. Причем совершенно без расчета. Провидение...

– Я тебе завидую – сама выбрала свою судьбу. Да еще какую... Мам, а ты не думала, как бы сложилась твоя жизнь, не попади ты тогда камнем в мальчишку?

– Думала, конечно, но не представляла свою жизнь без Ванечки. Не с камнем, так на улице, все равно бы с ним встретила, все равно бы его выбрала. И ты выберешь. Или он тебя. И никуда ты не денешься...

– Ага, с твоими и папиными математическими способностями? Я ж пока все варианты просчитаю – он поседеет.

– Да какие у меня способности? Слава богу, вы мозгами в отца.

– А ты забыла то лето, про которое даже Лидка до сих пор вспоминает? Жаль, меня не было – когда ты всю семью на производство наливок бросила. Они всё мечтали повторить. О,

а может, кончится война и повторим? Я и базу, и рынок сбыта организирую! Мам, не сиди напротив двери! Продует! Я тебе дом куплю! На Фонтане – с садом и самогонным аппаратом. Хочешь?

– Хочу, купи, покупательница моя, только бы война закончилась!

Ксюша поцеловал маму и вышла из палаты. А Фира, воровато оглянувшись, забралась с ногами на широкий подоконник и, по-детски приоткрыв рот, смотрела, как роятся под оранжевым фонарным светом снежинки. Это хаотичное движение, снежный танец, взлеты, порхания, падения и касания вызывали у нее философские мысли.

Все в меня... С мозгами, которые быстрее счетов, и все несчастные... Что ж, девочки, у вас с любовью не складывается?.. Что ж все так или коротко, или изломанно?.. Что Лида, что Аня, что Ксения... Наверное, дело в Ванечке... Найти такого – чудо, удача... А чудо не может быть бесконечным... Вот и у меня закончилось... Но я хоть знаю, что это... А они? Что видели? Кого любили? Любили ли вообще? Я никогда не видела по-настоящему глупую от счастья Лиду. Даже Нестор в свои восемнадцать хоть краешком, но успел, прикоснулся. А они? Убийца этот мою Анечку поломал, разобрал, так что она полжизни в себя прийти не может... Ксюха – добрая душа, но вертихвостка похлеще Лидки... Мама, мама – это ты меня прокляла? Или папа? Одна Шейна свою любовь нашла... И тоже почти ребенком...

Фира спустит затекшие ноги и потрет поясницу. Заляжет под одеяло, по-детски прикрыв, как своим детям, ушко, чтобы быстрее согреться. Шепнет, как обычно уже семнадцать лет подряд:

– Ванечка, приснись мне. Пожалуйста...

Пропал

Первая и главная любовь Шейны-Жени Петька Косько ехал вдоль линии фронта. Он по глупости рассказал об этом сне Женьке еще в мае, сказал и сразу пожалел... Тряпка! Баба! А все эти приметы – расскажи, чтоб не сбылось... Сон на тот момент приснился в третий раз, а потом повторялся снова и снова минимум раз в неделю. И сейчас его до костей пробирал не утренний холод, а жуткое чувство, что именно сейчас и сегодня этот сон таки настигнет его в реальности. Та же в седом инее пожухлая трава, те же угаданные спины деревьев вдоль дороги и такая же пронизывающая тоска, которую режут на длинные серые ломти две фары бронированного ЗИМа. Точно как во сне – он едет со срочным докладом в штаб, и в машину попадает снаряд. На этом взрыв жутким толчком выбрасывал его из сна в душную реальность. Петька хватал ртом воздух, судорожно дышал, впивался пальцами до синяков в Женькину руку, чтобы удержаться, не рухнуть вниз, в сон, в пламя, в ужас.

Он усмехнулся – неужели сегодня?

Петька прищурился и посмотрел в глухое, грязное, как солдатское одеяло, ноябрьское небо.

Декорации совпадают. А импровизации разрешаются? А? Или механизм без реверса? Дядя Ваня, ты бы хоть весточку подал, как там? Хотя с моей жизнью к тебе на облачко точно не светит. Дай бог, чтобы атеисты были правы...

Он затушил папиросу, запрыгнул в холодную машину.

– Ну что, поехали?

– С богом! – выдохнул водитель и перекрестился.

– Вот ты отчаянный, – хохмил Петька. – Бог далеко, а мы рядом.

Вот кого бояться надо.

– Бог везде, а мы уже нет, – почти прошептал водитель. – А своих бояться – как воевать тогда, товарищ Косько?

Петька буркнул:

– Что-то ты, Василий, нынче разболтался как бессмертный!

Он просунул руку в планшет и достал крошечную карточку. На ней рядком сидела его прошлая жизнь – нарядная Женька в белом платье с Нилой и Вовочкой, а по бокам, подальше друг от друга – две

непримиримые и заклятые бабушки – Фира и Елена. Это было единственное фото, на котором они были вместе. Петька настоял – хотел память детям. Он погладил заскорузлым большим пальцем Женькино лицо и прикрыл глаза. Внезапно успокоился и просто ждал.

С чьей стороны прилетел снаряд, никто так и не увидел. Но попал он точно в двигатель. Взрыв был такой силы, что кроме пары покореженных кусков от крыльев не осталось ничего. И тем более никого.

Мельницкая, 8

В квартиру № 12 по Мельницкой улице, 8 бесцеремонно стучали. Заспанная Женька накинула халат и пошла открывать.

– Да кто там такой нетерпеливый? – буркнула она.

На пороге стоял румынский патрульный с какими-то бумагами и еще два румына в военной форме сзади.

– Вот ваш адрес, – патрульный деловито, не обращая внимания на Женьку, протянул листок офицеру за спиной. – Ваши две комнаты. Обживайтесь.

Потом брезгливо посмотрел на взлохмаченную Женьку: – Соберите личные вещи, обеспечьте офицерам комфорт и покой.

– Что происходит?

– Уплотнение – вам одна комната.

В квартиру первым зашел денщик, за ним офицер, – прямо в сапогах в большую комнату. Из дальней спальни выбежала босая Нилочка.

– Здравствуйте, – удивленно уставилась она на гостей.

– Буна димената, – поздоровался денщик и с интересом стал рассматривать Нилу.

Женя вспыхнула:

– Марш в комнату! Одеться немедленно и ко мне!

Она закрыла собой Нилу и, глядя прямо в глаза, обратилась к денщику:

– Не смей смотреть на мою девочку!

Денщик, не понимая, насмешливо отмахнулся и открыл шкаф.

Пунцовая Женька бросилась вынимать свои вещи.

Денщик, так же молча, отобрал у нее стопку постельного белья. Потом вытащил Петькин пиджак и довольно прищелкнул языком. Женя так сжала кулаки, что поранила ладони.

Нельзя... нельзя... у тебя дети...

Она бы убила этого наглого усатого урода с одного удара любым ножом с кухни. А вторым ударом – офицера. Хотя лучше наоборот – у того оружие при себе. А что потом? Потом все равно ее поймают...

Она сквозь зубы, не поднимая головы, произнесла:

– Если что-нибудь понадобится – позовите.

Залетела в свою спальню и схватила Нилу за ухо, зашипела:

– Ты что полуголая ходишь? Хочешь, чтоб тебя изнасиловали прямо дома? А ну оделась! И бабушкину кофту сверху старую! И не причесываться!

Сгоняет на кухню:

– На, жуй!

– Что это?

Женька сунет Ниле в рот пару зубчиков чеснока:

– Разгрызла и медленно разжевала!

– Мама, фу, я не хочу. Зачем?

– Жри, чтоб на тебя не позарились! Воняй, не мойся. Ходи как конь шахматный. Два врага в доме! Воняй и в глаза не смотри!

– Красивая баба, – задумчиво сказал офицер, когда Женя вышла из комнаты.

– Привести вечером? – отозвался с готовностью денщик.

«Бег козы»

Анька пришла в себя. Увидела пятно на потолке в форме хачапури. Застонала.

– О, с возвращением! – Сухонькая старушка в медицинской шапочке смочила ей губы.

– Где я? – Анька пыталась сфокусировать взгляд. Хачапури на потолке растекалось и медленно вращалось.

– А ты не помнишь? В Бек Къазы.

– Какой бег козы?

– Село наше. Деточка, а ты откуда?

Анька ухватила рукой за кровать – та плыла и разворачивалась. И ходила волнами.

Все, что она помнила хорошо, – было судно. Ее эвакуировали в последний день с военными.

– Досиделась дура! – скажут ей в военкомате.

Аньку не хотели брать на фронт. С инвалидностью и занимаемой должностью ей полагалось или оставаться в подполье и вести агитационную работу, или проходить ускоренные курсы медсестер и отправляться в санчасть. Но самый очевидный и близкий ее работе вариант – это корреспондентом в военную газету. Учитывая риски, ответственного партийного работника и коммунистку все-таки эвакуировали. Аньку укачивало и мутило всю дорогу из Одессы до Крыма. А когда она сошла на берег, мутить не перестало. Дальше все было как в тумане. Озноб, высокая температура, марево перед глазами. Она еще не знала, что это тиф. Выныривая из этого удушливого сумеречного состояния, она твердила одно: – Мне надо в Джанкой.

Когда отключился ее беспокойный мозг, всплыл единственный адрес, куда она рвалась по-настоящему – село под Джанкоем, где жил Боренька.

Анька посмотрела вокруг осоловелым взглядом, несмотря на октябрь, подставила голову под холодную воду из колонки. Выдохнула. Пошла.

– Джанкой, – прошелестела она и протянула вещмешок с консервами. Ее посадили в кузов полуторки. Там уже сидело с десятков пассажиров. Анька забила в угол, за лавку, и моментально

заснула. Провалилась в горячий туннель. Проснулась от взрыва и боли. На ней лежал толстый старый татарин. Из его рта струйкой стекала кровь. Анька, пыхтя, выбралась и, обходя разбросанные куски человеческого мяса и покореженного металла, пошла по тропинке вниз. Туда, где на горизонте блестела золотой тесьмой полоска моря.

Так и добрела до крошечного, богом забытого села.

– Джанкой далеко? – спросит Анька, очнувшись еще через пару часов.

– Да верст тридцать, – ответит старушка. – Ты оттуда?

Дарья Владимировна работала в местном фельдшерско-акушерском пункте последние двадцать лет. Ее и вызвали мальчишки, увидев сидящую под деревом у дороги тетку в крови. Кровь оказалась чужой, а у гражданки ничего при себе, кроме жара и вшей.

Анька медленно сядет на кровати и прошепчет:

– Бог любит Троицу, – и спросит погромче: – Я давно здесь?

– Две недели.

– А наши где сейчас?

– Молчи, деточка. Ушли наши. Немцы уже здесь. Татары теперь все за немцев. Так что молчи. У тебя есть кто в Джанкое?

– Не в Джанкое – рядом.

Анька, с крошечным отросшим ежиком на бритой голове, худая, как скелет, в старой сорочке Дарьи Владимировны и своем плаще, выйдет во двор и присядет на солнышке. Мимо проскачут всадники. Один из них вернется и, не спускаясь с коня, насупившись, уставится на нее.

– Юсуф???

Жидлан

Сережка Ижикевич, дружбан Нилы и сосед из той самой бывшей квартиры Вайнштейнов, возвращался домой. В свои тринадцать он был таким мелким и тощим, что его ни в какую не взяли на фронт, хотя пацан был рукастый. Как шутили дворовые мадам:

– Аська, а ты его, часом, не от Пети Косько прижила? Такой двинутый на железках в нашем дворе только он!

Сережка любил автомобили. А его беззаветно любили все девчонки в радиусе трех кварталов. Чернявенький, кудрявенький, веселый. Характером в слободскую маму, а внешностью в папу-болгарина.

Его окликнул румынский патруль. Судя по тому, как покачивался один из полицаев, – они были в хорошем подпитии.

– Стоять, жидлан!

На него навели автомат.

Сережка вдруг понял, что его сейчас убьют. Просто так, в сквере рядом с домом. Он оглянулся: не сбежать – подстрелят.

– Я? Нет! Я – я болгарин, – он затрусил головой. А потом поднял руку и неуверенно медленно перекрестился кулаком. Папа был самым идейным комсомольцем двора, а крестилась только мама и только в самых особенных случаях, украдкой и очень быстро.

Патрульный заржал. А потом ткнул в него стволом:

– Штаны спускай!

Сережка не был хулиганом, но точно не маминым сынком, и проводил на улице больше времени, чем дома и в школе, вместе взятыми. И это точно было не по пацанским понятиям.

– Еще чего!

Патрульный передернул затвор. Красный, мокрый, с полными слез глазами, Сережка стянул штаны. Патруль заржал, кто-то пнул его сапогом в тощий голый зад:

– Вали, ублюдок!

Сережка, в секунду подобрав штаны, захлебываясь злобными пекучими слезами, домчал домой, влетел к себе, запер дверь и костлявым боком стал аккуратно подталкивать тяжелый пузатый сервант со всяким маминым хламом.

– Убью вас! Всех убью, фашисты проклятые! – пыхтел он, шморгая носом.

А потом нырнул в щель за сервантом и пропал. Этот ход в катакомбу он нашел еще два года назад.

Со всех сторон

Борька сходил с ума. Последняя телеграмма пришла два месяца назад. «Ваня едет Ксеной Хабаровск люблю Аня».

Дорога из оккупированной Одессы была одна – морем. Боря встречал все суда, приходящие из Одессы. Все. Но сына так и не нашел. Он только молился, чтобы разминулись, чтобы Ваня не оказался на одном из тех десятков затопленных, подорванных, расстрелянных судов. Где его мишигинер на всю голову, любимая революционерка Анечка? Боря пытался слушать сердцем – жива, не жива?

С другой стороны, с приходом новой власти у него появился шанс на новую жизнь. Шанс вообще уехать отсюда под татарским прикрытием. Потому что практически поголовно крымские татары приняли немцев с радостью.

Первый месяц Боря максимально держался дурачком под старым одесским «надо напосмотреть». Положа руку на сердце, ему было все равно, под кем ходить и у кого воровать. Партизанские склады с запасами провианта, мануфактуры и оружия он засек еще год назад при обустройстве. И с помощью исполнительных, но беспросветно глупых помощников их руками разграбил парочку. Татары с удовольствием унесли еду, ткани и часть оружия, а он после их ухода прихватил самое ценное и малозаметное – непонятные для местных бумажки: немецкие рейхсмарки разного номинала и годов выпуска, патроны и даже наркотики. Да, они тоже были. К партизанской и диверсионной работе в тылу врага готовились тщательно. Поэтому лучшие умы НКВД для выживания и сбора разведанных обеспечили будущих агентов самым ходовым и всегда ценным товаром для обмена на информацию. И если для того, чтобы купить продукты или подкупить патрулей, будет достаточно отреза ткани, бутылки водки или банки тушенки, то наркота открывала совсем другие двери.

Боря не был патриотом. Родина в его понимании заканчивалась точно за воротами его дома. Он ненавидел красных, разрушивших его жизнь. Но и крымские татары были не лучше. Сразу после вступления в коллаборацию пошли эти мерзкие выступления и газетенки про

жидовский мировой заговор, жидов-коммунистов и прочие проклятья его народа.

Нури Абибула, например, выступил на тему «Евреи – враги всех народов» и «рядом примеров доказал, что евреи действительно являются кровожадными дикарями». Боря был готов мстить обеим сторонам. Но решил, что для начала лучше на обеих заработать. Тем более что у него было одно давно болящее и нерешенное дело. Ему обязательно, любой ценой нужно было попасть в родной двор на Мельницкой, в свою старую квартиру у самой арки. И тянули его туда не детские воспоминания, не Женя-Шейна Беззуб, а его комната с выходом в катакомбы. И ничего, что ее нашли, а потом замуровали чекисты, к счастью, они, в отличие от него и Аньки, не читали «Шерлока Холмса» и не знали, что прятать надо на видном месте. Ну как на видном? Прямо у порога, просто под рукой. Там была персональная, отдельная схованка Вайнштейнов. Крошечная, на самый черный день с самой чистой воды бриллиантами.

Хабаровск

СанСаныч заглянул к Беззубам как обычно, субботним утром. Снял пальто с тяжелым меховым воротником.

– А, не разувайся! – отмахнулась Ксения. – Не в бане.

– Ну как же? – Саныч скинул сапоги, зашел в комнату и торжественно развернул пакет. В нем была тощая синяя курица.

– Ксаночка, ты не представляешь, как тяжело ее здесь достать. Медвежати́на, оленина – пожалуйста! Крабы – не вопрос. Но курица... – он вздохнул. – Но ты же знаешь, ради тебя...

Ксения надула губы:

– Ну не лучший экземпляр, скажу честно... но все равно похоже на чудо. Спасибо, я верила, что ты справишься!

СанСаныч тихонько сидел у окна и смотрел, как Ксения, мурлыча под нос, колдует над бульоном.

– Ксаночка, ты уверена, что над ним надо все время стоять?

– А как же – отвернешься, и он тут же закипит. И все твои труды насмарку!

– Почему?!

– Бульон будет мутный, – вздохнула она, – а мутный бульон – это несмываемый позор. На Молдаванке так точно. – Ксения аккуратно провела ложкой по краю, снимая намеки на шум – сероватую белковую пену.

– Ты иди, если занят, я тут часа на четыре прикована.

СанСаныч вздохнул. Он, огромный грозный глава эвакуированного комбината, сидел, как мальчишка в детском саду, сложив руки на коленки. И эти смешные шерстяные носки ручной вязки – точно как у Ваньки. СанСаныч подобрал под себя ноги.

– Ксаночка, я давно хотел спросить, но не решился...

– Давай, любые вопросы, до обеда я совершенно свободна, – Ксения оперлась попой о подоконник и сложила руки на груди.

– Ксаночка, я знаю, что намного старше тебя...

– Ну, бульон из тебя придется на два часа дольше варить. А других проблем что-то пока я не вижу, – улыбнулась младшая Беззуб.

– Ксения Ивановна Беззуб, – его командный голос внезапно соскочил в фальцет. Саныч покраснел. – Ксения, выходи за меня замуж. Я так тебя люблю. Я тоже Ванечку хочу...

Ксения смотрела на него и молчала. Это не было, как у папы с мамой – раз, и в самое сердце, не был лотерейный билет, как у Лиды, и не разгорающаяся страсть, как у Женьки... Она смотрела на Саныча в детских носках, с первой проседью на висках, на его узловатые огромные руки, которые он сейчас сжимал, и молчала. Он ей нравился. Очень нравился. С Санычем было легко – при всем своем серьезно-грозном виде он был невероятно нежным любовником и фанатично заботливым партнером. Ксения считала важную схему... Потом вздохнула, опять сняла невидимую пленку на томящемся бульоне и присела возле Саныча. Так, чтобы снизу смотреть в его глаза.

– СанСаныч послушай... ты очень хороший... ты...

Саныч окаменел и опустил голову.

– Дослушай меня, пожалуйста. Ты – идеальный муж, но... понимаешь... я не хочу... – Она помолчала и добавила: – Не хочу Ванечку... Я хочу... маленького СанСаныча. И тихо! Тихо! Бульон выкипит! Поставь меня сейчас же!

Ксения учла в новой схеме своей жизни все входящие и исходящие данные. Учла и то, как обрадуется Фира, узнав, что младшая наконец-то нашла свою судьбу. Точнее, судьба сама ходила за ней по пятам и настойчиво добивалась согласия.

– Когда?! Когда поженимся? – Саныч окончательно превратился в мальчишку. – Давай в пятницу? Я должен найти платье и устроить банкет!

– Когда скажешь. Ты теперь главный. Тебе решать, – усмехнулась Ксения.

Через час, когда ее уже официальный жених умчится гулять с Ванькой, она поспешит в больницу с фирменным семейным лекарством от всех болезней – «еврейским пенициллином» – прозрачным янтарным бульоном с домашней лапшой.

– А где мама? – Побелевшая Ксения с банкой бульона, спеленутой в три слоя газеты и пуховой платок, застыла на пороге палаты. Вещей нет. Постель застелена.

– Ирина Ивановна в реанимации. В пять утра забрали, –
отозвалась соседка по палате...

---

notes

Примечания

1

Дурочка, больная на голову (*идиш*).

2

Хозер – свинья, ругательство на иноверцев (*идиш*).

3

Шмок – ругательство, мужской половой орган (*идиш*).

4

Болгарский крест накладывается по диагонали, а потом поверх вертикально-горизонтально, увеличивая трудоемкость ровно в два раза.

5

Бейца – яйца (иди).

6

Кладбище (*идти*).

7

Это что за дела? Что ты замер? чучело непонятливое! Отвечать!!!
(Нем.)

Table of Contents

[Юлия Верба Одесская сага. Ноев ковчег Книга 2](#)

[1925](#)

[Дорога в облаках](#)
[Аварийная Аня](#)
[Преступление и наказание](#)
[В профиль](#)
[Гром не грянул](#)
[Мама приедет](#)
[Красная нить](#)
[Юсуф](#)
[Не судьба](#)
[С того света](#)

[1926](#)

[Новенький-готовенький](#)
[Страсбург](#)
[Слон на веревочке](#)

[1927](#)

[1928](#)

[Цыплят по осени считают](#)
[Как знак](#)
[На бис](#)

[1929](#)

[«Великий перелом»](#)
[Осоавиахим с ним](#)
[Рабочая няня](#)
[Фрунзенский Николай](#)
[Не понос – так золотуха](#)

[1930](#)

[«Алягер ком алягер»](#)
[Джутовая революция](#)
[Развлечения на пленэре](#)
[Оружейный пикник](#)
[Возвращение в Одессу.](#)

[1931](#)

Крупная рыба
Котька

1932

1933

Ксюша
Золотое дно
А вас я попрошу остаться
Лучшие друзья девушек
Ну вот опять
Штормовое предупреждение

1934

Московский гость
Не оглядываясь
На посошок
Отрада
Сюрприз
Гешефты
Иван Беззуб второй

1935

Наша кровь
Куплетный конфуз
Фенечка и Сенечка

1936

Перевод
Крест и молот
Оперативный душ
Без защиты
Начеку
С глаз долой

1937

1938

Каменец-Подольский

1939

Убить дракона
Новый поворот

1940

Отпуск

1941

Как в последний раз
Кому война – кому мать родна
Оборона
Эвакуация
Никому!
Гедаля
За что?
Бенефис
Путь на восток
При румынах

1942

Пропал
Мельницкая, 8
«Бег козы»
Жиддан
Со всех сторон
Хабаровск

Примечания

1
2
3
4
5
6
7

